

Magna adsurgit: historia studiorum

Великая степь:
исторические исследования

2016, №1

Элиста, 2016

Magna adsurgit:
historia studiorum

Великая степь:
исторические исследования

2016, №1

Magna adsurgit: historia studiorum

Научный журнал

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Основан в 2016 году

Выходит 2 раза в год

№1, 2016

ISSN 2541-9749

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

E-mail: magna-adsurgit@yandex.ru

Главный редактор:

Очиров У.Б., д.и.н., доцент

Ответственный секретарь:

Сартикова Е.В., д.и.н., доцент

Члены редколлегии:

Максимов К.Н., д.и.н., профессор

Бадмаева Е.Н., д.и.н., доцент

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение к читателям	5
---------------------------------	---

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ

<i>Оконова Л.В.</i> Отчет совета Астраханского калмыцкого управления: опыт формулярного анализа (1836–1847 гг.) . .	7
<i>Очиров У.Б.</i> Книги памяти Астраханской области как источник по истории участия калмыков в Великой Отечественной войне	16
<i>Максимов К.Н.</i> Ренессанс исторической науки Калмыкии	25

ИСТОРИЯ

<i>Тепкеев В.Т.</i> Взаимоотношения Калмыцкого ханства и порубежья Юга России накануне политического кризиса начала XVIII в.	34
<i>Ряжев А.С.</i> Судьба печати калмыцкого хана: этноконфессиональные процессы на юго-востоке России в 30-60-е гг. XVIII в.	50
<i>Лиджиева И.В.</i> Проблема водоснабжения в калмыцкой степи в нач. XX в. (по материалам аймачных и хотонных приговоров)	61
<i>Бадмаева Е.Н.</i> Деятельность финансовых органов Калмыцкой автономной области (1920–1935 гг.)	71
<i>Согданова З.Г.</i> Оценка ущерба, причиненного в ходе оккупации в 1942 – нач. 1943 гг. Яшалтинскому улусу Калмыцкой АССР	86
<i>Иванов А.С.</i> Колониальный дискурс в историографии истории спецпоселений	94
<i>Сартикова Е.В.</i> Численность членов профсоюзов Калмыкии в 1957–1985 гг.	100
<i>Белоусов С.С.</i> Основные этапы государственной политики в отношении Русской православной церкви в Калмыкии . .	111
Сведения об авторах	119

Дорогой читатель!

Вы читаете первый номер нового научного журнала «Magna adsurgit: historia studiorum» (Великая степь: исторические исследования). Основателем и издателем журнала является Калмыцкий научный центр Российской академии наук.

Великая степь – это обширный степной макрорегион, протянувшийся в центре Евразийского материка на половину континента: от Карпатских гор через бывшее Дикое поле, Степное Предкавказье, Нижнее Поволжье, Южное Приуралье, Казахстан, южные равнины Западной Сибири, Джунгарию и Монголо-Манчжурскую степь почти до берегов Тихого океана. Бескрайние степи обусловили свои особенности развития общества, экономики, уклада жизни, быта, менталитета, материальной и духовной культуры, которые заметно отличались от аналогичных процессов у оседлых земледельцев. Некоторые сторонники цивилизационного подхода даже поставили вопрос об отдельной кочевой цивилизации со своими законами и этапами развития. На территории Великой степи зарождались, достигали апогея и переживали крушение могучие кочевые империи, здесь пролегали древние торговые пути, воздвигались и разрушались поселения и храмы с уникальной архитектурой. От многих государств, увы, не осталось ни духовного наследия, ни письменных источников (если не считать таковыми свидетельства соседей, которые не всегда могли правильно понимать особенности менталитета кочевников). Не менее интересными для изучения представляются особенности процессов модернизации и глобализации среди бывших кочевых народов, которые им пришлось пережить в XX веке.

На наш взгляд, без изучения истории народов и государств Великой степи невозможно комплексное, всеаспектное и полностью адекватное отображение как всеобщей, так и отечественной истории. Представляемый Вам журнал является одним из небольших «кирпичиков» возводимого здания Исторической Правды. На страницах этого журнала мы планируем публиковать научные статьи по проблемам истории, источниковедения, археологии, этнографии и других отраслей исторической науки, посвященных народам и государствам, проживавших и проживающих на территории Великой степи.

Приглашаем к сотрудничеству всех заинтересовавшихся ученых.

Адрес редакции: 358000, Россия, г. Элиста, ул. Илишкина, д. 8, оф. 147. КалмНЦ РАН. E-mail: magna-adsurgit@yandex.ru.

Адрес в интернете: <http://kigiran.com/pubs/index.php/history>

Главный редактор – У. Б. Очиров

Источниковедение и историография

УДК 94(47)08

ОТЧЕТ СОВЕТА АСТРАХАНСКОГО КАЛМЫЦКОГО УПРАВЛЕНИЯ: ОПЫТ ФОРМУЛЯРНОГО АНАЛИЗА (1836 – 1847 гг.)

Оконова Л. В.¹

¹ кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Калмыцкого научного центра Российской академии наук (г. Элиста).

E-mail: okonova.lv@gmail.com

Аннотация. В данной статье рассматривается процесс эволюции структуры отчетов Совета Астраханского калмыцкого управления за период его существования (1836–1847 гг.). Анализ позволил сделать вывод о том, что формуляр четко разграничивается на текстовую (описательную) часть и приложения, состоящие из таблиц ведомостей. Для содержания текстовой части отчетов наиболее характерна повторяемость. Таблицы являлись значимым разделом отчетов, широко применявшимся в практике центрального и местного управления калмыцким народом.

Ключевые слова: сводный годовой отчет, Совет Астраханского калмыцкого управления, исторический источник, формуляр, репрезентативность, источниковедческий анализ.

Сводные годовые отчеты калмыцкого управления являются обобщающим типом делопроизводственной документации, раскрывающим региональные аспекты политического, экономического, социального и культурного развития Калмыцкой степи Астраханской губернии в составе Российской империи в XIX – нач. XX вв., и поэтому относятся к числу важнейших исторических источников по данной теме. Об этом свидетельствуют ряд исследований, посвященных изучаемой проблеме [Бурчинова 1980; Лиджиева 2016; Оконова 2016].

Делопроизводственный комплекс калмыцкого управления составляет преобладающую массу материалов дореволюционного периода, отложившихся в различных фондах Национального архива Республики Калмыкия (далее – НА РК). Среди них одним из наиболее ценных по содержанию является фонд И-3 Совета Астраханского калмыцкого управления, хронологические рамки которого охватывают период с 1836 по 1849 гг. В настоящее время здесь хранится 374 дела. Анализ фондов в

качестве источников дает широкие возможности для изучения истории организации и развития самих учреждений.

Согласно утвержденному 24 ноября 1834 г. «Положению об управлении калмыцким народом» от 28 декабря 1835 г. для калмыцкого народа учреждается «*особое управление, отдельное от губернского*» [ПСЗРИ-II, т. X 1836: 18–40]. Вместо ранее установленного административного надзора со стороны пристава была введена попечительская система управления Калмыцкой степью, в результате чего приставов заменили попечителями. Главноуправляющий Кавказским краем был освобожден от исполнения прежних обязанностей по управлению калмыцким народом и его полномочиями наделялся астраханский военный губернатор [Бурчинова 1980: 22–24; Максимов 1995: 220–241; Максимов 2002: 172–187; Белоусов 2009: 492–496]. Комиссия калмыцких дел была реорганизована в Совет калмыцкого управления, впоследствии переименованный в Совет астраханского калмыцкого управления (далее – САКУ), который функционировал с 21 мая 1836 г. по 4 октября 1848 г. [НА РК. Ф. 7. Оп. 4. Д. 1. Л. 7; Ф. 9. Оп. 4. Д. 16. Л. 86; Ф. 9. Оп. 4. Д. 17. Лл. 3–17 об.]. 23 апреля 1847 г. последовало «Высочайше утвержденное Положение об управлении калмыцким народом», согласно которому САКУ преобразовали в Особое отделение при Астраханской палате государственных имуществ, называвшееся также «Отделением ордынских народов» или просто «Ордынским отделением» [ПСЗРИ-II, т. XXII 1848: 349–372].

В фонде И-3 «Совет Астраханского калмыцкого управления» хранятся подлинники, копии и дубликаты отчетов САКУ за 1840–1847 гг. [НА РК. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 134; Д. 280; Д. 311; Д. 348; Д. 383; Д. 417; Оп. 3. Д. 8; Оп. 4 Д. 1]. Следует учесть тот факт, что на начальном этапе исследуемого периода представление отчетов в составе делопроизводства было не регулярным, и регионы Российской империи лишь постепенно включались в этот процесс. Не стала исключением и Астраханская губерния, в состав которой входила Калмыцкая степь. Первые отчеты о состоянии Калмыцкой степи были выявлены в НА РК за 1836–1838 гг. в виде финансовых отчетов САКУ и Зарго [НА РК. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 40; Д. 57; Д. 90]. Например, по описи дело за 1837 г. именуется «Финансовые отчеты Совета Астраханского калмыцкого управления и Зарго за 1837 год» [НА РК. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 57]. На форзаце этого дела (общим объемом 32 листа) указано другое название «Генеральный отчет о приходе, расходе и остатке сумм Калмыцкого Управления за 1837 год с приложениями счетов и ведомостей».

Финансовый отчет состоял из 10 таблиц-ведомостей:

**Оконова Л.В. Отчет совета Астраханского калмыцкого управления:
опыт формулярного анализа (1836–1847 гг.)**

«1. Генеральный отчет о приходе, расходе и остатке сумм Калмыцкого Управления за 1837 год.

2. Лит. Е. Счет Совета Астраханского Калмыцкого Управления о суммах, принадлежащих Государственному Казначейству за 1837 год.

3. Генеральный отчет Суда Зарго о приходах и расходах сумм онаго за 1837 год.

4. Лит. А. Ведомость Астраханского Суда Зарго о полученных от них из разных мест суммах в 1837 году.

5. Лит. Б. Ведомость Астраханского Суда Зарго о полученных от них из разных мест суммах в 1837 году.

6. Лит. Б. Счет о приходе, расходе и остатке штатных сумм по Калмыцкому Управлению за 1837 год.

7. Лит. Н. Счет сумм, следующих Астраханскому Калмыцкому Управлению из уездного Казначейства по росписи и по дополнительным ассигнованиям за 1837 год.

8. Лит. Ж. Счет о приходе, расходе и остатке сумм, принадлежащих разным местам и лицам, обращавшихся по Калмыцкому Управлению за 1837 год.

9. Лит. А. Счет сумм, отосланных из Калмыцкого управления за 1837 год.

10 Лит. К. Счет сумм, полученных Калмыцким Управлением от разных мест за 1837 год» [НА РК. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 57].

Анализ финансового отчета САКУ и Зарго за 1837 год позволил предположить, что в конце 30-х годов XIX в. структура отчета стала довольно устойчивой и состояла из двух частей – собственно отчета и статистических приложений. По всей вероятности данные финансовые отчеты были подготовительными материалами и впоследствии включались в качестве статистических приложений к отчету, то есть являлись одним из структурных элементов сводного годового отчета САКУ, подлинники которых в настоящее время не выявлены. Подтверждением этого предположения является «Отчет САКУ за 1840 год», который был доработан и расширен согласно требуемой программе формуляра того времени. Это было связано с выходом «Общего наказа гражданским губернаторам», датированного 3 июня 1837 г, которым был введен формуляр этого документа. Помимо регламентации функций губернатора, официально называемого теперь «хозяином губернии», документ, по сути впервые обозначил «высочайший статус ежегодного губернаторского отчета» и его «всеподданнейший характер». Документ получил название – «Отчет о состоянии губернии и управлении ею» [ПСЗРИ-II, т. XII 1838: 431]. Именно с этого времени

составление отчетов приобретает более устойчивый характер. Лишь с началом Первой Мировой войны представление отчетов калмыцкого управления прекращается, что подтверждается данными последнего отчета главного попечителя калмыцкого народа за 1914 г. Начиная с 1840 г., данные документы стали постоянно откладываться в фондах САКУ. Например, в НА РК отчеты САКУ за 1841, 1843–1846 гг. выявлены в двух экземплярах, один из них является копией, а другой – дубликатом. Подготовительные материалы отложились в виде финансовых отчетов САКУ и Зарго за 1836–1838 и 1841 гг.

Каждому отчету давался заголовок, например, Отчет Совета Астраханского Калмыцкого Управления за 1841 год [НА РК. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 134]. Отчет САКУ за 1841 г. представляет собой книгу-дело темно-зеленого цвета, в которое включены текст отчета и статистические приложения. На обложке прямоугольный оттиск 7x8,5 см золотого цвета, обрамленный орнаментом 0,5 см, в котором крупными буквами написано «ОТЧЕТЪ СОВЕТА АСТРАХ. КАЛМЫЦКАГО УПРАВЛЕНИЯ 1841». Высота букв составляет 4 мм. При этом заголовок каждого отчета отражал сущность содержания, т.е. был отчетом об управлении калмыцким народом, составленным не лично главным попечителем, а чиновниками САКУ под его руководством. Сам текст отчета занимал, как правило, более 90 листов рукописного текста, заполненных с обеих сторон на хорошей качественной бумаге каллиграфическим почерком черными чернилами. Например, отчет за 1840 г. составлен на 78 листах, за 1841 г. – на 95, за 1845 г. – на 95, за 1847 г. – на 63.

Каждый отчет состоял из оглавления, текста-описания отчета и статистических приложений. В порядке исключения оглавление могло отсутствовать. Порядок чередования был произвольным. Оглавление помещалось в начале или в конце отчета, но в большинстве случаев оно предваряло текстовую часть отчета. Так, описательная часть отчета за 1840 г. состояла из трех разделов и заключения: «Распоряжения общие», «Попечительство над калмыками», «Движение дел». Каждый раздел подразделялся на параграфы:

«I

Распоряжения общие

Состав Калмыцкого Управления

Определение и увольнение чиновников

II

Попечительство над калмыками

О народонаселении

О вероисповедании

Оконова Л.В. Отчет совета Астраханского калмыцкого управления:
опыт формулярного анализа (1836–1847 гг.)

Повинности
Денежная
Натуральная
Доходы с оброчных статей
О хозяйственном капитале Калмыков
Средства Народного продовольствия
Начало оседлости между калмыками и распространения хозяйства и промышленности
Происшествия
Пожары
Утонувшие
Погибшие от других причин
Намеренные убийства
Грабежи
Отгоны скота
Падежи скота
Оспопрививание
Состояние народного здоровья
Нравственная склонность калмыков
Ярмарки и базары
Выдача билетов

III

Движение дел

Делопроизводство по Совету Калмыцкого Управления
Делопроизводство по Суду Зарго
Делопроизводство по Ламайскому Правлению
Делопроизводство по Улусным Судам
Делопроизводство у Улусных Попечителей, их Помощников и Чиновников для Особых Поручений
Состояние Калмыцкого Управления
О штатной сумме на содержание Калмыцкого Управления
Заключение»

Статистические приложения включали таблицы-ведомости, в которых отражены статистические данные, характеризующие финансовую деятельность САКУ и Зарго:

«1. Генеральный отчет о приходах, расходах и остатке сумм Калмыцкого управления за 1840 год.

2. Счет сумм, отосланных из Совета Астраханского Калмыцкого Управления за 1840 год.

3. Под лит. Б. Счет о приходе, расходе и остатке штатных сумм по Калмыцкому Управлению за 1840 год.

4. Под лит. Е. Счет о приходе, расходе и остатке сумм, принадлежащих Государственному Казначейству, обращавшихся по Калмыцкому Управлению за 1840 год.

5. Под лит. Ж. Счет о приходе, расходе и остатке сумм, принадлежащих разным местам и лицам, обращавшихся по Калмыцкому Управлению за 1840 год.

6. Под лит. К. Счет суммам, полученным Сенатом Калмыцкаго Управления от разных мест за 1840 год.

7. Лит. А. Ведомость Суда Зарго о полученных им из разных мест суммах в 1840 году.

8. Ведомость о высланных им в разные места суммах в 1840 году.

9. Генеральный отчет Астраханского Суда Зарго о приходе, расходе и остатке сумм за 1840 год».

Таким образом, сопоставление сохранившихся в НА РК черновики и копий отчетов САКУ показывает, что в целом они едины по форме, т.е. каждый из них состоит из описания, таблиц (ведомостей) и заключения. Это связано с программными указаниями Министерства внутренних дел, создавшего единый формуляр губернаторского отчета, где формулировки текстов были расписаны подробно, а затем переданного губернаторам циркуляром от 14 октября 1842 г. Образец формуляра четко делился на 2 части – текстовую и табличную, содержащую статистические ведомости [Сборник циркуляров 1854: 318–338]. Подтверждением данного факта является то, что в структурном отношении первые две части отчетов за 1840–1845 гг. подвергались совершенствованию, которое проявлялось, во-первых, в добавлении новых параграфов, ведущих к увеличению объема отчетной информации; во-вторых, в конструктивной шлифовке отчетов. К 1845 г. первый и последний разделы – «Попечительство над калмыками» и «Движение дел» были объединены, во втором разделе появился новый параграф «Земли, данные под кочевье калмыков», а параграф «Начало оседлости между калмыками и распространения хозяйств и промышленности» был разделен на два – «Оседлость, полевое хозяйство и степень ее развития», «Фабрики, рукоделия и промыслы». В 1847 г. все три раздела были объединены.

Приложения сначала состояли только из ведомостей, отражавших финансовую отчетность управления, но в 1841 г. появляются «Ведомость о числе калмыцкого народа», «Ведомость о происшествиях в калмыцких улусах», «Ведомость о оспопрививании в Калмыцких улусах», «Ведомость об арестантах, содержащиеся по ведомству Калмыцкого

**Оконова Л.В. Отчет совета Астраханского калмыцкого управления:
опыт формулярного анализа (1836–1847 гг.)**

Управления», «Список Чиновников, состоящим на службе в штат Калмыцкого Управления». Если в 1840–1841 гг. основу приложений составляла финансовая отчетность, то в отчет 1845 г. вошла только одна таблица финансового содержания «Ведомость о приходе, расходе и остатке денежных сумм обращающихся в Совете Астраханского Калмыцкого Управления», остальные ведомости соответствовали содержанию описательной части отчета. В 1847 г. общее число таблиц увеличилось до 24, не считая «Именного списка Чиновников, состоящим на службе по ведомству Астраханского Калмыцкого Управления» и «Общего Табеля о необыкновенных более или менее замечательных происшествиях». В числе этих ведомостей под № 15 давались статистические сведения по следующим пунктам: «Число домов», «Количество занимаемой земли», «Хурулы», «Доходы с народа», «Вероисповедания», «Хозяйственный быт», «Нравы». Приводим список приложений этого отчета полностью:

«№ 1. Общая ведомость делопроизводству по всем преимущественным местам Астраханского Калмыцкого Управления.

№ 2. Ведомость о количестве бумаг по местам, подведомственным Астраханскому Калмыцкому Управлению.

№ 3. Ведомость о нерешенных делах по ведомству Астраханского Калмыцкого Управления, продолжающихся более 3-х лет.

№ 5. Ведомость о числе арестантов, содержащихся в 1847 году под стражею.

Лит. Б. Список о калмыках, состоящих под надзором местного улусного начальства.

№ 7. Ведомость о состоянии опеки.

Лит. В. Ведомость о числе заболевших, умерших и выздоровевших от существовавшей в калмыцких улусах эпидемической болезни холеры.

№ 9. Ведомость о денежных оборотах Астраханского Калмыцкого Управления в 1848 году.

№ 11. Ведомость о скотском падеже.

№ 12. Ведомость о денежных сборах с калмыцкого народа на исправление разных повинностей в 1848 году.

№ 13. Ведомость о издержках по отправлению калмыков на кордонную службу.

№ 15. Статистические сведения по управлению Калмыцким народом.

№ 19. Ведомость о числе разного скота в калмыцком народе.

№ 20. Ведомость о денежном запасном капитале Калмыцкого народа.

№ 21. Ведомость о посеве и урожае хлеба, овощей и плодов в калмыцком народе.

№ 23. Ведомость о состоянии народонаселения во всех калмыцких улусах ведомства Астраханского Калмыцкого управления.

№ 24. Ведомость о числе и роде преступлений в Калмыцких улусах, ведомства Астраханского Калмыцкого Управления» [НА РК. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 417].

Формулярный анализ данных ведомостей показал отсутствие ведомостей под номерами 4, 6, 8, 10, 14, 16, 17, 18, 22.

Таким образом, на протяжении исследуемого времени структура формуляра сводного годового отчета САКУ эволюционировала и подвергалась трансформации. Структура менялась со временем и при ее изменении прослеживается стремление составителей совместить в нем статистическую, формальную сторону документа и аналитическое начало. Отчеты четко разграничиваются на текстовую или описательную часть и приложения, состоящие из статистических таблиц-ведомостей. Для содержания текстовой части отчетов наиболее характерна повторяемость. Таблицы являлись значимым разделом отчетов, широко применявшимся в практике центрального и местного управления калмыцким народом. Содержавшиеся в отчетах сведения давали всестороннюю, но в то же время обобщенную информацию о состоянии Калмыцкой степи за каждый отчетный период. Их разносторонность ограничивалась рамками существования единой программной установки государственной вертикали власти.

Источники

Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК).

Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. Т. X. 1835 г. Отд. II. Прибавление к т. IX. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1836. 350+388+33+71+8+55 с. (ПСЗРИ-II, т. X)

Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. Т. XII. 1837 г. Отд. I. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1838. 822 с. (ПСЗРИ-II, т. XII).

Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. Т. XXII. 1847 г. Отд. I. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1848. 950 с. (ПСЗРИ-II, т. XXII)

Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел с учреждения Министерства по 1 октября 1853 года. Т. I. СПб., 1854. [2]+IV+329+656 с.

**Оконова Л.В. Отчет совета Астраханского калмыцкого управления:
опыт формулярного анализа (1836–1847 гг.)**

Литература

Бурчинова Л. С. Источниковедческие вопросы изучения истории Калмыкии (Вторая половина XIX в.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. 118 с.

Белоусов С. С. Калмыкия в период преобразований (первая половина XIX в.) // История Калмыкии с древнейших дней до наших дней: в 3 т. Т. 1. Элиста: Герел, 2009. С. 464–514.

Лиджиева И. В. Опекa и попечительство в деятельности органов местного самоуправления калмыков в XIX – начале XX вв. // *Bylye Gody*. 2016. Vol. 41. Is. 3. Pp. 658–665.

Максимов К. Н. Калмыкия – субъект Российской Федерации. М.: Республика, 1995. 320 с.

Максимов К. Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX в.). М.: Наука, 2002. 523 с.

Оконова Л. В. Отчеты Управления калмыцким народом: опыт выявления источника // Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие. Материалы II Международной научной конференции, посвящ. 75-летию Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (г. Элиста, 14–15 сентября 2016 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2016. С. 41–43.

УДК 94(47).084.8

КНИГИ ПАМЯТИ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ УЧАСТИЯ КАЛМЫКОВ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Очиров У. Б.¹

¹ доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории Калмыцкого научного центра Российской академии наук (г. Элиста).

E-mail: ochirovub@kigiran.com

Аннотация. Статья посвящена анализу Книг памяти ветеранов Великой Отечественной Астраханской области, как источника по истории участия калмыков в войне 1941–1945 гг. Работу составителей этих «Книг памяти», которые (в отличие от многих других регионов) включают в себя не только Книги памяти павших, но и Книги памяти вернувшихся с фронта, следует оценить как довольно качественную. Сведения из аннотированных списков, приведенных в Книгах памяти Астраханской области, достаточно информативны. Вместе с тем, полностью избежать неточностей составителям не удалось.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, ветераны, калмыки, Астраханская область, Книга памяти, Красная армия.

Астраханский регион в первые десятилетия Советской власти многократно подвергался различным административно-территориальным преобразованиям. Первоначально Астраханская губерния, сохранив свои старые границы дореволюционного периода, имела статус самостоятельного региона РСФСР, напрямую подчиненного Москве, и даже пыталась поднять его до статуса края, поскольку имела в своем составе национально-территориальные образования. Однако в 1917–1920 гг. Киргизская и Калмыцкая степи получили статус автономных областей РСФСР, а ряд уездов были переданы в состав приграничных регионов. В мае 1928 г. в ходе реформы по укрупнению регионов Астраханскую губернию включили в состав Нижне-Волжской области (с 11 июня – Нижне-Волжского края), понизив ее статус до округа. В 1930 г. в ходе очередной реформы Астраханский округ вместе с большинством округов СССР был упразднен. В 1934 г. при разделении Нижне-Волжского края районы бывшего Астраханского округа оказались в составе Сталинградского края (с декабря 1936 г. – Сталинградской области). В июле 1937 г. Астраханский округ был

восстановлен в составе Сталинградской области. В декабре 1943 г. после депортации калмыцкого народа в Сибирь и упразднения Калмыцкой АССР из Астраханского округа и большей части территории ликвидированной республики была создана Астраханская область как самостоятельный регион в составе РСФСР. После возвращения калмыцкого народа из депортации и восстановления его автономии большая часть бывших районов Калмыкии вернулась обратно. Однако некоторые районы, прилегающие к Астрахани, не были возвращены: Долбанский и Приволжский улусы, поселок Кануков и др. Ныне эти территории составляют Лиманский район, большую часть Наримановского, часть Енотаевского и Икрянинского районов Астраханской области, а рабочий поселок Кануков вошел в черту города Астрахани. Также следует учесть, что некоторые жители Калмыкии родились и/или работали в приграничных селах Астраханского округа, учились в ВУЗах г. Астрахани и т.д., поэтому могли быть учтены и/или призваны на службу астраханскими военкоматами.

Неудивительно, что при создании Всесоюзной (с 1993 г. – Всероссийской) Книги памяти, которая структурно состоит из Книг памяти регионов страны, возникли противоречия по вопросу о том, в какой из них следует отражать эти персоналии. Например, составители первых томов Книги памяти Калмыкии «Память. Санл», несмотря на то, что их структура соответствовала современному административно-территориальному делению, включили в состав аннотированных списков близлежащих районов земляков, призванных Приволжским и Долбанским районными военкоматами (далее – РВК) Калмыцкой АССР, а также Енотаевским, Черныярским и др. РВК Астраханского округа [Память 1995, т. 1–2; 2005]. В 4-м томе, который был составлен по административно-территориальному делению времен войны, есть отдельные главы, посвященные Долбанскому и Приволжскому улусам [Память 2010: 35–74, 216–241].

В результате этого, одни и те же жители Калмыкии могли оказаться в Книге памяти как Калмыкии, так и Астраханской области. Например, Лиджи-Гаря Сангаджиевич Бадма-Гаряев, 1922 г. рождения, призванный Долбанским РВК и погибший в 1943 г., указан и в Книге памяти Калмыкии, как уроженец и житель Долбанского улуса, служивший в 298-й стрелковой дивизии (далее – сд) и убитый 1 февраля [Память 2010: 36], и в Книге памяти Астраханской области, как уроженец и житель Лиманского района, похороненный в Волгограде [Назовем 1995, т. 1: 180]. Еще один пример на тех же страницах: Убуш Убушаевич Бадмаев, 1905 г. рождения, призванный Долбанским РВК, служивший в 146-м кавалерийском полку (далее – кп) 38-й кавалерийской дивизии (далее – кд) и убитый 26 февраля 1942 г., указан и в Книге памяти Калмыкии, как

уроженец пос. Бантир и житель Долбанского улуса [Память 2010: 37], и в Книге памяти Астраханской области, как похороненный в Харьковской области [Назовем 1995, т. 1: 180]. Правда, во втором случае есть некоторые шероховатости: в «Память. Санл» он указан, как Убум Убушаевич, а в «Назовем поименно» 146-й кп отнесен к 38-й стрелковой дивизии (далее – сд), а не кавалерийской, как было на самом деле. Несмотря на это, очевидно, что сведения в разные Книги памяти могли поступать из разных источников, поэтому при сличении они могут существенно дополнять друг друга. Безусловно, это направление исследований является весьма перспективным и значимым, хотя и имеет свои сложности. Основной проблемой здесь является структурирование 1, 2 и 4-го томов «Память. Санл» по районам, что в данном случае следует признать неудобным, поскольку ведет к заметно большим трудозатратам и значительным потерям времени. Поэтому сличение Книг памяти двух регионов лучше было бы осуществить после того, как будет завершено сведение всех аннотированных списков «Память. Санл» в единую базу данных, структурированной по алфавиту (такая работа уже ведется).

Еще одно направление, по которому уже сейчас можно вести перспективное исследование, является аннотированный список воинов 110-й ОККД в 1 и 2-м изданиях книги «Солдаты Победы» [Солдаты 2007; 2015]. Ее составители провели большой объем поисковой работы, используя широкий круг источников, выявили имена более 3,5 тыс. воинов национального соединения. Однако при составлении они не учли Книгу памяти Астраханской области, в которой содержатся сведения о нескольких десятках военнослужащих 311-го (Приволжского) кп, 292-го кп, 15-го зкп, частей 10-й гв. Кубанской кд, в которую жители Астраханской области попасть могли только через Калмыцкую дивизию. Надеюсь, что при очередном переиздании «Солдат Победы» этот недостаток будет устранен.

Если оценивать работу составителей Книги памяти Астраханской области, то можно прийти к выводу, что они подошли к работе достаточно ответственно, и их работы выгодно отличаются на фоне изданий некоторых других регионов, например, Ростовской области. Во-первых, помимо 7-томной Книги памяти павших была издана и 7-томная Книга памяти ветеранов, вернувшихся с фронта, что позволяет говорить о всеобъемлющем характере этих изданий (во многих регионах, в том числе Калмыкии и Ростовской области, Книг памяти вернувшихся с войны нет). К сожалению, при издании обоим сериям дали одинаковые названия и отличить, допустим, 1-й том Книги памяти павших от 1-го тома Книги памяти вернувшихся с войны можно лишь по году издания и названию издателя. Дабы избежать путаницы, условно назовем первую серию «Книгой памя-

ти павших», а вторую – «Книгой памяти вернувшихся». Во-вторых, информативность сведений о персоналиях в этих Книгах памяти достаточно высокая: приводятся данные о месте рождения, призыва, службы, захоронения или пропажи без вести (если речь идет о Книге памяти павших). Правда, если речь идет о калмыцких поселках, ныне не существующих (например, Шара-Бюрбья), то они в этих книгах опущены, что в некоторой степени снижает их информативность. Все тома Книги памяти составлены по алфавиту (лишь в 7-х томах обеих серий идет повторение алфавита за счет дополнительных персоналий) без разделения по районам.

По хронологии работу можно разделить на два этапа. На первом этапе авторский коллектив (А. Г. Зотов, Г. В. Милюхина, В. В. Плахова, В. Г. Пронякина, Н. П. Фролова, Н. Т. Эсаулов) составил 6 томов Книги памяти павших, которые издал к 50-летию Победы (1995 г.). В дальнейшем работа была продолжена. Следует отметить, что за 15 лет, прошедших после издания первых 6 томов, удалось собрать материалы лишь на один дополнительный том, который был существенно меньше предыдущих. Это можно расценить как свидетельство высокого качества и большого охвата поисковой работы, проведенной первым авторским коллективом.

На втором этапе исследователи сосредоточились на составлении аннотированных списков ветеранов, вернувшихся с фронта. Авторский коллектив при этом сильно обновился: из семи составителей 1-го тома Книги памяти вернувшихся лишь Н. Т. Эсаулов был членом первого авторского коллектива. Первые три тома второй серии издали в 2000–2002 гг., 4 и 5-й – к 60-летию Победы (2005 г.), 6 и 7-й – к 65-летию Победы (2010 г.). Авторский коллектив при этом постепенно обновлялся и к изданию последних томов сменился более чем на половину.

Если говорить о недостатках Книг памяти Астраханской области как источника по истории участия калмыков в Великой Отечественной войне, то первым из них следует считать искажения калмыцких имен, традиционные для всех Книг памяти, в которых упоминаются калмыки. Понятно, что они основывались на записях документов, которые составлялись писарями, как правило, плохо знавшим калмыцкие имена собственные, в перерывах между боями, в сложных окопных условиях. Искажения могли допускаться и позже, при переписывании этих сведений. К чести составителей Книги памяти Астраханской области процент подобных искажений не так велик, как в Книгах памяти Ростовской области [Книга 1995; 2000] и Республики Калмыкия (составители 3 и 4-го томов «Память. Санл» прямо указали в предисловиях, что в написании фамилий, имен, отчеств погибших, географических названиях много неточностей, устранить которые для них не представляется возможным

[Память 2005: 6; Память 2010: 2]). По всей видимости, составителями астраханской Книги памяти была проделана некая редакторская работа по исправлению калмыцких имен собственных. В некоторых случаях составители даже указывали второй вариант имени. Например: Сандашеев Сергей Замшарович (Санжарович) [Назовем 2005, т. 5: 119].

Тем не менее, на страницах только 1-го тома Книги памяти павших мы можем увидеть такие фамилии и имена, как Аладыков Шихабут Густ... (должно быть – Оладыков), Андраев Саугаджи М... (должно быть – Сангаджи), Атынов Лиджи-Гаря Дрданович (должно быть – Эрданович, уроженец пос. Шара-Бюрбья, неправильно указан номер полка – опущено наименование «гвардейский» [см. ОБД «Мемориал»]), Ачеров Бадма и Ачиров Ялек (должно быть – Очиров), Бадамиша Чингиз Бурганович (должно быть – Бадамшин), Баваев Сахгаджи Буваевич (должно быть – Сангаджи), Вулткаев Дигда (должно быть – Зулткаев, уроженец Калмыцкого Базара) и т.д. [Назовем 1995, т. 1: 73, 106, 153, 167, 168, 179, 354, 473]. Аналогичные примеры мы можем увидеть и в других томах Книги памяти павших: Горяев Сайхуджи Горлевич (должно быть – Сангаджи Горяевич) [Назовем 1995, т. 2: 92–93], Манджиев Гаун Зотва (должно быть – Гуна Зодбаевич) [Назовем 1995, т. 4: 52], Багаев Еринугар Багаевич (должно быть – Эрдни-Гаря, призван Лаганским РВК) [Назовем 2010а: 30], Доржеев Мутул Адъякосич (должно быть – Адъянович) [Назовем 2010а: 93], Очиргоряев Эренджей (должно быть – Эренджен) [Назовем 2010а: 225]. Некоторые искажения реконструировать пока не удалось: Бомбеев Могидши, Манджиев Умотиджит, Манжиев Нитнегорь, Сангадишев Прульга, Санджиев Сафаал, Уташев Манама Торбельевич, Эрдниев Джафиз Бельбышевич [Назовем 2010а: 193, 259, 301, 339 и др.].

Аналогичные искажения мы встречаем и в Книге памяти вернувшихся, хотя вроде бы здесь проблем быть не должно. Например, в 1-м томе мы видим такие имена: Баджаев Сайгаджигоря Белебеевич (должно быть – Сангаджи-Горя) [Назовем 2000: 177], Бадмаев Эрдигара Дораджинович (должно быть – Эрдни-Горя Дорджинович) [Назовем 2000: 178], Барамаджиев Санджи Улымжарович (должно быть – Улюмджиевич) [Назовем 2000: 199], Баранов Еренцеп Бадмаевич (должно быть – Эренцен, уроженец с. Барун Юстинского улуса) [Назовем 2000: 202], Вагкасунов М. Шатаевич (должно быть – Батнасунов, уроженец с. Хошеуты Кетченеровского улуса) [Назовем 2000: 412] и т.д. С аналогичными примерами можно столкнуться и в других томах: Горяев Джия Горяевич (должно быть – Джил) [Назовем 2001: 97], Горяев Очир Тюрья Немевич (должно быть – Очир-Тюрбья Немевич) [Назовем 2001: 97], Огерчараев Тиша и Очоргараев Титя Кистаевич (в обоих случаях должно быть – Очир-Гаряев)

[Назовем 2005, т. 4: 298, 322], Убушаев Натыр-Убуш Нимчирович (должно быть – Нимгирович) [Назовем 2010б: 13] и т.д. Некоторые искажения реконструировать пока не удалось: Батмаев Улями Начараевич, Берюку Соба Иллюмжаевич [Назовем 2000: 217, 263], Дорджиев Зиджигарья Дорджиевич [Назовем 2001: 218], Очиров Дава Гиовулданович [Назовем 2005, т. 4: 321], Санбаев Ярдин Докьясанович [Назовем 2005, т. 5: 118], Эрехтаев Кола Саривич [Назовем 2010в: 112] и др.

Искажения калмыцких имен вполне естественно привели к новым ошибкам, прежде всего, повторениям одних и тех же персоналий, иногда даже на одной и той же странице. Например, только в 1-м томе при первом прочтении удалось выявить как минимум 4 совпадения:

1) Уляш Менкенасунович Адугиев и Уляш Менкен-Насунович Адучиев – оба 1908 г. рождения, уроженцы с. Волжское Наримановского района, рядовые, пропали без вести в июне 1943 г. Кроме того, указано, что первый был призван Наримановским РВК [Назовем 1995, т. 1: 50]

2) Сангали Баджмаев и Сангали Батмаев – 1912 г. рождения, уроженцы с. Замьяны Енотаевского района, призваны Енотаевским РВК, рядовые, пропали без вести в декабре 1941 г. [Назовем 1995, т. 1: 180, 222], и Сангали Бажмаев 1910 г. рождения, уроженец с. Замьяны Енотаевского района, призван Енотаевским РВК, рядовой, пропал без вести в декабре 1942 г. [Назовем 1995, т. 1: 182]

3) Убушай Убушаевич Басангов, 1913 г. рождения, уроженец Приволжского района, рядовой 146-го артиллерийского полка, пропал без вести в 1942 г., и Угуш Ушушаевич Басантов, 1915 г. рождения, уроженец г. Астрахани, пропал без вести в феврале 1942 г. [Назовем 1995, т. 1: 217]

4) Джембя Бадмегоряев, уроженец Приволжского района, сержант 42-го кп, погиб 25 февраля 1943 г., похоронен в х. Новоселовский Ростовской обл. [Назовем 1995, т. 1: 181], и Джембя Бодмегоряев, родился в г. Астрахань, призван Наримановским РВК, рядовой, погиб 25 февраля 1943 г. [Назовем 1995, т. 1: 308].

Аналогичные ошибки можно найти и в других томах. Например, во 2-м томе на одной странице указаны Муджа Патарович Доржеев, призван Приволжским РВК Астраханской области (на самом деле – Калмыцкой АССР), рядовой, погиб 10 марта 1943 г. и похоронен «на ст. Шакарской Крымского района Краснодарского края», и Муджа Пашарович Доржиев, призван Наримановским РВК, рядовой, погиб 10 марта 1943 г. и похоронен в станице Шапсугской Абинского района Краснодарского края [Назовем 1995, т. 2: 229]. Учитывая, что Крымский и Абинский районы граничат, а в 1930 – 1934 гг. и 1963 – 1965 гг. были даже объединены, а «ст. Шакарской» не существовало вообще, очевидно, что это один и тот же человек.

В 7-м томе на одной странице указаны Камарун Улазаев, 1924 г. рождения, уроженец Приволжского района, призван Приволжским РВК Калмыцкой АССР, гв. рядовой 105-й гв. стрелкового полка (далее – сп) 34-й гв. сд (освободитель Элисты), убит 13 января 1943 г. [Назовем 2010в: 298] и Номарун Без. Улашаев, родился в Наримановском районе, служил в 105-м сп (пропущено обозначение «гвардейский»), пропал без вести 13 января 1943 г. [Назовем 2010в: 299].

Кстати, на двух вышеизложенных примерах можно также проиллюстрировать еще одну странность: в первых томах утверждалось, что Приволжский РВК относился к Астраханской области, хотя на самом деле он относился к Калмыцкой АССР (как и было указано в 7-м томе). Приволжский район был образован только в декабре 1943 г. на базе одноименного района и близлежащих сел бывшей Калмыцкой АССР.

Еще одним недостатком следует признать отсутствие обозначения «гвардейский» в значительном количестве случаев в первых шести томах Книги памяти павших (изданных в 1995 г.), что, конечно же, искажает реальное положение дел. Например, отсутствие обозначения «гвардейский» у Пашма Нурмаевича Манжиева (в ОБД «Мемориал» указан Патма Нурмаевич Манжиев) приводит к утверждению о его службе в 220-м сп (который входил в 4-ю сд) 79-й сд (состоявшей на самом деле из 157, 165, 179-го сп и всю войну базировавшейся на Сахалине) [Назовем 1995, т.4: 54], а не в 220-м гв. сп 79-й гв. Запорожской четырежды орденосной сд, защищавшей Мамаев Курган и прошедшей славный боевой путь от Дона до Эльбы. Аналогичные случаи мы можем встретить у погибшего в Витебской области Наркина Басановича Сангаджигареева, у которого вместо 31-го гв. сп 9-й гв. сд (легендарной «белобородовской», прошедшей боевой путь от Москвы через Белоруссию в Прибалтику) указан 31-й сп (входивший в 25-ю Чапаевскую сд Южного фронта) 9-й сд (знаменитая пластунская «кубанская»), или у погибшего в Кировоградской области Украины Николая Горяевича Сангажеева, у которого вместо 294-го гв. сп 97-й гв. Полтавской сд (трижды орденосной) указан 294-й сп (входивший в 184-ю «городовиковскую» дивизию) 97-й (будущей Витебской) сд, воевавшие в Белоруссии [Назовем 1995, т.5: 121]. Таких примеров можно привести много. Встречаются и упоминания частей, которые не коррелируются с известными данными. Например, Буваев Сангаджи Буваевич, умерший от ран 30 октября 1941 г., якобы служил в 10-й кд, которая была сформирована лишь в январе 1942 г. как 1-я Кубанская добровольческая кавдивизия [Назовем 1995, т. 1: 354].

В 7-м томе Книги Памяти и семи томах, посвященных вернувшимся с фронта, недостаток с пропуском обозначения «гвардейский» большей

частью устранен, но, с другой стороны, по сравнению с первыми шестью томами «Назовем поименно», отмечается увеличение количества ошибок номеров частей и соединений, хотя, казалось бы, для ветеранов, вернувшихся с фронта, здесь проблем быть не должно. Например, утверждается, что Убуан Санджевич Манджеев служил в 340-м сп 11-й сд [Назовем 2005, т. 4: 57], однако 340-й сп входил в 46-ю сд (имевшей три формирования), а в 11-ю сд входили 163, 219, 320-й сп. Бадма-Горяев Эрдни Горя-Шеркешевич якобы служил в 57-й гв. кд, хотя максимальный номер гвардейских кавдивизий – 17 [Назовем 2000: 177]. Эрдниев Борис Уюрмович (Церимович) якобы служил в 348-й кд, но максимальный номер у кавдивизий был 116 [Назовем 2010в: 112]. Кроме того, мы можем встретить и другие несуществующие соединения и части. Только в 1-м томе Книги памяти вернувшихся мы можем увидеть: 364, 714 и 999-й кп (максимальный номер – 316), 375-й гв. сп 124-й гв сд, 158-й гв. сп 158-й гв. сд, 221-ю гв. сд, 302-ю гв. сд, 823-й гв. сп 302-й гв. сд (на самом деле 823-й сп 302-й сд), 250-й сп 3-й гв. сд (на самом деле 250-й мсп 82-й сд, которая стала 3-й гв. мсд), 55-й гв. сп 3-й тбр, 664-й сп 48-й гв. сд, 3219-й сп, 166-ю противотанковую дивизию, 303-ю воздушно-десантную дивизию и т.д. [Назовем 2000: 132, 157, 287, 350, 373, 378, 403, 404, 423, 432, 460, 464, 470 и др.].

Тем не менее, несмотря на указанные недостатки, следует признать, что в целом Книга памяти Астраханской области выполнена на достаточно высоком уровне, особенно если сравнить ее с другими аналогичными изданиями, в которых есть многочисленные упоминания о калмыках.

Источники

ОБД «Мемориал» // URL: <http://www.obd-memorial.ru/>

Литература

Книга памяти: Павшим в Великой Отечественной войне. Т. IV. Ростов-н/Д: Изд-во «Литера», 1995. 544 с.

Книга Памяти павшим в Великой Отечественной войне. Т. XV. Ростовская область. Ростов-н/Д: ЗАО «Книга», 2000. 560 с.

Назовем поименно. Память: Российская Федерация. Астраханская область: В 6 т. Волгоград: Комитет по печати, 1995. Т. I. А-В. 480 с.

Назовем поименно. Память: Российская Федерация. Астраханская область: В 6 т. Волгоград: Комитет по печати, 1995. Т. II. Г-И. 512 с.

Назовем поименно. Память: Российская Федерация. Астраханская область: В 6 т. Волгоград: Комитет по печати, 1995. Т. III. К-Л. 488 с.

Назовем поименно. Память: Российская Федерация. Астраханская область: В 6 т. Волгоград: Комитет по печати, 1995. Т. IV. М-П. 544 с.

Назовем поименно. Память: Российская Федерация. Астраханская область: В 6 т. Волгоград: Комитет по печати, 1995. Т. V. P-Т. 464 с.

Назовем поименно. Память: Российская Федерация. Астраханская область: В 6 т. Волгоград: Комитет по печати, 1995. Т. VI. У-Я. 440 с.

Назовем 2010а – Назовем поименно. Память: Российская Федерация. Астраханская область: В 7 т. Астрахань: Управление делами Губернатора Астраханской области, 2010. Т. VII. Погибшие и пропавшие без вести (дополнительно). 346 с.

Назовем поименно. Память: Российская Федерация. Астраханская область: В 5 т. Астрахань: Департамент информации, издательства, полиграфии и связи администрации Астраханской области, 2000. Т. 1. А-В. 480 с.

Назовем поименно. Память: Российская Федерация. Астраханская область: В 5 т. Астрахань: Департамент информации, издательства, полиграфии и связи администрации Астраханской области, 2001. Т. 2. Г-И. 496 с.

Назовем поименно. Память: Российская Федерация. Астраханская область: В 5 т. Астрахань: Департамент по делам печати, телерадиовещания и СМИ администрации Астраханской области, 2002. Т. 3. К-Л. 486 с.

Назовем поименно. Память: Российская Федерация. Астраханская область: В 6 т. Астрахань: Управление по работе с общественно-политическими объединениями граждан и национально-культурными обществами аппарата губернатора Астраханской области, 2005. Т. 4. М-П. 506 с.

Назовем поименно. Память: Российская Федерация. Астраханская область: В 6 т. Астрахань: Управление по работе с общественно-политическими объединениями граждан и национально-культурными обществами аппарата губернатора Астраханской области, 2005. Т. 5. P-Т. 422 с.

Назовем 2010б – Назовем поименно. Память: Российская Федерация. Астраханская область: В 7 т. Астрахань: Управление делами Губернатора Астраханской области, 2010. Т. 6. У-Ч. 208 с.

Назовем 2010в – Назовем поименно. Память: Российская Федерация. Астраханская область: В 7 т. Астрахань: Управление делами Губернатора Астраханской области. Т. 7. Ш-Я, А-Т (доп.), 2010. 200 с.

Память. Санл. Т. I. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 416 с.

Память. Санл. Т. II. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 442 с.

Память. Санл. Т. III. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2005. 156 с.

Память. Санл. Т. IV. Элиста: Герел, 2010. 492 с.

Солдаты Победы. Т. II. Поименный список воинов 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии / Сост. П. Э. Алексеева, Л. Ю. Ланцанова. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 272 с.

Солдаты Победы. Т. II. Поименный список воинов 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии / Сост. П. Э. Алексеева, А. Т. Баянова, С. А. Заярный, Л. Ю. Ланцанова. Изд. 2-е, перераб. и доп. Элиста: КИГИ РАН, 2015. 373 с.

УДК 93

РЕНЕССАНС ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ КАЛМЫКИИ

Максимов К. Н.¹

¹ доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник
отдела истории Калмыцкого научного центра Российской академии
наук (г. Элиста).

E-mail: maksimovkn@kigiran.com

Аннотация. В статье рассматриваются достижения и проблемы исторической науки Калмыкии. Автором выделяются важнейшие этапы развития исторических исследований, отмечаются наиболее значимые достижения, обозначаются проблемы, стоящие перед исторической наукой Калмыкии.

Научные труды по истории Калмыкии создавались в непростых условиях на рубеже XX и XXI веков, когда историческая наука, как и наше общество, стала выходить из глубочайшего кризиса и вступать в качественно новый этап развития. Это переходное состояние и наложило отпечаток на особенностях современных исторических исследований, которые выразились, прежде всего, в восполнении «белых пятен», изучении ранее запретных тем, привлечении широкого круга источников, зарубежной историографии и мемуарной литературы, а также в постановке актуальных проблем.

Ключевые слова: Калмыкия, историческая наука, достижения, проблемы.

История является, как известно, одним из важнейших факторов национальной самоидентификации. Поэтому народ без истории не существует. Потеря исторической памяти означает исчезновение творца истории. Эта мысль убедительно отражена в ряде стихотворений А. К. Толстого, посвященных исторической тематике:

*«А витязя славное имя
До наших времен не дошло...

*Безмолвен курган одинокий...
Наездник державный забыт,
И тризны в пустыне широкой
Никто уж ему не свершит!».*

История, выступая как созидательная идеология, играет активную роль в формировании основы национального мировоззрения. В связи с

этим история может выступать объединяющей общенациональной, общегосударственной идеей, сплачивающей все народы многонациональной Российской Федерации. Убедительным подтверждением стало объективное освещение истории Великой Отечественной войны, особенно это проявляется в последние годы, пример тому – празднование Победы в Великой Отечественной войне. В частности, в Калмыкии, изучение пронесенных ойратами через многие века основ номадной и буддийской цивилизации и сохраненных калмыками факторов самоидентификации стало в 1990-х гг. благодатной почвой к обращению к истокам этногенеза. Такими исследованиями стали книги историков А. Г. Митирова, М. М. Батмаева, В. Ш. Бембеева, А. Н. Команджаева и др.

В рамках краткой статьи невозможно охватить все проблемы, которыми занимались историки, дать полный обзор историографии истории Калмыкии. Поэтому ставится цель выделить важнейшие этапы развития исторических исследований, отметить наиболее значимые достижения, обозначить проблемы, стоящие перед нашей исторической наукой.

Зарождение исторической науки Калмыкии связано с ее новейшей историей. Но она была представлена как новая исходная точка истории калмыцкого народа. Фактически она стала историей господствующей политической партии, у истоков которой встали руководители Калмыцкой партийной организации, определившие идеологический вектор историографии истории Калмыкии на весьма длительный период. Несмотря на дозированность источников, моноидеологию, ученым Калмыкии удалось в этот период создать несколько обобщающих трудов по истории Калмыкии. Заметным явлением в историографии стали выход в свет «Очерков истории Калмыцкой АССР» в двух частях, монографии У. Э. Эрдниева по этногенезу и этнографии калмыцкого народа, публикации работ Н. Н. Пальмова и др., где авторы попытались показать неразрывность истории народа, уникальность его культуры, менталитета, обычаев и традиций.

В этот период, несмотря на идеологические сложности, были сделаны первые шаги по изучению истории Калмыкии военного периода. Ценность научных работ советской эпохи состоит в том, что они содержат богатейший исследовательский материал, огромный массив источников. Эту документальную базу следует, соблюдая научную этику, используя методику источникововедческого анализа, использовать в современных исследованиях.

В перестроечные годы и вплоть до начала 1990-х годов принципиальных изменений в историографии истории Калмыкии, хотя тематика стала обширней, не произошло, поскольку проявление плюрализма

происходило в основном рамках прежней идеологии. Концепция трудов по истории Калмыкии, появившихся в те годы, оставалась ортодоксальной.

В 1990-е годы в историографии истории Калмыкии обозначился качественно новый этап, обусловленный разрушением господствовавшей моноидеологии и старых концепций, демократизацией общественной жизни, принципиальным сдвигом в общественном сознании, открытием доступа к секретным документам, изучением запретных ранее тем, восполнением «белых пятен» на основе зарождающихся свежих взглядов и концепций на события минувшего.

Этот период характерен публикацией документов по истории Великой Отечественной войны, депортации и реабилитации автохтонного населения Калмыкии, давших наиболее верное отражение деловой, патриотической атмосферы в республике, показавших необоснованность обвинения народа. Введение в научный оборот новых источников позволило приблизиться к объективному освещению истории Калмыкии военного времени. Опубликованные документальные источники, ранее находившиеся в закрытом режиме под грифом «совершенно секретно», стали благодатной основой для дальнейшей научной работы исследователей, создания правдивой истории народа, который, войдя в состав Российского государства, со всеми народами России настойчиво вращает колесо общей истории, сопряженной с мировой.

В начале XXI в. историография истории Калмыкии пополнилась ценными, содержательными трудами историков третьей генерации У. Б. Очирова [Очиров 2006], Е. Н. Бадмаевой [Бадмаева 2006; 2010], Е. В. Сартиковой [Сартикова 2008], В. Т. Тепкеева [Тепкеев 2012], С. С. Белоусова [Белоусов 2014] и др. В отличие от предшествовавших коллег им удалось на основе документов рассекреченных фондов вопросы Гражданской и Великой Отечественной войн, социалистической модернизации, этнографии, религиозной политики, межнациональных отношений раскрыть всесторонне, достоверно, объективно.

В последние годы заметные сдвиги произошли в изучении социально-экономической, политической истории Калмыкии, введении в научный оборот археологических памятников, что позволило на их основе создать ценные научные труды [Команджаев 1999; Цюрюмов 2007; Тепкеев 2012; Кольцов 2005; Шилов 2009]. Однако археологам предстоит реализовать ряд крупных перспективных культурных проектов. Курганы Калмыцкой степи, где «под ними знаменитые витязи зарыты», хранят немало тайн истории, не только истории тех народов, кони которых пронесли их через Калмыцкие степи, но и истории самой степи.

В это время появилась новая проблема, ранее практически не поднимавшаяся в исторической науке, – проблема политических репрессий, в частности, и в Калмыкии. Исследование политических репрессий раскрыло не только сущность политического режима тоталитарного государства, но и парадоксальность национальной политики Советского государства. Изучение репрессий буддийского духовенства в СССР показало, что одной из особенностей «большого террора» явилось перенесение Сталиным репрессивной политики диктаторского режима в Монгольскую Народную Республику. Репрессиям и террору подверглись не только многие бывшие и действовавшие руководители МНР, но и многочисленное (около 100 тыс. человек) ламское сословие, которое к началу 1940 г. было фактически уничтожено, почти все (771) монастыри подверглись ликвидации [Максимов 2004; Бакаева, Орлова и др. 2015]. Борьба с духовенством в Монголии, как и в СССР, была идеологически мотивированным мероприятием. Хотя в МНР она маскировалась геополитическими соображениями укрепления безопасности государства. Борьбу с духовенством в МНР завершил Х. Чойбалсан, установивший режим личной власти (глава правительства, министр обороны, министр иностранных дел).

В связи с этим, как мне представляется, актуальным для исторической науки является исследование вопроса участия представителей Калмыкии в реализации советской геополитики и идеологии в советско-монгольских отношениях в 1930-е годы.

Серьезным вкладом в развитие исторической науки Калмыкии явились издания «История Калмыкии с древнейших времен до наших дней» в трех томах (Элиста, 2009), тома «Калмыки» (М., 2010) в серии «Народы и культуры», а также труды по истории войн Отечественной 1812 г., Великой Отечественной. В них история Калмыкии исследована в соответствии с новыми концептуальными подходами, принципами непрерывности, единства общеисторического пространства России. В эти годы активизировались исследования в области новейшей истории, прежде всего в области истории XX в., в то же время не ослаблялось внимание к изучению ранних эпох, в том числе и ойратской.

Современные труды по военной тематике отличаются новизной постановки проблем, обширной источниковой базой. Историки Калмыкии, отойдя от привычных стереотипов, руководствуясь принципами историзма, объективности, исследовали предвоенные годы, вопросы мобилизации людских и материальных ресурсов республики, кратковременной фашистской оккупации, боевые действия на территории региона. Введение новых документальных источников, мемуарной литературы отечественных и иностранных авторов, а также доступных трудов зарубеж-

ных исследователей, позволили раскрыть те или иные события времен войны полнее, всестороннее и объективнее. Одним из актуальных вопросов является изучение вклада народа Калмыкии в Победу в Великой Отечественной войне.

Следует отметить, что некоторые современные отечественные исследователи, публицисты допускают искажение истории отдельных народов России военного периода, в том числе и калмыков. Они рассматривают ее в отрыве от общей истории страны, пытаются, не ссылаясь на источники, акцентировать внимание на каких-то сомнительных фактах, количественных данных. При этом они проявляют крайнюю небрежность, граничащую с научной недобросовестностью, некомпетентностью. Такие «факты» теперь многие авторы перетаскивают без научной критики из одного произведения в другое.

Необходимо заметить, что, учитывая возросший общественный интерес к истории, средства массовой информации республики проявляют активность в публикации на исторические темы. Но, к сожалению, в отдельных статьях допускаются фактические ошибки, примитивизм, искажение исторической правды. А некоторые авторы избрали легкий путь, излагая чужие труды, преподносят читателям как собственные исследования.

Следует сказать о коммерциализации науки, когда появилась возможность издавать всякие книги за счет так называемых спонсоров. Казалось бы, это неплохо. Однако в результате этого издается немало литературных поделок на исторические темы, далеких от научных исследований, не способствующих развитию исторического знания, наносящих вред воспитанию историей. Ни в коем случае не призываю к возрождению цензуры. Цензором здесь, прежде всего, должны выступать совесть, ответственность автора.

Некомпетентность, дилетантство в области вспомогательных исторических дисциплин, поверхностные знания историографии истории Калмыкии привели одну из наших коллег к абсурдным умозаключениям о том, что документальные материалы фондов государственного архива не являются подлинными, а, следовательно, и поставлены под сомнение отдельные периоды и факты истории Калмыкии. Что-то похожее в исторической науке было, правда, лет 30 тому назад, когда она оказалась в глубоком кризисе. Одни, в погоне за сенсацией, стали утверждать, что все то, что до сих пор написано – неверно, фальсифицировано, основано на сомнительных источниках.

Ныне историки приступили к исследованию истории локальных групп калмыков, исторических сложившихся в различных регионах

страны, где они играли активную роль и внесли достойный вклад в их историю, историю России. В современных сложных геополитических условиях весьма поучителен исторический опыт гибкой и эффективной этнической политики властей этих регионов по укреплению межнациональных отношений, обеспечению межнационального согласия.

В последние годы плодотворно разрабатывается новая тема, которая оказалась «забытой», – история участия калмыков вместе с другими народами страны в Первой мировой войне как непосредственно в боевых действиях на всех фронтах, так и на военных тыловых работах. Впервые освещена помощь калмыцкого населения фронту продовольствием, денежными средствами, лошадьми и другими видами скота на нужды российской армии. Боевые заслуги многих участников этой войны были отмечены знаками военной доблести, крупные скотоводы Калмыкии за поставку лошадей были удостоены специальных государственных наград.

С появлением новых фундаментальных исследований, ценных научных статей по истории Калмыкии возрастает к ней внимание и общественный интерес. Но у некоторых читателей это проявляется, по их же выражению, «извращенно», в силу их легковесного, упрощенного подхода к истории на бытовом уровне, не понимая, что история как наука имеет определенные методологию и методику исследования, что принцип плюрализма, новые концептуальные подходы дают возможность автору выражать собственное мнение, избегать догматизма. Как мне представляется, все должны профессионально заниматься своим делом: врачи – лечением больных, пенсионеры, бывшие идеологические работники – пополнять и обновлять свои знания, историки – исследованием. Несколько перефразируя слова известного поэта, можно сказать относительно тех, кто мнит себя историком, что «трудно быть взыскательным художником, не будучи художником». Как здесь не вспомнить слова из басни И. А. Крылова: «Беда, коль пироги начнет печи сапожник, а сапоги тачать пирожник».

Как видим, подъем исторической науки не остается незамеченным. Но складывается парадоксальное явление по отношению к истории Калмыкии. С одной стороны, крупные специалисты академических институтов исследования историков республики оценивают весьма положительно, их труды печатаются в центральных издательствах, журналах ведущих научных и учебных заведений, а с другой – стали объектом нападков местных, доморощенных «историков», пенсионеров-дилетантов и т. д. Парадокс заключается еще в том, что они хотят видеть историю не такой, какой она была в действительности, а какой она должна быть в соответствии с их взглядами, бытовым уровнем знаний истории.

Понимая, что все эпохи заслуживают дальнейшего глубокого изучения, историки Калмыкии, располагая накопленными историческими знаниями, опытом исследовательской работы, исторического анализа, опираясь на уже имеющиеся достижения историографии, ныне имеют возможность для развития прогностической функции истории, обеспечивающей повышение обоснованности решения проблем современности на основе исторического опыта. Как отметил В. В. Путин, «не жить прошлым бесконечно... а задавать правильные ориентиры развития». Поэтому, наряду с изучением ранних эпох, актуальным и приоритетным должно стать исследование современной эпохи, событий новейшего времени, обусловленные перестроечным процессом, распадом Советского Союза и образованием суверенной Российской Федерации, и ее субъектов, а также поиском оптимальных форм национально-государственного устройства на конституционных принципах внутреннего территориального самоопределения. Хотя, казалось бы, время не так на много отдалило нас от тех кардинальных перемен в нашей жизни. Но эти события, вопросы уже перешли в компетенцию историков. Проблемы новейшей истории необходимо, на мой взгляд, анализировать, сопоставляя с опытом национально-государственного строительства в предшествовавшие эпохи, что позволит воспринять положительное, избежать ошибок в сложном вопросе межнациональных отношений.

Резюмируя, можно сказать, научные труды по истории Калмыкии создавались в непростых условиях на рубеже XX и XXI веков, когда историческая наука, как и наше общество, стала выходить из глубочайшего кризиса и вступать в качественно новый этап развития. Это переходное состояние и наложило отпечаток на особенностях современных исторических исследований, которые выразились, прежде всего, в восполнении «белых пятен», изучении ранее запретных тем, привлечении широкого круга источников, зарубежной историографии и мемуарной литературы, а также в постановке актуальных проблем. Так что следующей генерации историкам есть от чего оттолкнуться и на что опереться, а также использовать созданный фундамент для перехода к качественно новому этапу развития исторической науки – единому научному пространству в регионе.

Литература

Бадмаева Е. Н. Калмыкия в начале 1920-х годов: голод и преодоление его последствий. Элиста: АОр «НПП «Джангар», 2006. 182 с.

Бадмаева Е. Н. Нижнее Поволжье: опыт и итоги реализации государственной политики в социально-экономической сфере (1921–1933 гг.). Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2010. 544 с.

Белоусов С. С. В Калмыцкой степи на границе Европы и Азии: история возникновения и становления села Приютного. 1850–1917 гг. Ставрополь: Сервисшкола, 2014. 172 с.

Бакаева Э. П., Орлова К. В. и др. Буддийская традиция в Калмыкии и Западной Монголии: сакральные объекты. М.: Восточная литература, 2015. 231 с.

Кольцов П. М. Мезолит и неолит Северо-Западного Прикаспия. М.: Воскресенье, 2005. 352 с.

Команджаев А. Н. Хозяйство и социальные отношения в Калмыкии в конце XIX – начале XX века: исторический опыт и современность. Элиста: АПП «Джангар», 1999. 262 с.

Максимов К. Н. Трагедия народа: Репрессии в Калмыкии. 1918–1940-е годы. М.: Наука, 2004. 311 с.

Очиров У. Б. Калмыкия в период Гражданской войны (1917–1920 гг.). Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2006. 448 с.

Сартикова Е. В. Развитие школьного образования в Калмыкии в XX веке. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2008. 407 с.

Тепкеев В. Т. Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2012. 376 с.

Цюрюмов А. В. Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: НПП «Джангар», 2007. 464 с.

Шилов В. П. Древние скотоводы Калмыцких степей. Элиста: Герел, 2009. 303 с.

История

УДК 94(47)

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КАЛМЫЦКОГО ХАНСТВА С ЮЖНЫМ ПОРУБЕЖЬЕМ РОССИИ НАКАНУНЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА НАЧАЛА XVIII в.

Тепкеев В. Т.¹

¹ кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Калмыцкого научного центра РАН (г. Элиста).

E-mail: tvt75@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена событиям последнего десятилетия XVII в., которые развернулись на юге России накануне политического кризиса в Калмыцком ханстве в начале XVIII в. и уходу части калмыков с Волги в пределы Джунгарского ханства в 1701 г. Обзор политической ситуации в калмыцком обществе и его взаимоотношения с Российским государством и соседними народами должен раскрыть политическую ситуацию накануне этого масштабного события, столь кардинально повлиявшего на расстановку в ойратском мире, ослабившего Калмыцкое ханство и, соответственно, численно усилившего Джунгарское ханство.

Ключевые слова: джунгары, калмыки, конец XVII века, Аюка-хан, Южная Россия, донские казаки, Азов.

В истории Калмыцкого ханства политические потрясения в обществе вспыхивали регулярно, апогеем которых, несомненно, стал 1771 г., когда большую часть народа увел в Джунгарию его последний правитель – наместник Убаши. Однако идея ухода из российских пределов и возвращения на историческую родину у правителей волжских калмыков возникла задолго до этого события и корнями уходила еще в XVII столетие. К наиболее известным таким попыткам можно отнести уход Санджаба (Санжипа) в Джунгарию в 1701 г., в результате которого с территории Калмыцкого ханства на восток откочевало 15 тыс. кибиток.

Основой источниковой базы настоящей работы послужили материалы фондов 111 («Донские дела») и 119 («Калмыцкие дела») Российского государственного архива древних актов (РГАДА). Необходимо отметить, что событиям в Калмыцком ханстве на рубеже XVII–XVIII вв. в своем исследовании достаточно подробно уделит внимание историк М. М. Батмаев [Батмаев 1977; Батмаев 1993]. Поэтому в данной статье предполагается рассмотреть только период последнего десятилетия

XVII в., т. е. накануне ухода значительной массы волжских калмыков в Джунгарию. Обзор политической ситуации в калмыцком обществе и его взаимоотношения с Российским государством и соседними народами должны в полной мере ответить на вопрос: чем все же было вызвано это масштабное событие, столь кардинально повлиявшее на расстановку в ойратском обществе.

Буквально за десять лет до этого события наблюдалась совершенно обратная картина, когда с началом 1690-х гг. отмечается массовый приток в степи Северного Прикаспия ойратских улусов Джунгарии и из Юго-Западной Сибири и Джунгарии. В феврале 1693 г. калмыки сообщали яицким казакам, что к Аюке на постоянное жительство из Сибири приходят группы ойратов по 500–600, а иногда и до 1000 улусных людей с семьями. Волжские калмыки не без основания полагали, что вскоре «всем черным калмыкам быть под их рукою» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1693 г. Д. 2. Л. 1].

Однако появление новоприбывших калмыков в Северном Прикаспии сразу же приводило их к вооруженным столкновениям с соседями, с которыми уже проживавшие здесь полвека волжские калмыки пытались, правда, не всегда, построить мирное сосуществование. Весной 1693 г. 450 башкир Сибирской дороги под началом Байболды Енкибаева на реке Ем разгромили улус Кучюка Тюри – одно из владений тайши Дюрюка. Всего улус Кучюка насчитывал около 100 кибиток. В результате был убит сам Кучюк, а также его супруга и 50 калмыков. 17 человек были взяты в плен, в том числе сын и дочь Кучюка. В качестве причины нападения башкиры называли то, что новоприбывшие калмыки самовольно заняли местность, где они ранее охотились и добывали соль [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1693 г. Д. 2. Л. 25, 27]. Дюрюк постоянно присылал к Аюке своих людей с просьбой оказать ему помощь, даже угрожал в случае отказа соединиться с джунгарским Галдан Бошогу-ханом и пойти войной против волжских калмыков. Аюка со своей стороны пригрозил ему направить против него войска, если тот только ввяжется в войну против башкир [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1693 г. Д. 2. Л. 25].

Но вскоре Аюке пришлось самому вступить в очередную войну с башкирами. В отместку за отгон башкирами конских табунов калмыки планировали совершить нападение на Уфимский уезд. Действительно, в начале июня 1693 г. отмечаются нападения калмыков в уезде на 11 деревень по реке Мензеле, расположенных по Казанской дороге. В целях не допустить эскалации конфликта Москва срочно указала уфимскому воеводе примирить калмыков и башкир [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1693 г. Д. 2. Л. 2, 10, 18, 19]. Но в сентябре Аюка двинулся с войсками в Уфимский уезд, при этом в 20-х числах сентября набеги калмыков начались в

Симбирском уезде против чувашских поселений [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1693 г. Д. 2. Л. 50, 53].

На крымско-азовском направлении калмыки продолжали вести постоянные контакты с местными народами, о чем сообщал прибывший в Москву в декабре 1693 г. войсковой атаман Фрол Минаев. При этом он отмечал: «с Аюкаем тайшею ныне они Войском в миру и никаких задоров меж ими нет». Донские казаки неоднократно предупреждали Аюку: «которые его торговые люди пойдут с табунами и с ыными товарами, а у них на Дону, в Войску, не явятца, и они тех будут грабить и побивать». Аюка, со слов казаков, соглашался на эти условия, в чем даже шертовал перед донскими посланцами Дмитрием Федоровым и Обросимом Савельевым. Однако калмыцкие и ногайские торговцы продолжали игнорировать это соглашение и не заезжали с уведомлением в Черкасский городок, за что по дороге часто подвергались нападениям и грабежу донцов. В ответ Аюка стал угрожать казакам, что подымет против них Крым и другие орды, с которыми у него мирные отношения и откуда к нему постоянно присылают подарки [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1693 г. Д. 11. Л. 369, 370].

Уже в октябре отмечаются на Дону «воровские» набеги неких калмыков, которых казаки именовали, как «супостаты, наипаче азовцев и крымцев» [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1693 г. Д. 11. Л. 376]. С Дона постоянно поступали жалобы в Москву на Аюку, который, по сведениям казаков, неоднократно отправлял своих калмыков и едисанов в набег под южные русские города, обвиняли его в дружбе с крымским ханом, несмотря на то, что атаманы постоянно требовали от него, чтобы тот «от того своего воровства отстал» [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1694 г. Д. 3. Л. 2–4].

В 1694 г. отношения калмыков с донскими казаками и башкирами резко ухудшились. Опасаясь ударов со стороны казаков, калмыцкие улусы начинают откатываться на левобережье Волги и далее за Яик. В декабре к астраханскому воеводе Ивану Алексеевичу Мусину-Пушкину обратились с тайным посланием кочевавшие с калмыками едисанские мирзы – братья Тинбаевы (Тоган, Азамат и Аджи). Ногайские мирзы выразили желание откочевать от калмыков непосредственно «под государеву руку». Причиной этому якобы послужило намерение Аюки изменить государю и откочевать за Яик, которому якобы стало известно от саратовского воеводы, будто на калмыков планируют направить царские войска. Уход на восток не входил в интересы мирз, поэтому в случае подобного развития сценария, ногайцы планировали отойти от калмыков и уйти на Северный Кавказ или в Крым [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1695 г. Д. 1. Л. 4–6, 9].

Опасения Аюки за безопасность улусов были не беспочвенны. В декабре 1694 г. донские атаманы сообщали Борису Алексеевичу Голицы-

ну, руководителю Приказа Казанского дворца, в чьем введении находились «Калмыцкие дела», о нападениях калмыков под казачьи городки, в ходе которых они отгоняли лошадей. Еще в сентябре казаки ходили в карательный поход на калмыков к Волге и «за свое взяли небольшое». Уже после этого 2 тыс. калмыков совершили ответный набег и разорили верховые донские городки. Казаки пытались снова организовать ответный поход, но понимали, что это развяжет настоящую полномасштабную войну с калмыками, и они тем самым навлекут на себя «государев гнев» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1695 г. Д. 1. Л. 13, 14].

Эти опасения, в первую очередь, были связаны с приходом к власти Петра Алексеевича, который с 1694 г. стал готовить военное наступление на южном направлении, в район Азова, а региональные конфликты между царскими подданными и калмыками только мешали задуманному государственному плану. После свержения царевны Софьи Алексеевны военные действия против турок были приостановлены, а русские войска были лишь заняты отражением набегов крымских и азовских татар. В 1694 г. новым правительством Петра Алексеевича было решено возобновить активные боевые действия на южном направлении и нанести удар не по крымским татарам, как это было в походах В. В. Голицына, а по турецкой крепости Азов.

О позиции Аюки в это время нам известно из сообщения станичного атамана Григория Белицкого, прибывшего в Москву в марте 1695 г. Со слов пленных, бежавших из Азова на Дон, Аюка и глава астраханских юртовских татар Ишкой Ишкарин присылали в турецкую крепость своих людей с предупреждением, что русский царь с войском направляется в Азов, а передовые части армии уже находятся в Саратове. Азовцы решили проверить поступившую информацию и направили разведывательные отряды для захвата «языков» в районы Астрахани, Царицына, Полтавы и Изюма. Донские казаки с целью перехватить указанных азовских разведчиков также отправили под Астрахань 150 человек, а в крымские степи – 300 человек. Услышав о надвигающейся угрозе, азовский бий срочно отправил к Аюке посольство с богатыми подарками (пищали, луки и т.д.) и просьбой оказать, как можно скорее, военную помощь [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1695 г. Д. 3. Л. 4, 5].

Согласно сведениям крымского историка Саид Ризы, один из приближенных крымского хана – Мердан Али-ага – во главе посольства был направлен в калмыцкие улусы в начале 1695 г. Именно он и привез оттуда новости о намечающемся азовском походе русской армии и возможном нападении на Крым. Информация Аюки позволила азовскому гарнизону вовремя подготовиться, а крымскому хану отправить туда

подкрепление, что и стало одной из причин военной неудачи русской армии в первой кампании под Азовом [Khodarkovsky 1992: 128].

Русские документы нам отчетливо показывают, что Аюка не принял никакого деятельного участия в первом Азовском походе русской армии, а занял выжидательную позицию. Более того, по словам едисанского ногайца Шаршенбека, взятого в плен казаками под Азовом в декабре 1695 г., еще до прихода царских войск Аюка прислал шестерых посланцев в турецкую крепость с уведомлением, что будет оказывать в предстоящем русско-турецком противостоянии помощь только тем, «которая сторона будет сильнее». Подкрепление туркам он так и не прислал [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1695 г. Д. 13. Л. 32]. Об отношении Аюки к неудаче русской армии под Азовом в 1695 г. нам известно из более поздних документов. В основном это различные сведения донских казаков, полученных ими от пленных азовцев. Например, в январе 1696 г. в Москву казаки привезли пленного азовского татарина, со слов которого известно: «Аюкай и калмыки ево зело радостны, что Азов не взят, и к [крымскому] хану он (Аюка. – В. Т.) писал, что он московским людем помочи не давал»; «и для той радости по своей поганской вере зарезал в жертву себе лутчих двух белых своих лошадей; а дети де ево и мурзы так же бараны резали на курманлык». В то же время Аюка якобы также говорил: «когда б де белые цари Азов взяли, то б де он зарезать велел белого быка» [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1696 г. Д. 5. Л. 1, 2, 9].

Донские казаки всячески пытались прервать связи калмыков с Азовом, и для этого с Черкаска на «азовские шляхи» были направлены отряды казаков и донских калмыков. В результате им удалось дважды разгромить калмыцкие посольства, направлявшиеся в Азов или возвращавшиеся обратно в улусы. Одно из таких разгромленных казаками посольств возглавлял сын покойного Мазан-Батура – Янтемир. Все это привело к тому, что калмыки отказались от контактов с Азовом и стали пригонять на продажу свой скот и лошадей прямо на Дон [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1696 г. Д. 5. Л. 2, 21].

Отказ от торговли с турецким Азовом был вызван и новым наступлением русской армии в этом направлении. В этой военной кампании отводилась роль и калмыцкой коннице. Учитывая ошибки предыдущей подготовительной кампании, Петр Алексеевич предпринял ряд новых и существенных мер по привлечению калмыцкого правителя на свою сторону. В первую очередь, это касалось более значительного материального стимулирования по сравнению с прошлыми годами. С этой целью в феврале 1696 г. к Аюке был направлен Кирилл Пущин с царской грамотой и жалованьем за будущую азовскую службу: «платяной

и соболиной и иной всякой рухляди» общей стоимостью в 2094 рубля, а также 3 тыс. суконных портищ [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1696 г. Д. 2. Л. 3, 4]. 6 мая 1696 г. К. Пущин прибыл в калмыцкие улусы с царским указом о направлении Аюкой под Азов трехтысячной конницы. Однако Аюка в ответ выдвинул свое условие, требуя направления государевых указов к башкирам и яицким казакам о категорическом запрете нападать на калмыцкие улусы, поскольку владел информацией об их готовящемся совместном нападении [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1696 г. Д. 2. Л. 7, 8].

17 августа 1696 г. в Москву приезжает посланец Аюки – Муча [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1696 г. Д. 6. Л. 1]. 8 сентября прибывает калмыцкое посольство во главе с Тарбой в количестве 42 человек. Пригнанная ими «ордобазарная станица» насчитывала 2 тыс. лошадей. Власти весьма положительно отнеслись к этому приезду, поскольку в условиях войны русская армия нуждалась в конском составе. Из Москвы даже был направлен «нарочный сыщик» для розыска пропавших и украденных по дороге калмыцких лошадей [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1696 г. Д. 5. Л. 20, 23].

Летом 1696 г. возобновились случаи отгона донскими казаками лошадей у калмыков, о чем последние неоднократно жаловались местным властям в Царицыне. Например, тайша Черкес сообщал, что казаки отогнали у него 50 лошадей, а его люди в устье реки Сарпы поймали семерых «воровских» казаков, оказавшихся жителями верховых городков, которых снабдили оружием станичные атаманы и есаулы. В Москве срочно отреагировали на эти известия, прислав указ астраханскому воеводе И. А. Мусину-Пушкину о казни указанных пойманных казаков, но некоторых из них отправили в столицу «для подлинного розыску» [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1696 г. Д. 7. Л. 92-93, 97, 143; Ф. 119. Оп. 1. 1697 г. Д. 5. Л. 2].

Подобные указы о запрете нападать на калмыцкие улусы и немедленном возвращении калмыкам захваченного имущества также были направлены в Уфу и на Яик. Все это было реакцией на то, что в сентябре Аюка жаловался в Астрахань на постоянные набеги башкир и яицких казаков. А с возвращением калмыцких улусов к Волге донские казаки в 10 приходов отогнали в общей сложности 540 калмыцких лошадей [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1696 г. Д. 7. Л. 96]. В целом царские указы сыграли определенную роль в возвращении пленных калмыков и их имущества. В декабре 1696 г. из Уфы стольник Никита Кудрявцев докладывал, что в результате произведенного им розыска только в одном Уфимском уезде были найдены и возвращены Аюке 149 человек, 196 лошадей и 6 верблюдов. Башкиры в оправдание своих действий указывали на грабежи и захваты калмыками башкирских охотников с их последующей продажей туркменам [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1696 г. Д. 6. Л. 11].

Однако в своем письме, доставленном в Москву в апреле 1697 г., Аюка извещал, что по государеву указу калмыцкой стороне вернули не всех пленных и захваченное имущество: разысканы и возвращены были только 139 человек, 80 лошадей и 6 верблюдов [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1697 г. Д. 7. Л. 5, 6]. В другом письме Аюка констатировал: «мы от вас худа никакова к себе не видали, а вы от нас тако ж де никакого худа нет». По его мнению, «только ссоры чинят меж нами, сложася двое – казаки да башкирцы небольшие люди». Аюка просил произвести двухсторонний розыск всех преступников, заверив еще раз царские власти: «хочу быть в любви и в совете, в дали и в близости видетца» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1697 г. Д. 7. Л. 8]. В Москве на это сразу же отреагировали и направили на Дон строгий указ о немедленном сыске преступников. В апреле 1697 г. атаманы сообщали, что в результате расследования были найдены и казнены 14 казаков, участвовавших в отгоне калмыцких лошадей в 1696 г., а их имущество конфисковано в пользу войсковой казны. Более того, «заказ учинили по всем своим верховым городкам под смертною казнью, чтоб впредь отнюдь с калмыки задор и ссор никаких не чинили» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1697 г. Д. 5. Л. 3, 4].

Со своей стороны Аюка также предпринял шаги к примирению с казаками. В начале марта он прислал на Дон посланцев с предложением выступить совместно против Кубанской орды. Аюка обещал разорвать мир с Турцией и Крымом, а свои улусы перевести на казачьи земли, в междуречье Дона, Хопра и Медведицы, чтобы быть готовыми к совместному военному выступлению. Калмыки готовили военный поход на Кубанскую орду, которая насчитывала около 10 тыс. войска [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1697 г. Д. 10. Л. 5, 6; Ф. 119. Оп. 1. 1697 г. Д. 3. Л. 15-16; Д. 5. Л. 9].

Со взятием Азова в 1696 г. Россия вышла к Азовскому морю, но связи с Западом лежали через выход к Балтийскому морю, что неизбежно вело к войне со Швецией. Петр Алексеевич отправился в составе Великого посольства в Европу, чтобы заручиться поддержкой ряда стран в создании антишведской коалиции. Перед отъездом государю нужно было уладить ряд внутренних проблем, в том числе и русско-калмыцкие отношения.

По царскому указу боярин Борис Алексеевич Голицын, возглавлявший на тот момент Приказ Казанского дворца, в чьем введении находились и «Калмыцкие дела», должен был лично встретиться с Аюкой и заключить окончательный договор. В апреле 1697 г. боярин отправил Аюке письмо, начальная формулировка обращения которого звучало так: «Брат мой и друг, и многих орд владетелю, Аюке тайше, радоваться и здравствовать з женами, з братьями и з детьми, в верной службе много

лет». Далее Голицын сообщал, что планирует быть в Саратове и просил личной встречи [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1697 г. Д. 8. Л. 43-44].

В июле 1697 г. такая встреча стала возможной, поскольку в это время Голицын с инспекторской проверкой осматривал фортификационные сооружения низовых городов. В результате, «по многим пересылкам», русско-калмыцкий съезд был назначен в устье реки Камышинка. 15 июля Аюка прибыл в русский лагерь, где отобедал в отдельной палатке с Голицыным. На следующий день боярин с небольшим сопровождением дал ответный визит. Наконец, 17 июля они перешли к главному вопросу – заключению договора. Рассмотрение этого документа позволяет нам выделить шесть главных позиций.

Во-первых, в случае войны калмыков с бухарцами, каракалпаками или казаками, русская сторона обязывалась предоставить Аюке артиллерию: «две полуголанки и три мажжеры». Вдобавок к ним добавлялись ядра и бомбы, пушкари и гранатники, а также 20 пудов пороха. Ежегодно в качестве жалованья калмыкам должны были выделяться 20 пудов пороха и 10 пудов свинца.

Во-вторых, калмыкам предоставлялась возможность кочевать под всеми русскими городами.

В-третьих, во время крымских или кубанских походов калмыцким отрядам должна была предоставляться всемерная поддержка в русских крепостях.

В-четвертых, русская сторона обязывалась не принимать беглых калмыков, не крестить и возвращать их обратно в улусы. В случае если крещение все же произошло, то воеводы, допустившие это, должны были уплачивать за каждого крещеного по 30 рублей.

В-пятых, государевы суда, плывущие по Волге между Черным Яром и Саратовым обязывались перевозить калмыков «безо всякого задержанья и обид».

И, наконец, в-шестых, Москва обязывалась отправить во все государевы города, а также в Уфу, на Яик и Дон царские указы о недопущении «под смертной казнью» нападений на калмыцкие улусы [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1698 г. Д. 2. Л. 1, 2].

Голицын и Аюка обменялись договорными статьями, а боярин на своем экземпляре сделал собственноручно следующую запись: «К сим статьям договорным для явного и душевного подкрепления, да в лице в конце я, князь Борис Голицын, по договору с братом, укрепил вечно и впредь сим статьям быть неподвижно рукою» [ПСЗРИ-I, т. 3: 330-331].

Русско-калмыцкий договор буквально уже в следующем году подвергся новому испытанию. В начале 1698 г. на Дону с целью поселения

появилась большая группа калмыков в количестве 530 человек, не считая женщин и детей, под руководством Сетер-Батура и его брата Укаганкашки. В случае отказа в приеме беглые калмыки грозили уйти далее в Крым или на Кубань. Аюка и Менке-Темир неоднократно присылали в Войско своих посланцев с требованием немедленно выдать беглецов, но последние категорически возвращаться отказывались [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1699 г. Д. 3. Л. 4, 5]. В сообщении атамана Фрола Минаева в Москву отмечалось, что Сетер со своими людьми обещал «великому государю в Войску служить вечно», в противном случае «они, хотя все помрут, а из Войска никуда не пойдут... а к Аюкаю в орду не пойдут» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1699 г. Д. 10. Л. 1]. Для этого времени данное явление уже не было каким-то экстраординарным событием, поскольку в русских документах отмечены и более ранние случаи прихода калмыцких групп к донским казакам. Стоит отметить, что калмыцкие тайши не предприняли против беглецов силовых действий, а инициировали всевозможные мирные усилия, чтобы вернуть Сетера и его людей. Аюка и Менке-Темир несколько раз через посланцев призывали их вернуться, обещая в случае добровольного возвращения не преследовать и не предпринимать против них репрессивных мер. Но Сетер и его люди отказали посланцам, заявив, «что они никогда к ним, Аюкаю и Менкетемиру, в улусы не пойдут» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1698 г. Д. 5. Л. 10].

Опасения калмыцких тайшей были не безосновательны. Подобные действия могли бы послужить примером и для других калмыков, вызвав новые случаи бегства на Дон отдельных групп и даже целых улусов. Например, уже в марте 1698 г. в казачий Паншин городок из улуса Менке-Темира перебежала 25 кибиток под командой Укагана, брата Сетера. Менке-Темир потребовал от царицынских властей немедленно вернуть беглецов [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1698 г. Д. 5. Л. 14]. Однако на требование царицынского воеводы вернуть калмыцких беглецов казаки Паншина городка ответили отказом: «Калмыцких выходцев не отдадим и отдать нам их нельзя, и впредь принимать станем; к нам из войскового Черкасского городка писано, чтоб таких уходцев принимать от погонщиков и от всяких людей оберегать и в обиду некому не давать; если калмыки придут к нам за своими уходцами войною, то мы их не отдадим и драться за них станем» [Цит. по: Шовунов 1992: 39].

Для легитимности своих действий в этом вопросе донские атаманы руководствовались не только своим главным принципом «с Дона выдачи нет», но и указывали калмыцким посланцам на договор, заключенный ранее с Мончаком, Дайчином и Аюкой: «... а кто от них перейдет на Дон, также и з Дону к ним, и таких на обе стороны не отдавать, а кто

не похочет, и таких не держать» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1699 г. Д. 10. Л. 2]. Но такая точка зрения казачества противоречила официальной позиции центральной власти, поскольку в «Договорных статьях 1697 года» четвертый пункт прямо указывал: «Чтоб его улусных людей Калмык, которые своровав, учнут бегать в Государевы города, одни, или с женами, или с детьми, не принимать, и не крестить, а задерживать их в городах и писать об них к Москве и к нему Аюкаю» [ПСЗРИ-I, т. 3: 331; РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1698 г. Д. 2. Л. 1].

История с Сетером и его людьми стоит особняком. В действительности это больше походило на частную инициативу отдельных людей, объединенных общей идеей изменить свою жизнь на новом месте. Причем подразумевался уход на Дон с полным разрывом связей с традиционным калмыцким обществом, сопровождавшийся такими насильственными действиями, как захват чужого имущества и людей. Такие люди становились более послушным и легко управляемым инструментом в руках царского правительства, которое поощряло действия донской администрации, хотя формально и поддерживало претензии калмыцкой стороны.

Но этот случай оказался не единственным. В январе 1699 г. на Дон перешла очередная группа калмыков численностью в 100 кибиток под командой Дай-Батура. Официальная реакция центральных властей на последнее событие все-таки последовала. 4 марта 1699 г. вышел указ Петра I о выдаче с Дона Дай-Батура и его людей, а также о запрете приема беглых калмыков [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1698 г. Д. 5. Л. 100]. Однако, когда казаки зачитали государев указ всем беглым калмыкам, то они категорически отказались возвращаться обратно к Аюке и Менке-Темиру и угрожали уйти в крымские владения [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1698 г. Д. 5. Л. 130]. Некоторые из них свои угрозы претворили в реальность, например, тот же Дай-Батур со своими людьми бежал с Дона на Кубань, так как именно перед ним маячила угроза быть выданным Аюке [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1698 г. Д. 5. Л. 253]. Но стоит также отметить, что указ Петра I о возвращении беглых калмыков не затрагивал уже крещенных или желающих креститься. Например, в мартовском царском указе 1699 г. на имя самарского воеводы Петра Баскакова сообщалось, чтобы всех приезжающих в Самару калмыков, пожелавших креститься, «к нему, Аюкаю, их не отпускать» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1699 г. Д. 4. Л. 31].

Правительственные указы по вопросу возвращения беглых калмыков, носившие в основном декларативный характер и не имевшие под собой практической основы, не устраивали Аюку. Именно в этом русле надо рассматривать его дальнейшие шаги, направленные на привлечение более пристального внимания российского правительства на дан-

ную проблему. Возможно бегство Дай-Батура и его людей на Дон стало последней каплей, переполнившей чашу терпения Аюки, и в 1699 г. он переводит все свои подвластные улусы за Яик. Одной из причин этого решения, по словам его посла Кашки, сказанным в Москве в октябре 1699 г., являлся отход части калмыков на Дон, и поэтому Аюка опасался «от тех калмык, и чтоб иные не бегали» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1699 г. Д. 9. Л. 1]. В качестве одного из главных условий своего возвращения на Волгу Аюка называл возврат правительством ему всех беглых калмыков [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1699 г. Д. 4. Л. 13].

Зимой 1698/1699 гг. началась массовая откочевка калмыцких улусов в восточном направлении. По всей видимости, это было связано с приездом осенью 1698 г. духовной миссии из Тибета от Далай-ламы. Во всяком случае остается непонятным истинное намерение Аюки: было ли это окончательное решение ухода с Волги, либо он всего лишь провожал духовную миссию до дальних кочевий.

Первыми, кто забил тревогу и конкретно сообщил об откочевке Аюки, были дербетские тайши. 24 февраля 1699 г. Менке-Темир прислал посланца Цецен-Заргучи в Царицын с письменным сообщением, а уже 2 марта этот тайша с братом Черкесом и Дюдюлем лично встретились с царицынским воеводой Ильей Протопоповым, которого уведомили об откочевке Аюки за Яик и о своем уходе с улусами от него к Царицыну. 20 марта шестеро дербетских послов во главе с Кулюк-даргой уже были в Москве [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1699 г. Д. 6. Л. 1, 2]. Как стало известно позже, когда Аюка покочевал за Яик, дербетский улус двинулся вслед за ним, но, дойдя до Нарын-песков, повернул обратно в сторону Волги [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1699 г. Д. 8. Л. 16]. В распоряжении Менке-Темира находилось 10 тыс. кибиток, но даже с таким количеством людей он не чувствовал себя в безопасности и просил власти защитить его в случае возможного прихода войск Аюки. Демонстрируя свою верность государю, дербетский тайша предложил свои военные услуги против Крыма. Также он предложил всех некрещеных калмыков, находящихся по тем или иным причинам в русских городах, передать к нему во владение [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1699 г. Д. 6. Л. 14, 15, 17].

В ответном мартовском письме к Менке-Темиру, кочевавшему с улусом на правом берегу Волги, возле Царицына, царские власти хвалили его поступок, хотя в Москве недоумевали и не могли объяснить мотивы откочевки Аюки. Б. А. Голицын в своем письме к Аюке призывал его вернуться к Волге, а демарш калмыцкого хана пытался объяснить, как ответную реакцию на настоятельную просьбу боярина прислать в Москву сына Гунджаба и переброску 4-тысячного царского войска из

центра на южное направление. Однако Голицын утверждал, что все эти вопросы были оговорены с Аюкой и его сыном на встрече в 1697 г. Не прошла мимо внимания Голицына и информация о калмыцко-кубанских переговорах, в ходе которых Аюка требовал от крымских властей выдать ему ранее бежавших от него ногайцев-едисан или выплатить за них дань. По мнению царского сановника, это шло в разрез с прежними договоренностями [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1699 г. Д. 1. Л. 1, 5, 6].

С началом 1699 г. правительство предприняло ряд мер по возврату Аюке его людей. Федор Змеев, по царскому указу ездивший в Уфу для сыска у башкир калмыцкого ясыря, в марте собрал всего 27 калмыков. Из них 13 были из улуса Аюки, 8 – из владения Цаган-Батура, а 6 человек не смогли даже определить свое точное место прежнего проживания в калмыцких улусах, так как «взяты в полон в малых летах». Некоторые из башкир категорически отказывались возвращать калмыцкий полон. Пленники из улуса Цаган-Батура были возвращены обратно башкирам, поскольку их тайша «великому государю не служит и кочует особо, и их, башкирцов, разоряет» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1699 г. Д. 4. Л. 36, 47].

В апреле 1699 г. в Москву прибыл посланец Аюки – Муча, который привез письмо от хана. Аюка жаловался Б. А. Голицыну на донских казаков, которые, по его мнению, «между нами по некоему научению недруга твоего совет наш разбивают». На прошлой встрече хан предупреждал боярина, что казаки «наш договор и союзный совет разобьют», так как они игнорируют государевой указ. Аюка был в курсе того, что Менке-Темир писал против него донос, поэтому он предупреждал Голицына, чтобы тот «ево словам не верил» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1699 г. Д. 7. Л. 4, 5].

На непокорного дербетского тайшу он в июле отправил Чакдорджаба с крупным войском. При переправе через Дон атаман Л. Максимов попытался помешать калмыкам, но успеха не имел. Часть улуса Менке-Темира была разорена, а уцелевшие успели уйти на реку Бузулук. На просьбу дербетского тайши о помощи Б. А. Голицын только посоветовал ему помириться с Аюкой или скрыться за Доном [Батмаев 1977: 43].

Из письма Менке-Темира к царицынскому воеводе Алексею Чернышеву становится известно, что незадолго до этих событий Аюка все-таки пытался решить конфликт мирным путем, когда прислал к нему с предложением мира двух буддийских лам и тайшу Чимета. В случае отказа Аюка угрожал решить вопрос силой. Надо отметить, что часть владельцев, в том числе тайша Дедюн, все-таки поддалась уговорам и вернулась на Волгу [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1699 г. Д. 2. Л. 11]. Как стало известно позже из письма Менке-Темира, тайша Чимет Батырев прибыл

в его улус, когда того не было дома, поскольку в это время он находился в Таганроге и встречался с государем. Воспользовавшись отсутствием дербетского тайши, Чимет подговорил и увел к Аюке один из дербетских улусов [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1700 г. Д. 1. Л. 12].

16 сентября в Москву прибыло посольство от Менке-Темира во главе с Эрке-Малаем [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1699 г. Д. 8. Л. 2]. По сообщению посла, со стороны его тайши «измены нет, а писал на него Аюка напрасно, и за тем де ему миритца ныне невозможно». В случае действительной измены, по мнению посланца, дербетский тайша ушел бы на Кубань. Как оказалось, супруга Менке-Темира от него не сбегала, а «осталась в аюкиных улусах неволею», а брат Дедюн ушел с Чиметом к Аюке в результате ссоры с другим братом – Черкесом, «а не для Мункотемиревы измены». При этом Чимету удалось подговорить и увести с собой сына дербетского тайши – Читыра. Эрке-Малай подтвердил и участие в последних событиях представителей буддийского духовенства: «а для подговору к нему, Аюке, от черных калмык приезжали ламы» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1699 г. Д. 9. Л. 2, 3].

В октябре 1699 г. Аюка кочевал под Саратовом, и именно в это время отмечается приезд в Москву его посольства, которое возглавлял Кашка. В своем письме калмыцкий хан подчеркивал, что не изменял государю, а свой отход за Яик рассматривал как реакцию на массовое бегство калмыков на Дон. Другой причиной послужила смерть его супруги, чей прах он «послал в Баранталу (Тибет. – *В.Т.*) погреть и ее провожал». После этого он вернулся обратно к Волге. Аюка заверил, что готов к примирению с Менке-Темиром: «станет жить вместе и прежние ево неправды не помянет» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1699 г. Д. 9. Л. 1, 2]. Из письма Чакдорджаба к Голицыну становится известно, что молодой тайша также отправлял своих людей «для мольбы» в Тибет, но по дороге эта миссия была разгромлена казаками и каракалпаками, при это оказалась разграблена казна, направляемая к Далай-ламе. Чакдорджаб просил в помощь 10 тыс. царского войска с артиллерией для карательного похода [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1699 г. Д. 9. Л. 12].

С началом 1700 г. отмечается новый виток конфликта в калмыцком обществе. 8 января Менке-Темир сообщил войсковому атаману Ф. Минаеву о приближении войска Чакдорджаба и Санджаба. В этот же день во втором часу дня в Черкасский городок прибыли посланцы указанных двух тайшей, но, по мнению казаков, «обманом, будто для переговоров». Атаманы хотели было отправить к ним двух казаков с требованием остановить военные действия против Менке-Темира, но калмыцкое войско уже вышло на боевые позиции напротив дербетского улуса в

районе Черкаска. Пришел указ казакам о защите Менке-Темира и недопущению перехода Чакдорджаба на правый берег Дона [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1700 г. Д. 1. Л. 13, 14].

Донские казаки вывели из Черкаска против калмыцкого войска практически все свои имеющиеся силы (конницу, пехоту и обоз), однако это не помешало Чакдорджабу все-таки захватить небольшое число улусных людей Менке-Темира. В частности, был захвачен остаток улуса Дедюна, ранее отошедший к Аюке. Казаки понесли людские и материальные потери. Калмыки пожгли и потравили у казаков сено, отогнали скот и лошадей, часть донцов было взято в плен, другие ранены или убиты. В результате боя были взяты в плен 10 калмыков, по показаниям которых, Аюка находился с основной частью войска в верховьях Маныча, прикрывая тыл своим сыновьям. Отдельная группа войск под командованием Ики-Замсы, брата Аюки, двигалась по левому берегу Дона [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1700 г. Д. 1. Л. 15; Ф. 119. Оп. 1. 1700 г. Д. 1. Л. 3–5, 7]. Менке-Темир сообщал Петру Алексеевичу, что калмыцкое войско насчитывало 4 тыс. человек, а в его руководстве, помимо Чакдорджаба и Санджаба, были Чимет и трое сыновей Балбу Данжина, племянников Аюки. Перед началом боевых действия у дербетов были отогнаны 5 тыс. лошадей [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1700 г. Д. 1. Л. 12]. 29 февраля Чакдорджаб с Санджабом снова ударили по улусу Менке-Темира, который откочевал к Северскому Донцу. На этот раз было захвачено намного больше кибиток. Менке-Темир с казаками попытался было преследовать их, в результате боя погибли двое казаков [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1700 г. Д. 1. Л. 1, 2].

После крупного вооруженного конфликта на Дону правительство довольно серьезно опасалось, что калмыцкие улусы откочуют за Яик. Поэтому из Москвы пришел срочный указ в Уфу, чтобы местные власти собрали башкир и совместно с яицкими казаками организовали заслон на Яике для предотвращения возможного ухода калмыков на восток [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1700 г. Д. 1. Л. 34]. Однако Аюка не собирался уходить, а через своих многочисленных посланников пытался разяснить ситуацию. Например, 14 марта к стольникам Василию Ивановичу и Ивану Васильевичу Давыдовым прибыл его посланец, Бок Эрке Тарсукай. С его слов, Чакдорджаб и Санджаб приходили на Дон «для взятия своих улусных людей», а Аюка «велел тех калмыков брать добром, а не ссорю». В результате улусных людей Менке-Темира перегнали с правого на левый берег Дона, но отношения калмыков с казаками были резко испорчены. Калмыцкие посланцы были задержаны в Черкасске [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1700 г. Д. 2. Л. 66]. Во многом эту информацию подтверждал и сам Менке-Темир, сообщив, что сыновья Аюки взяли своих улус-

ных людей численностью около 1 тыс. кибиток, 1 тыс. кибиток самого Менке-Темира и дополнительно еще 200 калмыков. Размер захваченного имущества составил 5 тыс. лошадей, 2500 коров, 1500 верблюдов и 2500 овец [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1700 г. Д. 2. Л. 67].

Таким образом, мы видим, что ситуация на юге России на рубеже веков была весьма напряженной. Она длилась все последние десятилетия XVII в., и русско-калмыцкие отношения несколько раз подвергались жестоким испытаниям. С приходом к власти Петра Алексеевича и активизации внешней политики царского правительства на южном направлении, в связи с азовскими кампаниями, эти отношения стали меняться в положительную сторону. Но непрекращающиеся локальные конфликты калмыков с казаками и башкирами вновь ставили под вопрос их мирное урегулирование.

Следует отметить, что царское правительство, как правило, на словах поддерживая претензии калмыцких тайшей по вопросу беглых калмыков, или затягивало решение, или ограничивалось обещаниями. Очевидно и то, что калмыки, недовольные своей жизнью в улусах и принявшие решение бежать на Дон, шли на такой шаг осознанно. Если на новом месте обстановка складывалась в их пользу, то они оставались здесь жить, в противном случае могли покинуть донские степи и уйти в крымские владения или на Кубань.

Все эти региональные проблемы и постоянно возникавшая идея возвращения калмыков на историческую родину, подогретая влиянием буддийского духовенства, желавшего возвращения волжских калмыков в Центральную Азию для усиления позиции джунгар в их долгой борьбе с маньчжурской агрессией, постоянно поднимали вопрос ухода из пределов России. Смерть Галдан Бошогту-хана в 1697 г. только усиливала эту мысль, а возможность Аюки стать во главе объединенного ойратского государства была весьма реальной. Главным препятствием в реализации этой идеи, конечно, оставалось отсутствие единства в калмыцком обществе и центробежные процессы, выразившиеся в массовом отходничестве калмыков на Дон и в русские города. Именно эти процессы, а также нежелание части калмыцкой элиты возвращаться в Джунгарию, не дали Аюке, в конечном итоге, решиться на уход из России.

Источники

Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Собрание Первое. Т. 3. 1689–1699. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 694 с. (ПСЗРИ-1).

Российский государственный архив древних актов (РГАДА).

Литература

Батмаев М. М. Внутренняя обстановка в Калмыцком ханстве в конце XVII в. // Из истории докапиталистических и капиталистических отношений в Калмыкии. Элиста: КНИИЯЛИ, 1977. С. 34–53.

Батмаев М. М. Калмыки в XVII – XVIII веках. События, люди, быт. Элиста: Калмкнигоиздат, 1993. 381 с.

Шовунов К. П. Калмыки в составе российского казачества (вторая половина XVII–XIX вв.). Элиста: КИОН, 1992. 320 с.

Khodarkovsky M. Where Two Worlds Met: The Russian State and The Kalmyk Nomad, 1600-1771. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1992. 278 p.

УДК 94 (47)

СУДЬБА ПЕЧАТИ КАЛМЫЦКОГО ХАНА: ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ЮГО-ВОСТОКЕ РОССИИ В 30–60-е гг. XVIII в.

Ряжев А. С.¹

¹ кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник АНО ВО «Поволжский православный институт» (г. Тольятти).

E-mail: riazhev@yandex.ru

Аннотация. В статье изучено движение калмыцкой ханской печати как материального объекта и символа культурной идентичности. Печать в 1690 г. калмыцкий властитель Аюка получил от Далай-ламы вместе с ханским титулом и другими инсигниями власти. Позже печать перешла к потомкам хана, в конечном итоге оказалась в Ставрополе-на-Волге, откуда была передана российским властям. На примере судьбы печати прослежены политико-дипломатические реалии на юго-восточных границах России во 2-й трети XVIII в., обозначены процессы взаимодействия этносов и религий, приведшие к возникновению такой служилой группы, как волжские ставропольские калмыки.

Ключевые слова: символы власти (инсигнии), ханская печать, Калмыцкое ханство, миграции, этноконфессиональная группа, ставропольские калмыки, Ставрополь-на-Волге, юго-восточные границы, 2-я треть XVIII в., Российская империя.

Актуальной темой политической истории России в XVIII в. является вероисповедная политика государства [Ряжев 2006: 84–86]. Взаимодействие этносов и религий на окраинах страны – один из важных аспектов обозначенной темы. Сведения о калмыцкой ханской печати во многом характеризуют его применительно ко 2-й трети XVIII в. В этой связи их необходимо изучить, что и входит в задачу настоящей работы.

Источники сосредоточены в соответствующем томе документальной серии о волжских ставропольских калмыках. Здесь собрана переписка Коллегии Иностранных дел (далее – КИД) и Оренбургской губернской канцелярии, характеризующая розыски инстанциями печати, в свое время принадлежавшей калмыцкому хану Аюке, и передаче ее русским властям офицерами волжского Ставропольского калмыцкого войска. С этими документами тесно связан целый ряд коллежских и канцелярских бумаг, характеризующих формирование войска и обстановку на юго-востоке европейской части России. Учтено в издании и законодательство

по теме из состава первого Полного собрания законов Российской империи [Волжские 2011]. Сведения о печати и политической расстановке сил в Калмыцком ханстве имеются в сочинении В. М. Бакунина [Бакунин 1995]. В целом использованные источники характеризуют этноконфессиональное развитие на юго-востоке Российской империи на протяжении 2-й трети XVIII в., и их значение в этой связи трудно переоценить.

В историографии судьба печати как таковой отражения не получила. Вместе с тем упоминания об инсигниях, в том числе печати, калмыцкого хана Аюки и его преемников присутствуют в научной литературе в связи с наблюдениями по поводу символики и ритуалов ханской власти, внутренней расстановки сил в Калмыцкой степи, практики отношений между ойратскими повелителями и российскими военно-гражданскими властями [Батмаев 2009; Дорджиева 1995; Колесник 2003б: 115–157; Максимов 2002].

Широкие этнические, социальные, религиозные процессы Нового времени по периметру российских границ историография связывает, как правило, с миграциями. Последние несколько лет в науке отмечены интересом к перемещениям не только людей, но и материальных объектов различного происхождения и назначения – артефактов, раритетов, предметов производства, в том числе товаров. Значимость такого подхода понятна: на основе сведений о движении вещей в пространстве формируются представления о протяженности, устойчивости культурных контактов, наличии разнообразных границ – религиозных, языковых, этнических, политических. Представления оказываются достоверными, когда объекты сохраняются до наших дней и в то же время обладают бесспорной атрибуцией, или, по крайней мере, когда сведения о странствиях предметов, вещей обладают письменной фиксацией и поддаются проверке, как в случае с названной ханской печатью.

Ее внешний вид мимоходом охарактеризован в секретном указе КИД от 16 марта 1744 г.: здесь говорится о печати, «зделанной из сандалного дерева» [Волжские 2011: 95]. На указе налицо подписи служащих Иностранной коллегии: «Иван Топилской», «Василий Бакунин». В. М. Бакунину, коллежскому переводчику, приходилось бывать в ставке Аюки, и, безусловно, ханская печать была ему знакома. В сочинении, составленном позже, дипломат приводит сведения о происхождении предмета. В контексте взаимоотношений потомков Аюки он неоднократно упоминает «печать, присланную от Далай-ламы к Аюке на ханство» [Бакунин 1995: 30, 35], то есть вместе с ханским титулом. Событие, как известно, имело место в 1690 г. и сопровождалось передачей набора соответствующих инсигний власти [Колесник 2003а: 37], а не одной лишь сандаловой пе-

чати. Однако именно печать стала важнейшим символом политического верховенства у калмыков, подчеркивавшим легитимность полномочий или претензий на власть его обладателя.

У самого Аюки была не одна печать, о чем также сообщал В. М. Бакунин. В сюжете о пребывании цинского посольства, во главе которого стоял Тулишэнь, посланец императора Сюань Е (1661–1722, девиз правления – Канси), в ставке калмыцкого хана в 1714 г. значится: «В бытность при хане Аюке китайского посла Тюлешина при присутствии оного посла, их калмыцкого Буканг-ламы и многих владельцев, попов и зайсангов он, хан Аюка, собою объявил по себе наследником большого сына своего Чакдоржапа и во знак того отдал ему печать, присланную ему от Далай-ламы на ханское достоинство, а сам стал употреблять другую печать» [Бакунин 1995: 30]. И неслучайно, что объявив наследником своего первенца, степной повелитель передал ему ту печать, которая пришла к нему вместе с ханским титулом.

Чакдорджаб умер в 1722 г., не успев занять ханского места, сыновья же его сохраняли права на наследование, подкрепляя их отцовским завещанием и ханской печатью из рук Далай-ламы. У В. М. Бакунина по этому поводу находим: Чакдорджаб «при смерти своей завещал» сыновьям «всем быть в союзе и кочевать вместе и отдавать послушание старшему из них брату Досангу, которому отдал и присланную от Далай-ламы к Аюке на ханство, а Аюкою в 1713 году отданную ему, Чакдоржапу, при публикации его ханским наследником печать» [Бакунин 1995: 35].

Аюка-хан после смерти Чакдорджаба решил отстранить Досанга от наследования в пользу его дяди и своего младшего сына Церен-Дондука. Во вспыхнувшей смуте выдвинулся Дондук-Омбо, внук Аюки. Кончина самого Аюки в 1724 г. усилила внутренний политический кризис ханства. Вскоре он вылился в конфликт, а затем и феодальную войну между потомками повелителя степей, в которой Церен-Дондуку противостояла коалиция во главе с Дондук-Омбо. Свое место в конфликте занимала и борьба за инсигнии. В частности главу мятежников одно время занимала Дармабала, вдова Аюки: он сближался с нею, зная, что ханша держала при себе ту самую «другую печать», оставленную ханом у себя после провозглашения наследником Чакдорджапа [Колесник 2003б: 122], и Дондук-Омбо рассчитывал получить реликвию в свое распоряжение. Он не без оснований считал, что ханская печать сообщит его моральным правам на власть дополнительное подтверждение.

В событиях калмыцкой смуты дети Чакдорджаба часто поддерживали мятежников, в отдельные моменты, впрочем, выступая с собствен-

ными видами на исход борьбы за власть и рассчитывая на российское содействие. В их числе были Баксадай-Доржи и Дондук-Даши. Баксадай-Доржи в 1724 г. принял христианство под именем П. П. Тайшина и русским княжеским титулом, затем неоднократно выдвигая претензии на ханское место. Однако в конечном итоге поддержку российской стороны получил Дондук-Омбо – он показал себя не только наиболее сильным соискателем политического первенства среди калмыков, но и единственным, кто был способен восстановить порядок в ханстве и по-прежнему обеспечить его участие в войнах России [Колесник 2003а: 38, 39]. В 1730 г. не стало Досанга, его брат Нитар-Дорджи был убит еще раньше. Надо думать, тогда к П. П. Тайшину и перешла тибетская ханская печать. Она сопровождала князя до конца его дней, побывала с ним при дворе и укрепляла его в расчетах на новое главенство – на этот раз над всеми крещеными калмыками. Российские власти начинание одобрили, решив перевести всех выходцев из калмыцких степей, перешедших в православие, на Среднюю Волгу близ г. Самара.

П. П. Тайшин утвердиться здесь не успел – умер в Санкт-Петербурге в 1736 г. Правительницей поселения крещеных калмыков с центром в крепости Ставрополь-на-Волге власти назначили А. А. Тайшину, вдову князя. Она прибыла сюда в 1738 г. На следующий год в соседнюю Красноярскую крепость, входившую в состав сооружений Новой Закамской оборонительной линии, из Санкт-Петербурга был отправлен и Дондук-Даши, на месте неоднократно встречавшийся с А. А. Тайшиной [Волжские 2011: 83–87].

В 1741 г., после смерти хана Дондук-Омбо по решению правительства именно Дондук-Даши стал наместником Калмыцкого ханства. Спустя два года он обратился к властям, попросив себе в подарок две вещи П. П. Тайшина, сохраненные в Ставрополе-на-Волге. В указе КИД от 16 марта 1744 г. по этому поводу значилось: «наместник... Дондук Даши листом своим, здесь чрез посланца его Тунгу 13 ноября прошлого 1743 года полученным, просил о пожаловании ему после брата его, Петра Тайшина, панцыря... и печати...» [Волжские 2011: 91]. О панцире брата Дондук-Даши просил неслучайно: для воина это была желанная награда. В том же коллежском указе читаем: «...присланной из Ставрополя крещеных калмык хорунжей Иван Амур в Коллегии иностранных дел скаскою показал, что такой панцырь у Петра Тайшина был купленной им за тысячу за пятсот овец...» [Волжские 2011: 91]. Цена преувеличена, впрочем, можно не сомневаться, что панцирь был действительно дорогим. Но просьба наместника имела и другое содержание, в котором важность предмета много превосходила его цену: панцири к тому време-

ни были включены в число ханских инсигний, жалуемых властями России, награждение ими прочно вошло в протокол назначения калмыцких властителей [Бакунин 1995: 69; Батмаев 2009: 385–397], и Дондук-Даши желал его соблности.

У панциря тогда нашелся новый хозяин. Княгиня А. А. Тайшина в свое время наградила им одного из старших командиров волжских ставропольских калмыков: «по смерти оного Тайшина женою его княинею Анною Тайшиною подарен крещеных калмык полковнику Кириллу Шарапу, у которого оной и ныне имеется...», – отмечено в указе КИД [Волжские 2011: 91]. Однако отказать Дондук-Даши и тем самым ущемить престиж своего ставленника в Калмыцком ханстве российская сторона отнюдь не хотела. «И потому, – гласил коллежский указ, – на прошение к реченному наместнику ханства калмыцкого от 10-го сего марта отсюда писано, что брата его Петра Тайшина панцырь княинею его подарен крещеных калмык полковнику Кириллу Шарапу а ныне ее императорское величество по всеподданнейшего его прошению в показание к нему Высочайшей милости оным панцырем пожаловала его, наместника, которой придется к нему впредь...» [Волжские 2011: 91].

Иначе обстояло дело с печатью. В указе КИД сказано, что эта древняя Аюкаева инсигния – тибетская печать «из сандалного дерева» после кончины П. П. Тайшина находилась «у внука его, князя Петра Торгоутского...» [Волжские 2011: 91]. Из документа следует, что поисками этой печати, потеряв ее из виду после смерти Аюки, русские власти были весьма озабочены. Теперь же, когда она вдруг всплыла в Ставрополе-на-Волге, они стремились не допустить ее ухода в ханство. В основе подобной интенции лежали политико-дипломатические соображения. Всякий материальный объект является свидетельством культурной идентичности. Печать – подарок Далай-ламы хану Аюке, вырезанная на Тибете, соответствующим образом обозначала основу калмыцкой государственности. Она привязывала Калмыцкое ханство к геополитическим замыслам тибетских правителей, и, прежде всего, к созданию единого ойратского государства в Центральной Азии [Златкин 1983: 98–116, 140–171].

Тибетские связи калмыков всегда тревожили КИД: в дипломатическом ведомстве опасались, что из-за них Россия втянется чуждые ей отношения в Центральной Азии, и, в частности, в джунгаро-цинское противостояние, обострившееся в 1730-е гг. К тому же в начале 1740-х гг., незадолго до своей смерти, хан Дондук-Омбо обращался к Далай-ламе за ханским титулом для своего сына Рандула без согласования с русской стороной [Батмаев 2009: 396]. У властей были сомнения и в отношении Дондук-Даши. Контакты Аюки, его преемников, в целом верхушки

калмыцкого общества, с Тибетом, попытки ввести во 2-й трети XVIII в. проблематику наследования ханской власти в дискурс отношений калмыков и с Цинской империей, и с другим государством ойратов – Джунгарским ханством, исключая участие русской дипломатии – все это было значимым подтверждением самостоятельности Калмыцкого ханства и не устраивало российские власти, наметившие линию политической интеграции калмыцкого общества. Указанное обстоятельство в полной мере проявилось уже во время приезда посольства Тулишэня [Колесник 2003б: 118-120]. Поэтому намерениям властей отвечало немедленное изъятие ханской печати. Исключить ее попадание в руки калмыцких правителей должен был оренбургский губернатор И. И. Неплюев, а действовать ему – тогдашний астраханский губернатор В. Н. Татищев.

«Того ради..., – гласило решение КИД, – велеть объявленной у полковника Кирилы Шарапа панцырь взять и для отдачи наместнику ханства при верной оказии отослать в Астрахань к тайному советнику и губернатору Татищеву, а тому полковнику Шарапу из оставших по смерти князю Тайшиной пожитков дать по цене от двух до трех сот рублей, а объявленную печать, отыскав скрытно от калмык, прислать сюда, в Коллегию, понеже оной, яко присланной от Далай-Ламы на Калмыцкое ханство в руки их отдавать не разсуждено, о чем для известия и к тайному советнику и Астраханскому губернатору Татищеву послать указ же.

И господину тайному советнику Неплюеву учинить о том по е.и.в. указу, а к тайному советнику и губернатору Татищеву указ послан» [Волжские 2011: 92].

Однако «учинить» изъятие печати «скрытно от калмык» было невозможно. И здесь волю к сотрудничеству с властями проявила верхушка волжских ставропольских калмыков. Она включала в себя, прежде всего, зайсангов П. П. Тайшина – его ближайших доверенных людей, крестившихся вместе с ним. Текст их присяги накануне выдачи Жалованной грамоты императрицы Анны Иоанновны княгине А. А. Тайшиной, датируемый 1 июня 1737 г., содержит перечень девяти персоналий и рукоприкладства некоторых из них: «Во окончании по-калмыцки написано по сему: Иван Шоро. Петр Менко. Кирило Шарап присягал и в том я, Кирило, руку приложил.

Семен Тюрен. Григорей Балдан. Сергей Ясул Гецуль. Иван Амур. Василий Даадан. Иван Мангут присягал и в том я, Иван Мангут, и вместо их руку приложил» [Волжские 2011: 52].

Более широкий список, насчитывающий 19 фамилий, привел полковник А. И. Змеев, первый комендант Ставрополя-на-Волге. Список сохранился в совместном определении двух администраторов – тогдашнего

начальника Оренбургской комиссии В. Н. Татищева и главы Башкирской комиссии Л. Я. Соймонова от 18 декабря 1737 г.: «...А ныне при оной княгине имеется зайсангов, а имянно вышеписанные по ее представлению к правлению дел Иван Шоро, Петр Менко, Кирило Шарап, Матвей Бату Менко, Иван Чидор, да сверх оных Григорей Дайши Замсо, Семен Тюря, Иван Мангут, Афанасей Тукан, Григорей Балдан, Сергей Ясул Гецуль, Иван Амур, Василей Даадан, Федор Котема, Андрей Дабрицын, Костентин Ходжин, Андрей Ламаджан. Да княгиня ж Тайшина представляет, чтоб для всяких случающихся от нея в калмыцкие улусы посылок определить же жалованьем ис калмык Нестера Цодаша, Степана Кюрю...» [Волжские 2011: 70]. В документе подчеркивается, что зайсанги П. П. Тайшина помогают править его вдове, «чтоб вышеписанная ж княгиня Тайшина над всеми крещенными калмыки правление и содержание оных в добром порядке имела по прежним их обыкновениям чрез знатных зайсангов...» [Волжские 2011: 70]. Главными среди них считались двое: И. Шоро (Шора), «которой во всем калмыцком народе знатной и богатой зайсанг был» [Волжские 2011: 192], и уже известный К. Шарап – первый помощник и советчик княгини.

Реестр Оренбургской губернской канцелярии о награждении их вещами покойной княгини А. А. Тайшиной от 24 сентября 1744 г. также несет перечень ставропольских командиров-зайсангов В нем отмечено 27 офицеров Ставропольского калмыцкого корпуса, в том же году учрежденного И. И. Неплюевым, и это далеко не весь офицерский контингент калмыков-ставропольцев. Однако документ важен тем, что фиксирует складывание ставропольского калмыцкого командного состава как привилегированной служилой группы [Волжские 2011: 109–113].

С начала образования войска власти выдвинули принцип: офицеры-зайсанги являются военными командирами, а не владельцами рядовых калмыков. В дальнейшем заинтересованность государства в службе крещеных калмыков на различных рубежах – от Остзейского края и театров Семилетней войны до киргиз-кайсацкого пограничья оказывалась высокой, и на деле от заявленного принципа власти отступали, сохраняя привычный для калмыков образ жизни и социальный порядок, и документы несут соответствующие подтверждения [Волжские 2011: 168–170]. Документы также обозначают, что воспроизводство калмыцкой офицерской группы в Ставрополе-на-Волге шло за счет внутренних браков, то есть между входившими в нее семьями. Имели место браки и с выходцами из Калмыцкого ханства, но и здесь играли роль родственные связи последних со ставропольцами. Мальчиков, рожденных в данных браках, их родители в 1760-е гг. считали законными наследниками командных

вакансий их отцов и дедов [Волжские 2011: 245, 246]. Пополнение офицерского состава извне в середине XVIII в. и позже шло за счет калмыцких семейств, состоявших в родстве и/или свойстве со ставропольскими фамилиями Торгоутских, Дербетевых, Дайши-Замсо, члены коих непременно присутствовали в суде Ставропольского войска [Волжские 2011: 97, 98, 114–121, 127–129, 216–218].

Помимо зайсангов П. П. Тайшина или их ближайших родственников в состав калмыцкого офицерства входили и более знатные лица. Так, в реестре получателей пожитков А. А. Тайшиной значится знатный калмыцкий владелец Чидан Дербетев, крещеный под именем Никиты Тайшина [Волжские 2011: 109]. В 1758 г. в списки ставропольского офицерства был внесен Дмитрий Яковлев – знатный ойратский нойон Норбо Данжин, двоюродный брат лидера антицинского сопротивления джунгар нойона Амурсаны [Златкин 1958: 306]. Он прибыл в Россию в составе большой группы джунгар, пополнивших затем собой и Калмыцкое ханство, и Ставропольское войско. Норбо Данжин получил чин войскового есаула, его родственники и приближенные – другие чины и оклады [Волжские 2011: 232–234].

Ряд привилегий офицерства распространялся и на их семьи. В частности, судя по документам 1760-х гг., вдовы полковников и других сотрудников войскового суда получали жалование за умерших [Волжские 2011: 257–259]. Вместе с тем незнатные зайсанги несли службу и занимали высокие вакансии вовсе без жалования, чинов и учета заслуг [Волжские 2011: 182, 183, 255, 256]. Встать на тот же уровень привилегий без помощи властей было невозможно, но такие включения все же оставались единичными – помимо уже названных Н. Тайшина и Д. Яковлева можно вспомнить лишь о крещеных потомках хана Дондук-Омбо, также служивших в Ставрополе-на-Волге.

Оренбургский начальник И. И. Неплюев считал нужным задабривать владельцев-офицеров. Для этого он ввел: открытый стол у ставропольского коменданта, текущую выдачу жалования (рядовые калмыки и малознатные зайсанги, в отличие от высших офицеров, получали плату деньгами и натурой не постоянно, а лишь в походе и боях), регулярное вручение подарков. Он также запретил вмешательство армейских инстанций в дела частей корпуса, настаивал на соблюдении армейским начальством внутренней калмыцкой субординации, и даже закрывал глаза на нарушение привилегированным офицерством войска казенной винной монополии в 40–50-е гг. XVIII в. [Волжские 2011: 204–207].

По замыслу «просвещенных» властей ставропольский командный состав являлся примером для некрещеной калмыцкой знати и помогал ее

вовлечению в общую систему государства. При этом они отнюдь не спешили с поголовным крещением кочевой элиты, рассчитывая действовать медленно и наверняка. Отсюда не возникало препятствий для общения между крещеными и некрещеными родственниками в войске и Калмыцком ханстве и для их взаимных гостевых поездок. Из документов, в частности, следует, что ставропольские офицеры и их жены имели возможность заботиться о некрещеных родителях и прочей родне в ханстве, выручать при опоре на ханскую власть родственников из казахского плена [Волжские 2011: 235–240, 249, 256, 257]. Государство этим пользовалось, получая сведения о положении в ханстве и на всей азиатской границе и от крещеных, и от некрещеных калмыков. Отсутствовали непреодолимые преграды и между калмыцким простонародьем – буддистами и православными. Но из-за общения состава войска с нехристианами на офицерство лег вероисповедный контроль в отношении рядовых. Кроме того, Ставрополь был превращен властями в «метрополию» калмыцкого христианства – знатных неопитов «для крещения и научения в законе» присылали в крепость отовсюду, и офицерам на деле поручалось присматривать и за ними [Волжские 2011: 57–69, 178, 179].

Социальные и служебные привилегии, религиозное единство открыли для офицерской группы путь сближения с российским дворянством. Крещеные потомки хана Дондук-Омбо стали своего рода посредниками: в 1750 г. есаул Иван Дербетев женился на ханской внучке – представительнице рода князей Дондуковых, и возникла соответствующая линия свойственных связей [Волжские 2011: 190, 191]. Позже, при Екатерине II высший состав корпуса еще более проникся идеями о своем участии в консолидации благородного сословия: в 1768 г. зайсанги ходатайствовали разрешить им приобретать у православных русских дворян земли и населенные имения [Волжские 2011: 269–261].

Хозяином ханской печати, хранившейся в Ставрополе-на-Волге, одно время был выходец из калмыцкой знати, прибывший сюда для крещения – владелец Тундут, названный после крещения князем Петром Торгоутским. В реестре получателей пожитков княгини А. А. Тайшиной значится войсковой судья Петр Торгоутский, но, по мнению одного из исследователей, это другой человек – не владелец, а зайсанг, хотя и полный тезка, князь же Петр Торгоутский умер около 1743 г. [Джунджузов 2011: 35]. В качестве последнего хранителя печати в источниках фигурирует ставропольский есаул зайсанг Данила Дерету (Дербетев). Именно он в конечном итоге и передал ее российским властям.

В бумагах Оренбургской губернской канцелярии сохранились сведения о награждении К. Шарапа и Д. Дерету. В указе канцелярии от 24 сен-

тября 1744 г. обнаруживается распоряжение «обретающемуся при крещеных калмыках полковнику Кириле Шарапу за подаренной ему Тайшиною княгинею оставшей после мужа ее, Петра Тайшина, пансырь, купленной им за тысячу за пятьсот овец, который от е.и.в. пожалован наместнику ханства Калмыцкого Дундук Дайше, чего ради оной из Ставрополя и отправлен в Астрахань, из оставших по смерти ее, Тайшиной, пожитков дать по цене от двух до трех сот рублей вышеписанным же» [Волжские 2011: 108]. «Полковнику Кириле Шарапу за подаренной ею, княгинею Тайшиною, пансырь по указу и в награждение с протчими» полагалось следующее: «шуба соболя, часы золотые, серьги золотые с большими жемчужинами, пуговиц восемь с жемчужинами, кафтан матеровой красной, два шандала серебряные малые и счипцы с футляром серебряным же». Свою награду получил и есаул Д. Дерету: ему выдали «за объявление и отдачу им печати, коя по указу отыскивана скрытно, и в награждение... шесть стаканов серебряных» [Волжские 2011: 110, 112]. Таков был итог более чем полувекового путешествия печати калмыцкого хана.

Таким образом, ханская печать с конца XVII в. проделала путь от Тибета до Волги. Ее происхождение несло идеологическое обоснование ханской власти у калмыков, а перемещение обозначало проницаемость складывавшихся тогда на пространстве Евразии политических и языковых границ, проницаемость, по крайней мере, для кочевников-ойратов. Перипетии движений печати в 20–30-е гг. XVIII в. выделили глубину политического кризиса в Калмыцком ханстве, обусловленного кризисом власти и выбором путей интеграции калмыцкого общества в государственную систему Российской империи. Результатом вытекавших отсюда социальных и этнополитических сдвигов явилось формирование на Средней Волге крупной служилой группы крещеных калмыков, именно калмыков ставропольских, и их привилегированной верхушки – командного состава Ставропольского калмыцкого войска. В этом плане финал истории ханской печати охарактеризовал процесс выбора частью калмыцкой знати направления политической интеграции и ее готовности здесь опираться на содействие российских властей. Выступая политически лояльной группой, ставропольские офицеры становились вместе с тем и надежными посредниками в контактах со степными иноэтничными (ойратской, казахской) элитами по обеим сторонам российских границ на юго-востоке.

Крещеное калмыцкое офицерство воплощало опыт властей в деле их военно-политического усиления. Ставропольский командный состав обладал всеми организационно-боевыми качествами казачьих офицеров, но избавлял государство от давних тревог на счет последних, связывавшихся с рудиментами казачьей независимости и влиянием старооб-

рядчества. В целом подобное явление в ту эпоху не было единичным: государство с переменным успехом насаждало и поощряло привилегированные слои и в среде других групп служилых людей, крещеных и некрещеных – татар-мишарей, нагайбаков (крещеных башкир), различных горских формирований.

Источники

Волжские ставропольские калмыки: середина 30-х гг. XVIII в. – первая половина XIX в. Документы и материалы: в 4 т. / Гл. ред. А. С. Ряжев. Т. 1. Ставропольское калмыцкое войско в середине 30-х – 60-е гг. XVIII в. / Отв. ред. А. С. Ряжев; сост.: С. В. Джунджузов, А. С. Ряжев, А. В. Тепикин, Л. Б. Четыррова. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. 320 с.

Литература

Бакунин В. М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев: сочинение 1761 года. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 153 с.

Батмаев М. М. Калмыцкое ханство в 1724–1771 гг. // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Т. 1. Элиста: Герел, 2009. С. 385–431.

Джунджузов С. В. Калмыки в Среднем Поволжье и на Южном Урале (середина 30-х годов XVIII – первая четверть XX века): монография. Оренбург: ГБУ РЦРО, 2011. 209 с.

Дорджиева Г. Ш. Буддизм и христианство в Калмыкии. Опыт анализа религиозной политики правительства Российской империи (середина XVIII – начало XX в.). Элиста: АПП «Джангар», 1995. 126 с.

Златкин И. Я. Русские архивные материалы об Амурсане // Филология и история монгольских народов. Памяти академика Бориса Яковлевича Владимирова. М.: Изд-во вост. лит., 1958. С. 289–313.

Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. 1635-1758. 2-е изд. М.: Наука, 1983. 336 с.

Колесник 2003а – Колесник В. И. Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. Автореф. дис. ... д.и.н. Волгоград, 2003. 54 с.

Колесник 2003б – Колесник В. И. Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. М.: Вост. лит., 2003. 286 с.

Максимов К. Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX в.). М.: Наука, 2002. 523 с.

Ряжев А. С. Вероисповедная политика русского «просвещенного абсолютизма»: история изучения // История и историки: историографический вестник. 2005. М.: Наука, 2006. С. 84–126.

УДК 94

ПРОБЛЕМА ВОДОСНАБЖЕНИЯ В КАЛМЫЦКОЙ СТЕПИ В НАЧ. XX в. (по материалам аймачных и хотонных приговоров)

Лиджиева И. В.¹

¹ кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Калмыцкого научного центра РАН (г. Элиста)
E-mail: irina-lg@yandex.ru

Аннотация. В статье на основе анализа делопроизводства органов местного самоуправления и попечительской власти рассматривается проблема водоснабжения в Калмыцкой степи в начале XX в., на примере строительства плотины на реке Аршань для обводнения озера Батыр и двух колодцев в Малодербетовском улусе. В заключении автор делает вывод о том, что местное самоуправление в указанный период являлось действенным институтом в решении проблем местного значения.

Ключевые слова: Калмыцкая степь, водоснабжение, приговор, аймак, хотон, местное самоуправление.

Территория Калмыцкой степи, расположенная в низовьях Волги, занимала площадь 7 852 458 десятин земли [Костенков 1870: 17]. Одной из основных проблем, стоявших перед населением, являлся дефицит водных ресурсов. В период с 1860–1868 гг. в Калмыцкой степи работала Кумо-Маньчская научная экспедиция под руководством капитана-лейтенанта в отставке К. И. Костенкова. К основным задачам определенным для разрешения экспедицией относилось:

- √ закладка новых путей сообщения для связи Царицынско-Ставропольского и Кизлярско-Астраханского трактов, топографическая съемка и подробное описание, как действующих трактов, так и пролагаемых;
- √ выбор удобных мест для заселения трактов;
- √ поиск подземных источников пресных вод, а также возможность устройства запруд для сбора родниковых, снеговых и дождевых вод [Костенков 1868].

В ходе научных изысканий топографического, геологического и астрономического направлений были собраны ценные статистико-хозяйственные сведения о территории и ее природных ресурсах, населении и экономике, имевшие большое значение для дальнейшей ее интегра-

ции в общероссийское экономическое пространство. Одним из выводов к которому пришли участники экспедиции – это то, что «при отсутствии проточной воды и совершенном недостатке удобств для оседлых жителей, всякая попытка к водворению их здесь немыслима» [Калмыцкая 1868: 55]. «Результаты обследования свидетельствовали о специфических природно-климатических условиях Калмыцкой степи...» [Бадмаева 2009: 349].

Целью данной статьи является рассмотрение проблемы водоснабжения в Калмыцкой степи по материалам аймачных и хотонных приговоров начала XX в., связанных со строительством плотины на реке Аршань для обводнения озера Батыр и двух колодцев в Малодербетовском улусе.

«...бывший главный попечитель Калмыцкого народа Генерал-Майор Тагайчинов, имея в виду постоянные споры между калмыками в местах кочевок их улусов, захваты скота друг у друга, жалобы на потравы сенокосов и т.п. беспорядки, и желая привести в правильное положение наделению земель по улусам для их летнего и зимнего кочевья, а также для разных хозяйственных соображений и выбора мест под поселения, просил в начале 1851 г. о присылке топографов для рекогносцировки Калмыцкой степи» [Калмыцкая 1868: 1]. Отсутствие проверенных, уточненных сведений о географическом положении Калмыцкой степи, ее климатических и топографических особенностях имело место и в начале XX в., что порождало конфликтные ситуации среди ее населения, в том числе за водные источники, что являлось одним из основных факторов жизнедеятельности.

Согласно статье 41 Высочайше утвержденного Положения об управлении калмыцким народом к полномочиям схода, как органа местного самоуправления, наряду с другими, было отнесено: «Совещание по предметам, относящимся к общественным надобностям» [ПСЗРИ-II, т. XXII 1847: 349–372]. Так, используя свое законодательно закрепленное право на решение вопросов местного значения, органы местного самоуправления в начале XX в. пытались решить проблему водоснабжения.

18 октября 1911 г. Ики-Хурульский хотонный сход Шебеновского аймака Малодербетовского улуса в ходе обсуждения насущных проблем общества, пришел к выводу о том, что причиной падения материального благосостояния населения за последние 2–3 года является обмеление озера Батыр, что было связано с установлением крестьянами села Обильное Черноярского уезда запруды на речке Нарын-Зельме, которая несла весенние снеговые воды в озеро. «С тех пор... озеро Батыр совершенно высохло, превратилось из прекрасного озера, дающего ежегодно вдоволь зеленого камыша не токмо для одного нашего Ики-Хурульского

**Лиджиева И.В. Проблема водоснабжения в калмыцкой степи в нач. XX в.
(по материалам аймачных и хотонных приговоров)**

общества, но и ближайшим соседним обществам Дееде Ламинскому и Бакшин Шебенеровскому...» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 1797. Л. 18]. По мнению участников схода, в связи со сложившейся ситуацией: «мы все будем обречены к неминуемой нищете, скотоводство наше само собой разумеется изведется, к довершению всему этому, нельзя не опасаться бессловесных врагов – саранчей, появляющихся обыкновенно при засыхании озер, как это было у нас после малоснежной зимы в 1904 г. летом, когда вода на озере Батыр высохла» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 1797. Л. 18об.]. В постановляющей части приговора хотонное общество ходатайствовало о разрешении на строительство канала от речки Аршань до озера Батыр. При этом указывалось, что истоки речки Аршань, протекавшей с запада на восток, находились на земле ики-хурульцев. Воды этой речки впадали в озеро Цаган-Нур и далее излишки воды уходили на территории Багацохуровского улуса, так как у озера Цаган-Нур, кроме речки Аршань, имелись другие притоки – Сарпа и прочие. В приговоре отмечается, что «Вырытие нами канала саженой на сто, никакого ущерба не принесет Цаган-Нурскому аймаку, так как мы берем только часть воды. Вырытие канала нам обойдется, как полагаем совсем не дешево, потому что мы будем работать сами на свои средства и рабочей силы» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 1797. Л. 18].

Уже 17 ноября того же года состоялся Цаган-Нуровский аймачный сход, где был заслушан приговор Ики-Хурульского хотонного схода по вопросу об изменении водотока на речке Аршань в целях обводнения озера Батыр посредством строительства канала. В ходе обсуждения участники схода отмечали, что озеро Цаган-Нур обеспечивает 9 хотонов, в составе которых в общей сложности 1 000 кибиток, и для большей части населения озеро «Цаган-Нур есть кормилец своею рыбой и дает топливо на зиму, что очень важно в быту местных калмыков, в изобилии зеленый камыш, составляющий в не урожайные годы единственный кормовой источник» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 1797. Л. 20]. Сход принял решение о недопущении строительства канала на речке Аршань. В обоснование своего протеста против строительства отвода аршанской воды выборные для участия в работе схода, хотонные старосты и аймачный старшина ссылались на то, что доводы ики-хурульцев ошибочны: «Река Аршань есть единственный ороситель озера Цаган-Нур, ибо находясь по своему географическому положению на равнине между Волгой и озером не имеет ни одной речки и даже балок впадающих в него, а имея крутые берега Цаган-Нур после снежной зимы и то не может наполниться весенней водою, хотя бы только по свое дно». При этом сведения об озере Батыр также по их мнению

не верны: «Батыр будучи расположено под самыми Ергенинскими хомурами является прекрасным водохранилищем. В озеро впадают все снеговые воды с речки Нарын-Зельме, начиная выше с. Обильного, потому что указанная Ики-Хурульцами плотина находится на вершине Нарын-Зельме выше этого села. Озеро Батыр имея отлогие берега, собирает в себе снеговые воды на несколько верст вокруг себя. Таким образом Ики-Хурульцы не могут жаловаться на безводность озера Батыр» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 1797. Л. 20об.].

Кроме того, по утверждению цаганурцев, речка Аршань берет свое начало не на земле икихурульцев, а начинается в надельных землях сел Садовое и Обильное, проходя через их земли впадает в озеро Ханата, оттуда вода идет в залив озера Бага-Хана Дунду-Хурулова рода, идет по речке Гол и впадает в Цаган-Нур, а затем в озера Нарын-Хара, Хаза-Хулсун и Цабдырь, что находятся на территории Икицохуровского, Багацохуровского и Харахусовского улусов. Таким образом, весенние воды речки Аршань питают водные источники, находящиеся в пользовании большего числа людей, чем ики-хурульское общество, а искусственное обводнение озера Батыр приведет к неминуемому разорению калмыков Цаган-Нуровского аймака.

Между тем еще 10 ноября Шебенеровское аймачное общество, собравшись на сход, составило приговор в дополнение к хотонному приговору общества калмыков Ики-Хурулова рода, в котором было сказано: «озеро Батыр имеет для на всех общий интерес: камыш который мы получаем единственная поддержка скота в зиму и если не будет этого источника прокорма скота, нашего единственного благосостояния, то мы будем обречены к неминуемой нищете... Обводнение Батыра за счет Аршань не имеет никакого ущерба таким водохранилищам как озеро Цаган-Нур, так как всю мощь воды оно получает через цепь Сарпинских озер, да кроме того хотя и запруда Аршани дает только $\frac{1}{2}$ воды Батыру, а другая $\frac{1}{2}$ пойдет по имеющемуся у нея второму водостоку балки. В виду чего просим войти в наше критическое положение и не оставить удовлетворением изложенное ходатайство» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 1797. Л. 25].

Для того, чтобы читателю было проще ориентироваться в сути обсуждаемой проблемы, приведем здесь схему этой озерной системы, нарисованную на основе оригинальной, хранящейся в архивном деле [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 1797. Л. 42]. Автор пользуется случаем, чтобы высказать благодарность своему коллеге из археологической лаборатории КалмНЦ РАН Эрдни Анатольевичу Кекееву, начертившему прилагаемую карту.

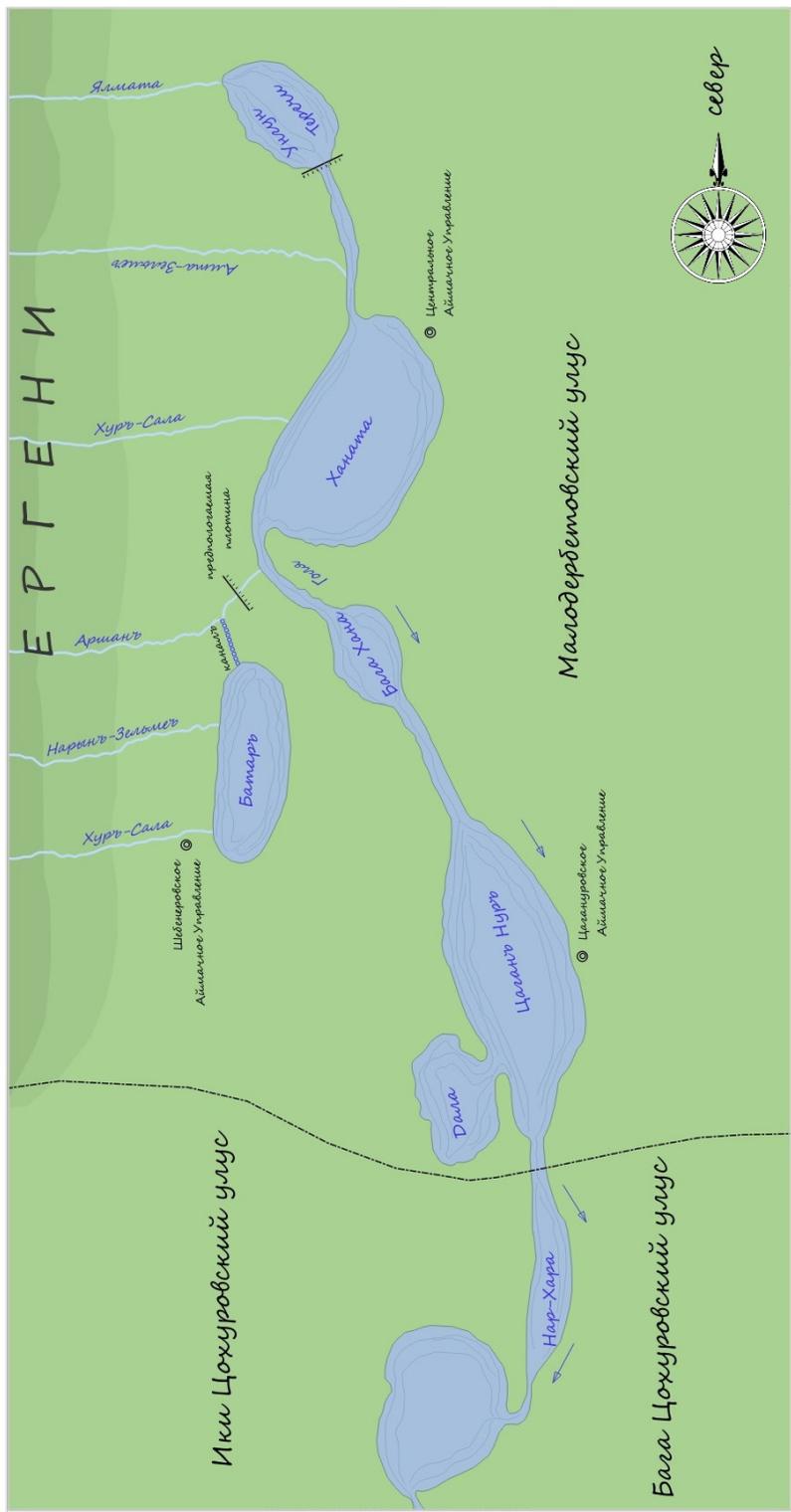

Рис. 1. Схема Саратовских озер с впадающими в них реками и местом предполагаемых гидротехнических работ.

В сложившейся ситуации попечитель Малодербетовского улуса своим постановлением от 10 января 1912 г. принял решение представить документы в Управление калмыцким народом, чтобы «разрешить возникший у Шебенеровцев с Цаганурцами спор в порядке исследования его на местах особой Комиссией из сведущих людей» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 1797. Л. 30-31]. Данное решение было обосновано в постановлении следующим образом: «...для меня улусного Попечителя, спор этот, возникший столь неожиданно, явился задачей не разрешимой, с одной стороны, потому что обе стороны, по-видимому, правы и действуют во имя жизненных интересов, а с другой законодательные источники, предусматривающие ближайшим образом подобные случаи на Калмыцкую степь управляющуюся особыми учреждениями, не распространяется. Однако в виду существующих в Калмыцкой степи местных положений, определяющих права калмыков на землю, последние считаются у них на праве общего пользования, а всякие споры между ними возникающие о землях подлежат разрешению УКН» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 1797. Л. 30].

22 сентября 1912 г. заведующий калмыцким народом уведомил попечителя Малодербетовского улуса о том, что ходатайство о строительстве канала удовлетворено не может быть, так как приведет к безводью не только соседние аймаки Малодербетовского улуса, но и целые улусы: Багацохуровский, Икицохуровский и Харахусовский [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 1797. Л. 52]. Между тем еще 17 сентября Ф. И. Плюнов послал телеграмму гидротехнику, состоявшему на службе Управления калмыцким народом, о подготовке заключения по делу о постройке Аршанской плотины [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 1797. Л. 49]. 19 сентября в Управление калмыцким народом гидротехником Гавриловым были представлены чертеж проекта плотины с деревянным водостоком и смета на устройство этих сооружений [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 1797. Л. 54]. Заведующий калмыцким народом в своем ответе Гаврилову от 28 сентября 1912 г. за № 7083 сообщает, что «ходатайство калмыков Шебенеровского аймака о постройке этой плотины Управлением отклонено» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 1797. Л. 55]. При этом уже в предписании от 8 октября Гаврилов получает указание о необходимости дать заключение по вопросу о постройке плотины на речке Аршань на основании прошения поверенных по земельным делам Малодербетовского улуса Талтаева, Багацохуровского – Онкорова, Икицохуровского – Бадмаева и копии с рапорта Цаган-Нурского аймачного старшины [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 1797. Л. 56].

Заведующий калмыцким народом В. Локтев в своем письме от 13 ноября 1912 г. за № 8437 предлагает Чиновнику особых поручений Богданову выехать на предполагаемое место строительства плотины со

**Лиджиева И.В. Проблема водоснабжения в калмыцкой степи в нач. XX в.
(по материалам аймачных и хотонных приговоров)**

всеми заинтересованными лицами и установить: «1) Действительно ли озера Цаган-Нур, Нарын-Хара, Хазык-Хулсун, Цабдырь могут быть обводнены благодаря постройке сказанной плотины на Аршане; 2) Если действительно озера Цаган-Нур и др., кроме речки Аршань, снабжаются водою из Ялматы, Амта-Зельмень, Хара-Сал через озеро Унгун-Терячи, то установить не задерживаются ли воды всех последних источников Унгун-Теречинскою плотиною и таким образом не имеет ли спор против устройства плотины на Аршане серьезного характера, обуславливаемого нарушением жизненных интересов калмыков, кочующих около озера Цаган-Нур и др.; 3) Засим нужно выяснить на месте какую пользу обещает устройство названной плотины для калмыков Икихурулова рода. Какие расходы вызовет она и в состоянии ли оплатить этот расход одно Икихуруловское общество» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 1797. Л. 57].

25 февраля 1913 г. Богдановым был представлен в Управление калмыцким народом рапорт о результатах осмотра местности Боро-Цомок, где предполагалось строительство плотины на речке Аршань. В результате было определено, что озеро Батыр находится на расстоянии 150 сажень от речки Аршань и эти два водных источника соединяет естественная вытяжина глубиною более 1 аршина и шириною в 2-3 аршина. На момент осмотра, 27 ноября 1912 г., дно озера Батыр было совершенно сухим. Представители Ики-Хурулова рода пояснили, что озеро в весенний период наполнилось только на половину, соответственно, летом уже пересохло. Также ими были даны пояснения по поводу последствий отвода воды из речки Аршань: «Сарпинские озера обводняются, кроме речки Аршань с балок Ялмата, Амта-Зелмень и Хура-Сала, из которых только ялматинская вода проходит через Унгун-Теречинскую плотину. Кроме того, в эти озера впадают весенние воды с 5 мелких балок под названиями: Большая и Малая Сертин, Боро Сала и две Сухие балки. Затем они предполагают отвести с речки Аршань только половину воды, а остальная половина пойдет прежним путем в озеро Цаган-Нур. Эта незначительная часть воды будет равна не более 1/8 части всей воды, которая впадает в Сарпинские озера, так как все источники кроме речки Аршань обводняющие Сарпинские озера дают как в четверо более того количества воды, которая дается речкою Аршань» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 1797. Л. 59]. Таким образом, следует сделать вывод о том, что до строительства плотины на речке Нарын-Зельме, общества Шебеновского аймака были удовлетворены теми запасами, которые давало озеро Батыр. В связи с этим чиновник особых поручений Богданов указывает в своем рапорте о необходимости оказания помощи населению, чье материально-хозяйственное положение страдает от дефицита воды в

озере Батыр [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 1797. Л. 58]. Результаты обследования были оформлены в виде акта и подписаны представителями Ики-Хурулова рода Шебенеровского аймака и Цаган-Нуровского аймака.

В экспертном заключении гидротехника Гаврилова по данному делу сказано: «...по рассмотрении всех прошений, я вижу в них одно дикое, ничем положительно не обоснованное упрямство, во что бы то ни стало воспрепятствовать построить такое искусственное сооружение, которое ни в коем случае не может принести вред сенокосным угодьям» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 1797. Л. 62]. Также в ответ на опровержение аргументов, приводимых в ходатайстве поверенного по земельным делам Цаган-Нурского аймачного общества Лиджи Талтаева, он указывает на ошибочность утверждений Талтаева о том, что между озером Батыр и речкой Аршань полторы – две версты и что никакой связи между ними нет. «Неосновательность такого заявления подтверждается моею съемкой с природы существующего ерика между балкой Аршань и озером Батыр, который сам за себя говорит о существовании когда-то связи этих двух водохранилищ и отвергает неточность показываемого Л. Талтаевым расстояния». Далее Гаврилов объясняет, что с течением времени весенние воды балки Аршань углубили дно своего русла, «что сообщение между балкой Аршань и Батыр само по себе незаметно для таких старожилов как Л. Талтаев, исчезло (хотя ерик и остался и его нельзя не заметить) и озеро Батыр фактически обречено на постоянное высыхание». В заключительной части гидротехник отмечает необходимость того, чтобы «Икихурульцы, как калмыки ощущающие острую нужду в постройке плотины теперь же были удовлетворены и тем самым не было бы нарушено их справедливое требование» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 1797. Л. 62об.].

На основании заключения гидротехника Гаврилова и чиновника особых поручений Богданова, Управление калмыцким народом своим предписанием от 17 июля 1913 г. за № 5985 удовлетворило ходатайство Шебенеровского общества. Согласно этому решению калмыки Шебенеровского аймака 25 октября 1913 г. составили приговор об ассигновании 3 000 руб. из средств аймачного капитала: 2 000 руб. – на строительство плотины, а 1 000 руб. – на устройство двух колодцев. Но уже в декабре икихурульцам было вновь отказано в удовлетворении ходатайства, причем окончательная судьба строительства плотины была поставлена в зависимость от решения объединенного схода трех аймачных обществ Малодербетовского улуса. Однако предлагаемый сход не состоялся по причине не приезда представителей Александровско-Багацохуровского и Икицохуровского улусов.

**Лиджиева И.В. Проблема водоснабжения в калмыцкой степи в нач. XX в.
(по материалам аймачных и хотонных приговоров)**

Непостоянство в решениях по делу о строительстве плотины со стороны Управления калмыцким народом привело к тому, что общество Шебенеровского аймака, собравшись 15 апреля 1914 г. на сход, приняло решение делегировать свои права помощнику присяжного поверенного Санджи Баяновичу Баянову с целью обращения в соответствующие учреждения по вышеуказанному делу, что подтверждает сохранившаяся в фондах Национального архива доверенность [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 1797. Л. 122]. Уже 24 апреля С. Баянов подал прошение на имя астраханского губернатора, которое позволило реконструировать события, прошедшие в период с февраля 1913 г. до апреля 1914 г. Причину повторного отклонения ходатайства общества Ики-Хурулова рода Шебенеровского аймака по первоначальному проекту гидротехника Гаврилова, мы находим в следующем документе.

Вице-губернатором Астраханской губернии Н. Максимовым и заведующим калмыцким народом В. Локтевым в земский отдел министерства внутренних дел было направлено сообщение от 12 августа 1914 г. за № 8220 о том, что заключение гидротехника Гаврилова не может быть основанием для строительства плотины, так как им был обследован только бассейн речки Аршань, а между тем указанная речка питает своими водами другую, более серьезного значения систему Сарпинских озер, входящих в состав не только Малодербетовского улуса, но и Икицохуровского и Харахусовского улусов, для которых этот вопрос также имеет большое значение. Согласно данному документу «В настоящее время выяснено, что постройка названной плотины возможна лишь с двумя отводными ключами, на каковых условиях сооружение плотины и разрешено. Плотина сооружается на средства, ассигнованных ходатайствующего о том общества» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 1797. Л. 132]. Суть проекта с двойным ключом заключалась в том, что один отвод будет направлен в озеро Батыр, а другой в систему Сарпинских озер. Но даже при таких условиях представители Цаган-Нурского аймачного общества, а также Икицохуровского и Багацохуровского улусов выразили протест против строительства системы искусственного обводнения озера Батыр. Между тем решением схода Шебенеровского аймака дополнительно на обводнение территории было выделено 1 500 руб. из выпасных сумм.

Однако вскоре сложившаяся ситуация разрешилась неожиданным путем. Во время урагана 28 февраля 1914 г. напором воды плотина, устроенная путем общественных работ на надельных землях крестьян села Обильное через балку Соленую (Нарын-Зельме), была разрушена. Несмотря на жизненно важное значение, которое имела плотина, крестьяне этого села не имели возможности восстановить ее, так как на это

требовалось не менее 7–8 тыс. руб., что являлось для них неподъемной суммой [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 1797. Л. 147].

В условиях начавшейся Первой мировой войны вопрос об искусственном обводнении озера Батыр был отодвинут на второй план. Попечительская власть была озабочена мобилизациями и реквизициями, проводимыми в Калмыцкой степи. Уже 11 октября 1914 г. заведующий калмыцким народом Б. Э. Криштафович доложил астраханскому губернатору, что в сложившихся обстоятельствах Управление калмыцким народом приняло решение остановить работы по устройству плотины на речке Аршань, а в случае возбуждения повторного ходатайства обществом Ики-Хурулова рода этот вопрос будет обсужден более детально с приглашением специалистов и заинтересованных сторон [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 1797. Л. 145].

Таким образом осуществлялись попытки решения вопросов водоснабжения органами местного самоуправления в одном из самых засушливых регионов Российской империи, в ходе которых проявлялась активность населения различных общин, как заинтересованных сторон, так как от этого напрямую зависело благосостояние народа.

Источники

Национальный архив Республики Калмыкия – НА РК.

Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. Том XXII. 1847 г. Отд. I. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1848. 951 с. (ПСЗРИ-II).

Литература

Бадмаева Е. Н. Российские экспедиции на территории Калмыкии // Вестник ТГУ. 2009. Вып. 11(79). С. 348–355.

Калмыцкая степь Астраханской губернии по исследованиям Кумо-Маньчской экспедиции. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1868. 166 с.

Костенков К. И. Статистико-хозяйственное описание Калмыцкой степи Астраханской губернии. По исследованиям Кумо-Маньчской экспедиции. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1868. 177 с.

Костенков К. И. Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии. СПб.: Тип. С. Нусвальта, 1870. 170 с.

УДК 94(47).084.5

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ФИНАНСОВЫХ ОРГАНОВ КАЛМЫЦКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ (1920–1935 гг.)

Бадмаева Е. Н.¹

¹ доктор исторических наук, доцент, заведующая отделом истории Калмыцкого научного центра Российской академии наук (г. Элиста).
E-mail: en-badmaeva@yandex.ru

Аннотация: В данной статье прослежена история создания финансовых органов в Советской Калмыкии, проанализирована деятельность финансовых отделов области по обеспечению развития основных отраслей территории, решению общегосударственных задач, экономической стабилизации региона. Опыт работы финансовых органов Калмыкии в условиях многоукладной экономики в годы нэпа, плановой социалистической экономики в годы коллективизации и индустриализации в СССР, безусловно, важен для современных органов управления, занимающихся бюджетно-финансовой деятельностью.

Ключевые слова: Калмыцкая автономная область, XX век, история финансовых органов, органы управления, налоговые поступления, бюджетно-финансовая политика.

Сегодня, в свете реализации национальной стратегии устойчивого развития России, очевидна актуальность исследования региональных аспектов государственной политики и ее результатов на разных этапах исторического развития страны. Глубокое изучение и осмысление деятельности финансовых органов Калмыкии в 1920–1930-х гг. поможет, на наш взгляд, представить и сравнить, каким образом в период радикальных перемен – тогда и сегодня – реализуется государственная политика по выводу страны из экономического кризиса, охарактеризовать и сопоставить формы и методы участия в развитии территории одного из ключевых органов государственного управления послереволюционных лет и современных региональных органов управления, занимающихся бюджетно-финансовой деятельностью.

Объектом настоящего исследования являются финансовые органы Калмыцкой автономной области и Калмыцкой автономной советской социалистической республики, деятельность которых непосредственно влияла на происходящие процессы в регионе и решение социально-хозяйственных проблем.

Революционные события 1917 г. в скором времени докатились и до такой глубинной национальной окраины России, каковой была в то время Калмыцкая степь. С 26 по 31 марта 1917 г. в г. Астрахани состоялся I съезд представителей калмыцкого народа, собравший более 100 делегатов со всех улусов. В основном на съезде рассматривались вопросы избрания новых государственных органов власти Калмыкии, построения взаимоотношений с губернскими учреждениями. В повестке дня очередного съезда представителей калмыцкого народа (24–25 июля 1917 г.) значились вопросы формирования областного, улусных земских учреждений.

После известных событий (переход калмыков в Астраханское казачество и поражения Астраханского казачьего войска) в Калмыкии в начале 1918 г. развернулась борьба за установление советской власти на ее территории и формирование новых органов управления. Астраханская губернская власть признала Калмыцкую степь особой административно-территориальной единицей в составе губернии со своими институтами политической власти, формируемыми самим населением территории. 1–3 июля 1918 г. в г. Астрахани состоялся I съезд Советов трудового калмыцкого народа, сформировавший Калмыцкий исполнительный комитет совета депутатов в составе восьми членов и пяти кандидатов. Были сформированы отраслевые органы управления в виде отделов: юридического, земельного, народного образования, здравоохранения, продовольственного, национального при Наркомнаце РСФСР и финансового. 2 июля 1918 г. Калмыцкая секция исполнительного комитета Астраханского губернского совета распределила функции между комиссариатами. В комиссариат финансов был делегирован Г. Б. Бельтриков [НА РК. Ф. Р-82. Оп. 1. Д. 5. Л. 12].

Декретом II Всероссийского съезда Советов в качестве основного органа управления финансами и кредитами создается Наркомат финансов и на местах финансовые отделы исполкомов местных Советов. Установление советской власти в Калмыцкой степи положило начало новым органам государственной власти и государственного управления. Планомерное создание советских финансовых органов началось в 1919 г. В это время, 6 марта 1919 г. создан отдел Калмыцкого уездного исполкома, состоявший из трех финансистов и секретаря-делопроизводителя [НА РК. Ф. Р-82. Оп. 1. Д. 10. Л. 161]. Финансовый отдел, являясь составной частью Астраханского губернского финансового отдела, в тоже время подчинялся в ведомственном порядке Народному комиссариату финансов РСФСР. Возглавил его член Калмыцкого ЦИК Галзын Манкирович Манкиров, а его заместителем по управлению рабочим ап-

паратом назначили бухгалтера Шестакова, в дореволюционный период работавшего бухгалтером Управления Калмыцким народом. Эта структура была создана в соответствии с положением Декрета об организации финансовых органов губернских и уездных комитетов советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, принятого СНК РСФСР в 1918 г. Следует отметить, что перед малочисленным штатом финансовых работников стояли сложные и ответственные задачи.

Спустя некоторое время финансовый отдел возглавил А. В. Решетников, проработавший на этой должности всего несколько месяцев. Заседания финансовых органов проводились нерегулярно. Так, например, с 6 марта по 27 декабря 1919 г., прошло всего 6 заседаний с рассмотрением 20 вопросов, в основном организационного характера [НА РК. Ф. Р.-82. Оп. 1. Д. 10. Л. 161]. В этой связи уместно будет заметить, что кадровая путаница, смена руководителей отделов и сотрудников его аппарата были постоянным явлением в работе финансовых органов в 1920-е гг.

На начальном этапе деятельность финансового отдела проходила в тяжелых условиях хозяйственной разрухи, отягощенной военными действиями на территории Калмыцкой степи. Финансовый отдел сконцентрировал свои действия на трансформации местного бюджета, составляющегося из улусных, аймачных и других органов самоуправления. С 1918 г. был введен натуральный налог, предполагавший изъятие излишков продуктов сельского хозяйства и скотоводства. Результаты обложения в этой части налогов населения Калмыцкой степи характеризовались нулевым показателем, поскольку регион был потребляющим, не занимался земледелием в значимых масштабах. Взимание излишков скотоводческих продуктов за 1918 г. не производилось в связи с военным положением на территории Калмыцкой степи. 20 декабря 1918 г. Калмыцкий исполком издал специальное распоряжение о немедленном проведении в жизнь постановления Наркомата финансов РСФСР «Об обложении сельских хозяев натуральным налогом, в виде отчисления части сельскохозяйственных продуктов в пользу государства» (12.11.1918 г.) и образовании, согласно этому документу, улусных и аймачных налоговых комиссий [СУ РСФСР 1942: 1283–1310]. Однако на территории Калмыцкой степи была образована только одна Багацохуровская улусная налоговая комиссия. Создание комиссий в других улусах затруднялось отсутствием административной деятельности на территории Калмыкии, гражданской войной и полным разорением Калмыцкой степи. Указанные факторы привели к дезорганизации работы по взиманию денежных налогов на территории, падению значимости кредитных, налоговых, страховых финансовых органов.

Планомерная работа финансовых органов в первые послереволюционные годы также затрундилась полным отсутствием в улусных исполкомах финансового налогового отдела и квалифицированных финансовых работников, приведшим к недостаточному сбору налогов, низкому уровню пополнения доходной части бюджета, задержке денежных выплат служащим. Этим объяснялись допускаемые серьезные ошибки при составлении смет и отчетностей, разнообразных сведений по обложению плательщиков общегосударственными налогами. В условиях недостаточного финансирования из федерального центра в 1919 г. важным направлением деятельности финансового отдела стала работа по взысканию с населения общегосударственных налогов: подоходного, натурального и чрезвычайного на покрытие бюджетного дефицита. Взимание подоходного налога требовало наличия полных списков плательщиков от улусных исполкомов, а они зачастую задерживали их представление. Вскоре, согласно циркуляру отдела прямых налогов и пошлин Наркомата финансов от 25 марта 1919 г. за № 7063, подоходный налог был заменен подоходно-поимущественным налогом. Декретом ВЦИК «О льготах по обложению сельских хозяев натуральным налогом в 1919 году» от 15 октября 1919 г. сельское население освобождалось от обложения натуральным налогом по числу голов скота и облагалось исключительно по размерам площади посева [СУ РСФСР 1943: 709]. Особые сложности вызвало взыскание чрезвычайного налога в размере 8 млн руб. со всей Калмыцкой степи. Взыскана была лишь незначительная часть в размере 1 310 591 руб.: с Калмыцкого базара – 150 тыс. руб., с Багацохуровского улуса – 816 706 руб., Эркетеневского – 170 тыс. руб., Яндыко-Мочажного – 173 885 руб. [НА РК. Ф. Р-82. Оп. 1. Д. 35. Л. 16].

С окончанием гражданской войны функции финансового отдела были восстановлены. Отдел стал важнейшим регулятором всей экономической политики области и отражал всю хозяйственную жизнь Калмыцкой степи. В условиях мирной жизни задачи и деятельность отдела были четко определены, в соответствии с требованиями времени: обработка и объединение смет всех ведомств в единый местный бюджет области, представление отчета об исполнении местного бюджета, регулирование налогового обложения и т.д. Финансовым отделом в это время временно руководил Ряков, и штат состоял из коллегии в составе 2 членов, а также канцелярии.

В июле 1920 г. состоялся I Общекалмыцкий съезд Советов трудового калмыцкого народа, провозгласивший образование автономной области в составе РСФСР в качестве ее субъекта. Калмыцкая автономная область

(далее – КАО) уже не входила в какую-либо административно-территориальную единицу. Правовой статус провозглашенной КАО был зафиксирован в «Декларации прав трудового калмыцкого народа», принятой в соответствии с Конституцией РСФСР 1918 г. и имевшей значение конституционного акта [Максимов 2002: 265]. Съезд образовал отделы Калмыцкого ЦИК и утвердил их заведующих. Финансовый отдел возглавил Освальд Андреевич Вейзе. Необходимость создания особого аппарата по осуществлению сбора налогов с населения диктовала необходимость координации и объединения всех налоговых комиссий в один подотдел – инструкторско-налоговый. Таким образом, финансовый отдел стал состоять из двух подотделов: сметно-кассового и инструкторско-налогового.

Образование на основании «Декларации прав народов России» калмыцкой автономии совпало по времени с принятием нового положения о губернских и уездных финансовых органах. Согласно проводимой в это время финансовой реформы на местах в целях единообразной и согласованной политики вышеуказанных органов на всей территории страны состоялось преобразование органов управления Калмыкии по типу губернских (областных) и улусных по типу уездных, насколько это позволяли и требовали местные условия. Говоря об организации финансовой деятельности в Калмыцкой области, необходимо отметить, что в это время, согласно постановлению ВЦИК и СНК РСФСР, в состав КАО вошли, кроме обширной по территории Калмыцкой степи, часть территорий из соседних губерний. Постановлением также были установлены границы области с отдельными уточнениями. Так, в состав Калмыцкой автономной области вошли: Багацохуровский, Икицохуровский, Александровский (Хошеутовский), Харахусовский, Эркетеневский, Малодербетовский, Яндыко-Мочажный, Манычский, Калмыцко-Базаринский улусы Астраханской губернии; волости Садовская, Обильненская, Киселевская, Заветненская, Торговая, Валуевская, Ремонтненская, Крестовская, Кормовская, Приютненская, Элистинская, Булгунская, Кюрюльтинская и Уланская Черноярского уезда Царицынской губернии; Большедербетовский улус Ставропольской губернии; часть территории Сальского округа Донской области, связывающая Большедербетовский улус с основной территорией Калмыкии и расположенная между губернскими границами Ставропольской и Астраханской губерний; Кумский аймак Терской области [К истории образования 1960: 82–84]. В результате, в Калмыцкую автономную область вошли 11 административных единиц, и для осуществления полноценной финансовой деятельности потребовалось создание такого же количества улусных финотделов со сметно-кассовыми подотделами,

с производством всех банковских и казначейских операций и с ведением счетоводства на территории региона.

20 ноября 1920 г., в связи с образованием КАО, СНК РСФСР постановил отпустить Наркомату финансов по смете центральной канцелярии сверхсметным кредитом 300 млн руб. на удовлетворение неотложных нужд Калмыкии. Наркомату финансов было предложено по соглашению с Наркоматом национальностей распределить отпущенный кредит по смете соответствующих наркоматов [Очерки истории 1970: 102].

Деятельность финансового отдела КАО по финансовому обеспечению учреждений и отраслей региона в тот период еще не была организована на достаточном уровне. В конце 1920 г. О. А. Вейзе выступил на итоговом заседании в ЦИК и в своем развернутом докладе представил анализ состояния финансовой деятельности, сформулировал основные идеи по скорейшему преодолению кризиса в уездных финансовых отделах и высказал свои предложения относительно эффективной реализации финансовой деятельности области. Как отметил докладчик, основные направления финансовых отделов сводились лишь к рассмотрению и утверждению расходных смет, как областного, так и уездных исполкомов, их отделов и подотделов. Ими производятся только ассигнования различных денежных сумм по постановлению коллегии отдела и перевод кредитов со счета областного исполкома в непосредственное распоряжение его отделов. Все эти недостатки в работе, по его мнению, отражались на деятельности финансовых отделов области.

В 1921 г., в связи с передачей Ремонтненского уезда в состав КАО, в распоряжение областного финансового отдела поступили денежные суммы Ремонтненского казначейства общей стоимостью 79 568 673 руб. Их разассигнование и постановка на учет финансовых документов полностью легли на областной финансовый отдел. В связи с увеличением объема денежных средств руководитель финансового органа обратился в вышестоящие органы с просьбой об открытии самостоятельного областного казначейства. До решения этого вопроса было достигнуто соглашение о временном образовании особой калмыцкой филиальной кассы в Астраханском казначействе. Также предполагалось временно открыть филиалы для Малодербетовского улуса и Большедербетовского уезда в Царицынском и Медвеженском казначействах. В январе 1921 г. ЦИК КАО для укрепления хозяйственной деятельности местных органов власти и привлечения их к исполнению всех общегосударственных задач создал областную экономическую комиссию с возложением на нее обязанностей согласования деятельности местных экономических органов и областного финансового отдела.

Происходившая в эти годы кадровая чехарда в руководстве финансовых органов не способствовала выполнению возложенных на них обязанностей. Только в течение 1921 г. сменились три руководителя финансового отдела: Сайков, Манцин и Кожиев. Штат финансового отдела Калмыцкого областного исполкома состоял из 25 чел., в том числе бухгалтера, счетовода и сторожа с караульными. В 1922 г. областной финотдел Калмыцкого ЦИК возглавил коммунист, выдвиженец, уполномоченный Наркомфина РСФСР Василий Петрович Анисимов. В феврале 1922 г. областной финотдел был реорганизован в автономное учреждение с независимыми от Астраханского губернского финотдела полномочиями, с непосредственным подчинением ему 8 улусных исполкомов и 60 волостных исполкомов [НА РК. Ф.Р-82. Оп. 1. Д. 5. Л. 14].

В финансовых органах страны, в том числе и в финорганах КАО, в связи с проведением новой экономической политики, были организованы особые должности для взывания акцизов и наблюдения за местами выделки и продажи предметов, обложенных акцизом. Их деятельность заключалась не только в сметно-бюджетном, налоговом и расчетно-кассовом исполнении, но и в финансовом контроле за работой областного Госстраха, сберегательных касс и учреждений Госбанка, без права вмешательства в их административно-организационную деятельность. Финансовый отдел также занимался финансированием и надзором за расчетами кооперативных организаций, налаживанием финансового дела на местах, организацией работы приходно-расходных касс, приемом работников на работу. В областном финотделе ужесточили требования к финансовым работникам: стали обращать серьезное внимание на уровень образования, обладание сотрудниками профессиональных знаний, наличие практического стажа работы. Для этого издаются особые циркуляры, положения, инструкции о порядке назначения и увольнения финансовых инспекторов и контроля за их деятельностью. На 5 декабря 1922 г. в штате областного финансового отдела насчитывалось уже 70 чел., а число служащих в улусах и уездах достигло 15 чел. в каждом: заведующий кассой, помощник бухгалтера, кассир, счетовод, конторщик, 2 счетчика, рассыльный, сторож, 6 караульных [НА РК. Ф. Р-82. Оп. 5. Д. 11. Л. 17].

Подбор и расстановку руководящих кадров финансовых органов осуществляли усилившие свой контроль партийные органы. Их деятельность представляла собой продуманную и стройную систему контроля и управления финансовым хозяйством области. Парткомы осуществляли подбор и назначение на руководящие должности с учетом социального происхождения претендента и его партийного членства. Под неусыпным вниманием ОГПУ находились все служащие, работавшие в систе-

ме органов управления, особенно финансовых. Карающим органом под грифом «секретно» периодически запрашивались списки сотрудников с целью выявления в штате финотдела бывших офицеров и духовных лиц. Так в поле их зрения попал блестящий специалист своего дела, опытный финансист Ксенофонт Павлович Цендровский. В 1922 г. он работал в налоговом управлении и одновременно был священнослужителем при Никольской церкви в г. Астрахани. По предложению ГПУ его кандидатуру (в числе других) рекомендовали руководству финансового органа КАО к увольнению со службы. Начальник областного финотдела В. П. Анисимов обратился к председателю Калмыцкого ЦИК А. Ч. Чапчаеву с просьбой о сохранении высококвалифицированного специалиста налогового управления, зарекомендовавшего себя с самой лучшей стороны. По мнению Анисимова, К. П. Цендровский «политически благонадежен, наведенные справки в соответствующих органах дали самые хорошие результаты... Уход К. Цендровского определенно отрицательно скажется на работе самого управления. Прошу Вашего разрешения оставить его на работе в Обфо, как ценного работника» [НА РК. Ф. Р-82. Оп. 5. Д. 11. Л. 7, 8, 143]. Несмотря на настойчивость и обоснованность, ходатайство Анисимова не удовлетворили. Отказ в просьбе сохранить ценного и нужного для управления сотрудника находился в русле требований партии о «выкорчевывании» из советского аппарата старых буржуазных кадров, духовных лиц и необходимостью осуществления строжайшего контроля за советскими органами. Но главной проблемой финансовых органов по-прежнему оставалась нехватка специалистов пролетарского происхождения. Об этом прямо говорилось в отчете Калмыцкого областного финотдела от 5 декабря 1922 г.: «работа отдела тормозится из-за отсутствия надлежащего кадра работников, особенно налогового» [НА РК. Ф. Р-82. Оп. 5. Д. 8. Л. 87].

В 1923 г. на смену заведующему финансовым отделом Калмыцкого облисполкома В. П. Анисимову пришел коммунист, выдвиженец, выходец из рабочей семьи Эрдни-Ара Кекеевич Кекеев. До осени 1918 г. он работал заместителем председателя улусного исполкома, а затем его председателем. В 1920 г. на Первом Общекалмыцком съезде был избран в состав ЦИК Калмыцкой области. Э.-А. К. Кекеев возглавил руководство финансовой системой в годы проведения нэпа и восстановления народного хозяйства. Он стремился в кратчайшие сроки нормализовать работу ведомства, прежде всего, упорядочить ее в улусах. Кекеев требовал четкой организации сметного дела, им предпринимались попытки своевременного составления балансов и отчетности, своевременного финансирования всех бюджетных организаций. В этот

период значительно увеличивались и усложнялись задачи финансовых органов, в связи с чем произошло изменение структуры отдела и существенное расширение штата сотрудников. В январе 1923 г. областной финотдел уже имел более усложненную структуру, в которую входили: заведующий; управделами; сметно-бухгалтерское управление с подотделами сводной бухгалтерии и расходного отделения; управление приходо-расходной кассы; налоговое управление с отделением по прямым налогам, подотделом по учету доходов, местных средств, косвенных налогов и учетно-статистическим отделением [НА РК. Ф. Р-82. Оп. 1. Д. 18. Л. 400–401].

Впоследствии изменения в структуре и в штатной численности областного финансового отдела случались довольно часто. Происходило это в основном по причине передачи финансовому органу отдельных полномочий других отраслевых отделов. Так, 23 марта 1923 г. в результате реализации постановления Президиума Калмыцкого ЦИК налоговый аппарат областного продовольственного комитета, в связи с взиманием единого сельхозналога, был передан областному финансовому отделу [НА РК. Ф. Р-82. Оп. 1. Д. 153. Л. 58].

На основании приказа областного финотдела от 18 января 1924 г. было образовано самостоятельное управление государственного дохода [НА РК. Ф. Р-82. Оп. 1. Д. 552. Л. 15]. Теперь отдел состоял из семи управлений: административно-хозяйственного, налогового, государственных доходов, местных финансов, сметно-бухгалтерского, валютного, приходно-расходной кассы (на правах управления) [НА РК. Ф. Р-82. Оп. 1. Д. 308. Л. 122].

В 1924 г. в областной бюджет по отчислениям от сельхозналога поступило всего 104 964 руб., что составило недопоступление в местный бюджет порядка 57 тыс. руб. 1 апреля 1924 г. председатель Калмыцкого ЦИК А. Ч. Чапчаев внес предложение в бюджетное управление Наркомфина РСФСР о покрытии недостающей суммы в размере 57 тыс. руб. из федерального бюджета для восполнения местных дефицитных бюджетов.

В целях упорядочения взимания и контроля налогов областной финотдел вводит на территории Калмыкии, по предложению общего управления Наркомата финансов РСФСР от 22 декабря 1924 г., деление на 7 участков финансовой инспектуры:

I налоговый район – г. Астрахань, Калмыцкий Базар, Хошеутовский и Багацохуровский улусы;

II налоговый район – Ремонтненский уезд;

III налоговый район – Яндыко-Мочажный и Эркетеневский улусы;

IV налоговый район – Большедербетовский улус;

V налоговый район – Малодербетовский улус;

VI налоговый район – Икицохуровский и Харахусовский улусы;

VII налоговый район – Манычский улус [НА РК. Ф. Р-82. Оп. 1. Д. 427. Л.9].

Участки государственной налоговой инспекции делились на три района: Эркетеневский и Яндыко-Мочажный улусы; Большедербетовский улус и Манычский улус [НА РК. Ф. Р-82. Оп. 2. Д. 60. Л. 39].

Сеть местных учреждений областного финотдела состояла из девяти улусных приходо-расходных касс и девяти налоговых столов [НА РК. Ф. Р-82. Оп. 2. Д. 992. Л. 336]. С 1 января 1925 г. на основании циркуляра общего управления Наркомата финансов РСФСР от 23 октября 1924 г. Ремонтненская приходо-расходная касса была преобразована в Ремонтненский финансовый отдел со следующей структурой: подотдел администрации и канцелярии; налоговый подотдел; подотдел местных финансов; приходо-расходная касса [НА РК. Ф. Р-82. Оп. 1. Д. 427. Л. 5, 45].

Изменилась структура самого областного финотдела. В 1925–1926 гг. она выглядела следующим образом: заведующий, заместитель, общее управление; сметно-хозяйственное управление, валютное управление, контрольно-бухгалтерское управление, управление местными финансами, управление государственных доходов, налоговое управление с внутренним аппаратом, налоговое управление (наружный аппарат), Ремонтненский уездный финансовый отдел [НА РК. Ф. Р-82. Оп. 1. Д. 419. Л. 155–157].

В списке учреждений Калмыцкого ЦИК, аккредитирующихся в областном финансовом отделе, значились: административный отдел областной милиции; наркомат юстиции области (областная прокуратура, областной суд, народные суды области); военкомат; военно-санитарный подотдел; архивное бюро; областной отдел народного образования; областное земельное управление; областной отдел здравоохранения; отдел труда; статистическое бюро; соцсобес; областная РКИ; улусные исполкомы (Калмыцкий Базар, Хошеутовский, Багацохуровский, Ремонтненский, Яндыко-Мочажный, Эркетеневский, Большедербетовский, Малодербетовский, Икицохуровский, Манычский), Ремонтненская приходо-расходная касса [НА РК. Ф. Р-82. Оп. 1. Д. 176. Л. 6].

В первой половине 1925 г. областной финотдел проводил сбор налогов по следующим видам: промышленный налог с предприятий; подоходный налог; гербовый сбор; сельхозналог. Налоговые инспекторы того периода обращали внимание на трудности при сборе сельхозналога, в частности, из-за неправильного пересчета мелкого скота в

крупный или пересчета скота в десятины посева. Отмечался и один из основных недостатков улусных фининспекторов в сборе данного налога – несвоевременное предоставление 6-процентной льготной скидки маломощным хозяйствам. С 1 августа 1925 г., по постановлению СНК РСФСР, Ремонтненский уезд передали Сальскому округу Северо-Кавказского края [НА РК. Ф. Р-82. Оп. 1. Д. 367. Л. 172]. 19 сентября 1925 г., на основании приказа № 39 областного финотдела, управление государственных доходов было ликвидировано, а его штаты и функции переданы управлению местными финансами [НА РК. Ф. Р-82. Оп. 1. Д. 427. Л. 48]. В рамках распоряжения наркомата финансов РСФСР о введении с октября 1925 г. твердых штатов, финотдел Калмыцкого облисполкома ввел новое штатное расписание, по которому он вместо деления на управления вновь разделялся на подотделы [НА РК. Ф. Р-82. Оп. 1. Д. 427. Л. 48].

Комплекс финансово-экономических мер, реализованных в годы нэпа в Калмыкии, позволили существенно изменить ситуацию в народном хозяйстве. В проведении новой экономической политики целенаправленная деятельность финансовых органов КАО и других государственных ведомств позволили достичь определенной финансовой устойчивости, определили на перспективу формирование относительно полноценного исполнения бюджета области. Однако, вопреки всему, новый бюджетный 1927/1928 год охарактеризовался ухудшением ситуации, и причиной тому явилось ускоренное увеличение государственного сектора во многих отраслях народного хозяйства. В этот период началось активное вмешательство государства во все отрасли промышленности и торговли, начался негласный запрет свободы предпринимательства и рыночных отношений. Калмыцкая автономная область в эти, относительно благоприятные годы, в основном формировала областной бюджет за счет дотаций из центра и различных займов. Такую же характеристику можно дать и всем улусам, так как расходная часть улусных бюджетов значительно превышала доходную.

Как принято считать в советской отечественной историографии, задачи индустриализации и коллективизации сельского хозяйства, выдвинутые коммунистической партией, подняли на новую высоту роль финансовых органов. В связи с изменением и усложнением задач менялись методы работы и структура финансовых органов. Они переходили от контроля документальной отчетности к фактическому жесткому контролю. Так, бухгалтерское отделение вливалось в сметно-кассовый подотдел, а контрольное отделение преобразовывалось в подотдел [НА РК. Ф. Р-82. Оп. 1. Д. 205. Л. 7об.–8]. В 1928 г. областной финотдел возгла-

вил Сангаджиев. Его назначение совпало с переездом советских учреждений Калмыкии из Астрахани в Элисту.

В апреле 1928 г. ЦИК СССР принял новый закон о едином сельхозналоге, полностью освобождавший от налогового бремени маломощные крестьянские хозяйства. Сумма единого сельхозналога в Калмыкии была исчислена на 1928/1929 г. в 500 тыс. руб. вместо 210 тыс. руб. в 1927/1928 г. Однако это резкое увеличение налога не затрагивало бедняков: 70 % всех крестьянских хозяйств области полностью освобождались от уплаты налога. Зато 276 наиболее крупных хозяйств, составлявших 0,71 % всех хозяйств, должны были выплатить 45 % всей суммы сельхозналога. Вместе с так называемыми кулацкими и зажиточно-средняцкими хозяйствами (общим удельным весом 6,8 %) они должны были выплатить 87 % всей суммы налога. Эти меры диктовались необходимостью сдерживать прогрессивный рост наиболее крепких, трудолюбивых и благополучных до 1928 г., по мнению властей, кулацких хозяйств. Вместе с тем жесткая политика советского государства предусматривала подъем бедняцких хозяйств до уровня середняцких.

В 1928 г. Калмыцкая автономная область, Астраханская, Саратовская и Сталинградская губернии были включены в состав Нижне-Волжского края РСФСР с соответствующим изменением наименований местных органов власти. Калмыцкий областной финансовый отдел в ведомственном порядке перешел в подчинение краевого финансового отдела. К этому времени финансовый аппарат Калмоласти состоял из областного отдела, девяти улусных приписных приходо-расходных касс и девяти налоговых столов. Сам областной финотдел состоял из следующих подотделов: общий; сметно-кассовый; контрольно-бухгалтерский; местных финансов; налоговый; приходо-расходная касса; валютная ячейка [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 971. Л. 249].

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. СССР переходит в новый виток своего развития. На XVI партийной конференции принимается первый пятилетний план и одной из ключевых фигур модернизационных процессов стала советская финансовая система. Основными задачами финансовых органов были не только жесткая планово-финансовая дисциплина, но и мобилизация всех материальных средств на финансирование промышленности и сельского хозяйства; использование всех методов финансовой политики с «капиталистическими элементами», а все это требовало кардинальной перестройки форм и методов финансовой работы. Соответственно, на местах, в том числе в КАО, проводятся мероприятия по принятию первого пятилетнего плана. 4 января 1929 г. бюро Калмыцкого обкома ВКП(б) вынесло постановление о пятилетнем плане культурно-хозяйственного раз-

вития Калмыцкой автономной области. В нем, в частности, подчеркивалось, «считать, что построение государственного и местного бюджета в их доходной части в суммах: в первый – 2 529 тыс. руб. и второй – 21 309 тыс. руб. полностью отражает все доходные возможности области и составлено с максимальным напряжением. В части расходной, составляющей по государственному бюджету 23 971 тыс. руб. и по местному бюджету 28 387 тыс. руб. Общая сумма является сводным отражением финансирования запроектированных по отдельным отраслям мероприятий. Так как, в силу слабости экономики области, построение бездефицитного бюджета невозможно, необходимо добиваться полного покрытия выявленного дефицита за счет увеличения дотационных сумм – 29049 тыс. руб.» [НА РК. Ф. Р-82. Оп. 1. Д. 199. Л. 28].

В соответствии с общими государственными задачами меняется структура финансовых органов. В конце 1929 г. упразднили налоговые столы и учредили финансовые отделения при улусных исполкомах со штатом в 5 чел. [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 1210. Л. 357–358]. В это время заведующим областного финотдела назначили Михаила Ефремовича Атанова. Председатель облизполкома А. П. Пюрбеев выдал ему мандат, уполномочивающий принять ценности и дензнаки от комиссии по конфискации имущества бывших нойонов, зайсангов, крупных скотоводов и т.д. Согласно архивным документам, только 13 сентября 1929 г. в Калмыцкий областной финотдел поступило по конфискации от ОГПУ: наличными деньгами – 741 тыс. руб.; чеками на Госбанк – 41 218 тыс. руб.; расписками – 10 201 тыс. руб.; золотыми монетами старой чеканки – 6 837 тыс. руб. 50 коп.; серебряными монетами старой чеканки в переводе на советские знаки – 376 руб.; выручено от реализации конфискованных сберкнижек – 4 400 тыс. руб.; от продажи конфискованного скота – 330 руб.; от продажи конфискованного инвентаря – 270 руб., от продажи конфискованной шерсти – 508 руб.; наличными от ОГПУ – 3 005 тыс. руб.; от городского потребительского общества от продажи конфискованных товаров – 6 090 тыс. руб. [НА РК. Ф. Р.-82. Оп. 5. Д. 96. Л. 115].

В 1930 г. Калмыцкий областной финотдел возглавил Филипп Яковлевич Рязанцев. На своем посту он проработал до 1935 г. За плечами имел рабфак, институт и трудовую деятельность в качестве экономиста. В 1931 г. областной финотдел состоял из шести структурных частей: бюджетного отделения; налогового отделения; финансовой инспекции; неналоговых доходов; валютной инспекции и управления делами. Областной финотдел составлял финансовый план области, изучал и на его основе разрабатывал мероприятия по поднятию финансового и экономического состояния всей отрасли народного хозяйства и культуры; составлял

областные сводки доходов и расходов по сметам учреждений, годовые отчеты по исполнению государственного бюджета; руководил кассовым исполнением государственного бюджета; рассматривал сметы отделов облисполкома, учреждений и предприятий, проходивших по областному бюджету; составлял сводки местного бюджета по области. В функции финотдела входило осуществление и взимание в пределах области налоговых сборов общесоюзного, республиканского и местного значения, контроль за реализацией в области законов о самообложении, рассматривал жалобы налогоплательщиков, осуществлял общее руководство реализацией государственных займов и наблюдал за их погашением, контролировал деятельность органов Госстраха и трудовых сберкасс.

В последующие годы областной финотдел осуществлял финансирование различных мероприятий социально-экономического характера. Так, 15 марта 1933 г. было проведено заседание президиума Калмыцкого облисполкома о плане перехода кочевого и полукочевого населения на оседлый образ жизни, на котором было запланировано оседание кочевого населения общим числом 4 210 хозяйств и полукочевого – 8 233 хозяйств, в основном, в течение 1934–1935 гг. с общим ассигнованием на все комплексные мероприятия по оседанию в 60 194 тыс. руб. [НА РК. Ф. Р-82. Оп. 1. Д. 116. Л. 23]. В 1933 г. областным финотделом на финансирование авиаплощадки в г. Элисте было отпущено 2 тыс. руб. и на финансирование строительства 21 261 тыс. руб. [НА РК. Ф. Р-82. Оп. 1. Д. 216. Л. 170]. Финансировались и другие мероприятия, направленные на решение задач социалистического строительства.

В ноябре 1935 г., в связи с преобразованием КАО в автономную республику, областной финотдел был преобразован в Наркомат финансов Калмыцкой АССР. Первым наркомом финансов Калмыцкой АССР стал Бадма Максимович Лялин – сын калмыка-бедняка. Он окончил годичные финансовые курсы при Наркомате финансов РСФСР, имел опыт финансовой работы, являлся заместителем Ф. Я. Рязанцева, с этой должности назначен на высокую финансовую должность, где проработал до конца 1937 г. В годы «Большого террора» его расстреляли по списку врагов народа, как и десятки тысяч финансовых работников по всей России.

Таким образом, в статье прослежена история создания финансовых органов в Калмыцкой автономной области, проанализирована их деятельность по обеспечению развития основных отраслей территории, решений общегосударственных задач, экономической стабилизации региона. Опыт работы финансовых органов Калмыкии в условиях многоукладной экономики в годы нэпа, плановой социалистической экономики в годы коллективизации и индустриализации в СССР, безусловно, важен

для современных органов управления, занимающихся бюджетно-финансовой деятельностью.

Источники

К истории образования автономной области калмыцкого народа (октябрь 1917 г. – ноябрь 1920 г.): Сб. документов и материалов. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1960. 104 с.

Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК).

Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М.: Упр. делами Совнаркома СССР, 1942. 1483 с. (СУ РСФСР 1942).

Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. М.: Упр. делами Совнаркома СССР, 1943. 886 с. (СУ РСФСР 1943).

Литература

Максимов К. Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX вв.). М.: Наука, 2002. 523 с.

Очерки истории Калмыцкой АССР. Эпоха социализма. М.: Наука, 1970. 432 с.

УДК 94(47).084.8

ОЦЕНКА УЩЕРБА, ПРИЧИНЕННОГО В ХОДЕ ОККУПАЦИИ В 1942 – нач. 1943 гг. ЯШАЛТИНСКОМУ УЛУСУ КАЛМЫЦКОЙ АССР

Согданова З. Г.¹

¹ младший научный сотрудник отдела истории Калмыцкого научно-го центра Российской академии наук (г. Элиста).

E-mail: garyaevaz@mail.ru

Аннотация. В данной статье на основе изучения архивных документов рассматривается ущерб, причиненный Яшалтинскому улусу Калмыцкой АССР. За период временной оккупации и отступления фашисты нанесли республике колоссальный урон. На основании инструкции, утвержденной НКВД СССР в мае 1942 г., была проведена работа по выявлению и сбору материалов, характеризующих преступления гитлеровских властей. Автором, в ходе работы с архивным материалом, были выявлены и проанализированы обобщенные сведения по учету ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками государственным, кооперативным и общественным предприятиям, учреждениям, организациям и колхозам Яшалтинского улуса.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, высшие органы власти, Калмыкия, ущерб, оценка, Яшалтинский улус.

В годы Великой Отечественной войны, несмотря на жесткую централизацию, органы государственной власти и управления продолжали функционировать наряду с системой чрезвычайных органов во главе с Государственным Комитетом обороны (далее – ГКО), сосредоточившим всю полноту власти. В соответствии с Конституцией 1937 г. Калмыцкой АССР (далее – КАССР) вся государственная власть, как и прежде, принадлежала Верховному Совету и его Президиуму [Илюмжинов, Максимов 1998: 78], но реальной властью обладало бюро Калмыцкого Обкома ВКП(б). В условиях войны деятельность советских органов стала значительно интенсивнее и напряженнее, расширилась практика решения вопросов совместно с партийными органами. Содержание работы Верховного Совета КАССР в этот период диктовалось военной обстановкой. Несмотря на трудности военного времени, уменьшение состава депутатов, Верховный Совет КАССР вел большую организационную работу по мобилизации всех сил на разгром врага, сплочению населения республики.

В тяжелой обстановке изменились не только содержание, формы и методы работы местных советов республики, но произошли и существенные изменения в их структуре. В первые месяцы войны Президиум Верховного Совета КАССР образовал при Элистинском городском Совете, при улусных, поселковых и сельских Советах оборонные постоянные комиссии, а в Совнарком КАССР был создан отдел мобилизации. В апреле 1943 г. при Совнарком и улусных исполкомах были образованы отделы по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих [Максимов 2000: 154–155]. Условия военного времени значительно затрудняли возможность своевременного созыва сессий, особенно в связи с временной оккупацией (с августа 1942 г. по январь 1943 г.) части территории республики. Поэтому за два с половиной года была созвана одна сессия Верховного Совета Калмыцкой АССР – в январе 1942 г. Президиум Верховного Совета КАССР, в соответствии с решением Президиума Верховного Совета СССР от 25 июня 1941 г. об отсрочке выборов в Верховные Советы союзных и автономных республик, 27 июля принял указ о продлении полномочий Верховного Совета первого созыва на один год. 3 июля следующего года был принят дополнительный указ о переносе даты выборов [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 885а. Л. 84] и, как утверждает И. В. Лиджиева, «соответствующими указами выборы были отсрочены и в последующие годы» [Лиджиева 2014: 184].

Важным направлением, как и в мирное время, оставалась хозяйственно-организаторская деятельность. Совнарком республики руководил перестройкой местной промышленности на военный лад, производством товаров широкого потребления. В годы войны Совнарком проявлял исключительную заботу о семьях военнослужащих, об эвакуированном населении. С приближением линии фронта республиканские органы власти сосредоточили свое главное внимание на эвакуации материальных ресурсов и населения. В этих тяжелейших условиях, благодаря большой организационной и оперативной работе руководства республики, удалось эвакуировать и спасти значительную часть скота и материальных ресурсов [Максимов 2000: 156–157].

Таким образом, в этот период произошло соединение государственного и партийного руководства, позволившее еще более централизовать управление. Только в течение трех недель июня – июля 1941 г. бюро Калмыцкого обкома ВКП(б) и Совнарком КАССР приняли 10 совместных постановлений, а в апреле – мае 1942 г. на трех заседаниях приняли 14 постановлений по наиболее важным вопросам оборонного значения, мобилизации и эвакуации, восстановления народного хозяйства, требовавших участия в их решении партийных, советских и общественных

организаций республики. Следующей особенностью работы высших органов власти Калмыкии была высокая оперативность и колоссальная напряженность деятельности правительства. Так, в течение месяца Совнарком КАССР в среднем проводил до 6–7, а иногда и больше заседаний, рассматривая и решая за это время по 100–120 вопросов, что превышало в три раза интенсивность работы аппарата в мирных условиях. Необходимость принятия оперативных решений, естественно, вела к нарушениям принципов коллективного руководства, обычной нормой было принятие постановлений так называемым опросным путем. Совнарком КАССР с 25 июня по 23 июля 1941 г. принял таким образом 17 постановлений, в феврале 1942 г. – 8 [Максимов 2000: 156–158].

С первых дней вторжения на территорию СССР фашистские захватчики осуществляли разработанную еще до начала войны программу экономического ограбления оккупированных районов: специальный штаб в Берлине, хозяйственные инспекции при группах армий [Советский 1985: 224]. В качестве высших представителей вермахта командующие войсками на оккупированных территориях имели всю полноту военной и административной власти [Нюрнбергский процесс 1966: 168].

В связи со стремительным наступлением немцев на сталинградском и кавказском направлениях летом 1942 г. часть территории Калмыкии оказалась временно оккупирована фашистами. Полностью оккупированными улусами оказались – Западный, Яшалтинский, Приютненский, Троицкий, Сарпинский, частично оккупированными – Малодербетовский, Кетченеровский, Черноземельский [Очерки 1970: 295]. Яшалтинский улус (наряду с Западным) был оккупирован одним из первых (в начале августа 1942 г.) и освобожден в числе последних (в конце января 1943 г.).

Город Элиста и улусные центры, хозяйства многих колхозов, совхозов и МТС, подвергшиеся оккупации, оказались разрушенными. Весь скот, хлеб колхозов и совхозов был вывезен или уничтожен, общественные здания и сооружения колхозов и МТС, школы, больницы, клубы, избы-читальни, здания кустарно-промысловых артелей разрушены и уничтожены. Центральная часть города была почти полностью сожжена. Сгорели правительственные, ведомственные здания, школы (кроме одной), большинство коммунальных и ведомственных жилых домов, детские учреждения, магазины, были взорваны водопровод, электростанция, авторемонтные мастерские [Калмыкия 2005: 377]. Общий материальный ущерб, нанесенный захватчиками республике, составлял 1 070 324 789 руб. [Согданова 2014: 64]. За период временной оккупации и отступления фашисты нанесли республике колоссальный урон, серьезно подорвали ее экономику. Предварительные данные, полученные

в январе-феврале 1943 г. Республиканской чрезвычайной комиссией по учету ущерба, причиненного оккупантами, оказались далеко неполными из-за недостатка времени и несовершенства методики учета и оценки [Максимов 2007: 257].

В соответствии с постановлениями Совнаркома СССР № 493 от 7 мая 1943 г. «Об инструкциях по учету ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками государственным, кооперативным и общественным предприятиям, учреждениям, организациям и колхозам», и Совнаркома РСФСР № 543 от 27 мая 1943 г., Совнарком КАССР и бюро Обкома ВКП(б) приняли решение: «вследствие того, что ранее представленные наркоматами, учреждениями, организациями КАССР, исполкомами городского и улусных Советов депутатов трудящихся акты и материалы об ущербе, причиненном немецко-фашистскими захватчиками государственным, кооперативным и общественным предприятиям, учреждениям, организациям и колхозам КАССР неполны и не оформлены в соответствии с требованиями инструкций, одобренных постановлением СНК СССР от 7 мая 1943 года № 493, считать необходимым немедленно провести повторный учет» [НА РК. Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 1. Л. 1].

Только по Яшалтинскому улусу в Чрезвычайную Государственную Комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР были направлены 110 актов и обобщенные сведения по учету ущерба, причиненного оккупантами и их сообщниками. Небольшая часть актов была составлена с незначительным отклонением от инструкции и схемы, а именно: не указано какими данными пользовались комиссии при определении причиненного ущерба (бухгалтерскими данными или свидетельскими показаниями). Следует отметить, что при определении ущерба по зданиям и строениям не указана их кубатура, размер ущерба показан только в денежном выражении. Однако, во всех актах имелись необходимые требования для признания их законными: время и место составления, состав комиссии, наименование уничтоженного и разграбленного имущества, сумма, на которую причинен ущерб, подписи членов комиссии; все акты заверены председателем и секретарем райисполкома, зарегистрированы в книге регистрации актов и скреплены гербовой печатью райисполкома. Яшалтинский улус от республиканского центра находился на расстоянии 200 километров, средством передвижения являлся только гужевой транспорт, а возвращать акты для исправления было связано с большими трудностями, поэтому республиканская комиссия акты, составленные с отклонением от

инструкции и схемы, решила принять. Стоимость разрушенных зданий, сооружений, уничтоженного и разграбленного скота и птицы в момент составления актов определялась по ценнику, составленному республиканскими организациями. После составления актов был получен новый ценник, утвержденный СНК СССР 17 июня 1943 г. и республиканская комиссия переоценила стоимость разрушенных зданий, уничтоженного скота и птицы [НА РК. Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 17. Л. 6].

В вышеупомянутую комиссию была направлена сводная ведомость ущерба, причиненного оккупантами и их сообщниками государственным, кооперативным и общественным предприятиям, учреждениям, организациям и колхозам. В приведенной ниже таблице представлены количественные данные ущерба, причиненного Яшалтинскому улусу по отдельным отраслям хозяйства и в процентном соотношении к республиканским показателям [НА РК. Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 17. Л. 9].

Таблица 1

**Количественные показатели ущерба по Яшалтинскому улусу
в сравнении с показателями ущерба по всей Калмыкии**

№ п/п	Виды имущества	Показатели ущерба по Яшалтинскому улусу	Показатели ущерба по Калмыцкой АССР	Процентное соотношение показателей ущерба
I.	Разрушено построек и сооружений	324	7 998	4%
1.	здания хозяйственного назначения	136	2 648	5,1%
2.	жилые здания	79	1 828	4,3%
3.	здания культурно-бытового назначения	23	401	5,7%
4.	прочие здания	86	3 181	2,7%
II.	Оборудование и транспортные средства	1 061	7 677	13,8%
1.	автомашины	22	271	8,1%
2.	телеги и повозки	1 039	7 406	14%
III.	Разграблено, уничтожено и погребено скота, птицы	100 282	1 027 484	9,8%
1.	рабочий скот	3 203	30 981	10,3%
2.	рогатый скот	7 796	57 200	13,6%
3.	свиньи	7 183	84 683	8,4%
4.	овцы и козы	41 310	757 454	5,4%
5.	птица	40 790	97 166	42%

**Согданова З.Г. Оценка ущерба, причиненного в ходе оккупации в 1942 – нач. 1943 гг.
Яшалтинскому улусу Калмыцкой АССР**

IV.	Разграблено и уничтожено сельскохозяйственного инвентаря	1 443	17 345	8,3%
1.	трактора	95	504	18,8%
2.	комбайны	28	209	13,4%
3.	прочий сельхозинвентарь	1 320	16 632	7,9%
V.	Разграблено, уничтожено и погребло посевов и урожая (в га)	12 330	592 254	2,1%
VI.	Разграблено и уничтожено запасов семян, кормов, продуктов и материалов (в ц)	436 590	2 784 146	15,7%
1.	зерновые культуры	174 890	916 490	19%
2.	картофель	1170	8 603	13,6%
3.	сено	25730,8	185 905	13,9%
4.	прочие	231,569	1 673 148	13,8 %

Наряду с общими итоговыми данными по улусу, в комиссию также поступили еще две ведомости. В первой из них были представлены данные отдельно по колхозам и совхозам Яшалтинского улуса КАССР, которые показали что: было разрушено 121 сооружение на сумму 1 721 314 руб., уничтожено 43 трактора – на 261 625 руб. и 10 комбайнов – на 228 644 руб., разрушено и украдено сельскохозяйственного инвентаря и хозяйства на сумму 9 060 096 руб.; израсходовано средств во время эвакуации 30 011 639 руб. [НА РК. Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 17. Л. 13]. Угнано и уничтожено: 9 552 голов крупного рогатого скота на сумму 1 097 350 руб., 38 982 овец – на 6 763 704 руб., 4 795 свиней – 1 868 371 руб., 1 678 лошадей – на 4 259 009 руб., вывезено: 150 945 ц пшеницы на сумму 2 267 600 руб., 13 078 ц овса – на 576 408 руб., 15 654 ц горчицы – на 1 116 284 руб., 3 193 ц подсолнуха – на 306 696 руб., 21 635 ц овощей – на 3 164 233 руб., 12 366 ц проса – на 1 282 256 руб., 6 276 ц кукурузы – на 629 290 руб., 23 244 ц ячменя – на 1 058 118 руб., 2 070 ц клещевины – на 170 303 руб., другие сельскохозяйственные продукты на сумму 2 439 497 руб., горючего – на 52 720 руб. Итого на сумму 67 347 542 руб. Разрушено и украдено: по организациям на сумму 9 341 575 руб., по медицинским учреждениям – на 326 133 руб., по школам – на 867 140 руб., по артелям – на 132 472 руб., по поселковым и сельским Советам – на 984 765 руб. Итого убытки по организациям, учреждениям, предприятиям и колхозам Яшалтинского улуса составили 78 999 627 руб. [НА РК. Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 17. Л. 14].

Вторая сводная ведомость ущерба, причиненного гражданам Яшалтинского улуса КАССР, содержит следующие данные:

1. стоимость имущества, отобранного, похищенного и уничтоженного немецко-фашистскими оккупантами, а также погибшего, испортившегося в результате условий оккупационного режима, а также затраты по ремонту поврежденного имущества – 7 169 594 руб.;
 2. стоимость имущества, уничтоженного боевыми действиями, и затраты по ремонту повреждений – 177 800 руб.;
 3. стоимость имущества, погибшего или испорченного при эвакуации, и расходы по ремонту этого имущества – 762 147 руб.;
 4. налоги, штрафы и контрибуции, уплаченные оккупационным властям – 68 729 руб.;
 5. расходы на лечение граждан, получивших увечье или заболевших в результате зверств оккупантов и условий оккупационного режима – 10 340 руб.;
 6. расходы при эвакуации и реэвакуации – 92 709 руб.;
 7. не дополучены доходы на трудодни в колхозе ввиду оккупационного режима – 21 444 571 руб.;
 8. не получена зарплата во время оккупации района за работы, произведенные по приказу оккупационных властей – 530 468 руб.
- Итого 30 256 358 руб. [НА РК Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 17. Л. 17].

Таким образом, по расчетам автора объем ущерба, причиненного Яшалтинскому улусу в результате вражеской оккупации, составил 136 239 466 руб., то есть оказался на 2-м месте по общей сумме ущерба среди оккупированных улусов [Согданова 2014: 66]. Сопоставление с общереспубликанскими данными ущерба, причиненного временной оккупацией, показывает, что доля Яшалтинского улуса в общем уроне региона составляет по разным отраслям от 2,1% до 42%. В этом районе было уничтожено почти половина поголовья птицы республики, около 20% от всех потерь зерновых культур, значительный урон нанесен техническому парку колхозов и совхозов.

Источники

Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Документы и материалы. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2005. 780 с.

Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК).

Литература

Лиджиева И. В. Местные Советы Калмыцкой АССР в годы Великой Отечественной войны // Боевые действия на территории Калмыкии в период Великой Отечественной войны: неизвестные страницы и новые подходы: сборник научных статей. Элиста: КИГИ РАН, 2014. С. 181–194.

Илюмжинов К. Н., Максимов К. Н. На пути к демократии. Элиста: АПП «Джангар», 1998. 288 с.

**Согданова З.Г. Оценка ущерба, причиненного в ходе оккупации в 1942 – нач. 1943 гг.
Яшалтинскому улусу Калмыцкой АССР**

Максимов К. Н. История национальной государственности Калмыкии. М.: Профиздат, 2000. 311 с.

Максимов К. Н. Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. М.: Наука, 2007. 374 с.

Нюрнбергский процесс / Под. ред. Р. А. Руденко, сост. Г. Н. Александров и др. М.: Юридическая литература, 1966. 798 с.

Очерки истории Калмыцкой АССР. Эпоха социализма. М.: Наука, 1970. 431 с.

Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1985. 711 с.

Согданова З. Г. Ущерб народному хозяйству Калмыцкой АССР, причиненный в период немецкой оккупации // Вестник КИГИ РАН. 2014. № 4. С. 62–69.

УДК 930:341.322.6

КОЛОНИАЛЬНЫЙ ДИСКУРС В ИСТОРИОГРАФИИ ИСТОРИИ СПЕЦПОСЕЛЕНИЙ*

Иванов А. С.¹

¹ кандидат исторических наук, доцент кафедры естественно-научных и гуманитарных дисциплин Сургутского института нефти и газа (филиала) Тюменского индустриального университета в г. Сургуте; старший преподаватель кафедры истории России Сургутского государственного университета (г. Сургут).

E-mail: 88d@bk.ru

Аннотация: В статье раскрывается репрезентация в отечественных и зарубежных исследованиях системы понятия и концепции колонизации применительно к истории спецпоселений СССР. Значительная часть исследователей (в первую очередь, западные авторы) воспринимает спецпоселения как часть «большого ГУЛАГа» и системы внутреннего колониализма.

Ключевые слова: колониальный дискурс, депортации, репрессии, спецпоселения, сталинизм.

Известный историк и культуролог Александр Эткинд в своей монографии «Внутренняя колонизация: Имперский опыт России», анализируя состояние дореволюционной историографии, говорит о доминировании в поздний имперский период «школы колонизации» С. М. Соловьева – В. О. Ключевского. Вслед за В. О. Ключевским последователи этого направления полагали, что Россия это «*страна, которая колонизируется*» [Эткинд 2016: 100]. Из лекций основателей и последователей этой школы идеи и понятия представителей данного направления перешли в учебники, оттуда в энциклопедии, став достоянием широкой общественности и оказав значительное влияние на взгляды современников и потомков. Само понятие «колонизация» не носило однозначно негативной коннотации, поскольку колонизованные области не сохраняли особый статус, а поглощались государством и в России не было причины разделять метрополию и колонию [Эткинд 2016: 105]. Эткинд полагает, что «... колониационная терминология совсем исчезла из официального дискурса в начале 1930-х, когда советское руководство вело самую мас-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 16-11-86009 а(р)

совую колонизацию России самыми жестокими в ее истории методами – коллективизацией и ГУЛАГом» [Эткинд 2016: 107]. Исследователь связывает это с разгромом школы историка М. Н. Покровского. После этого события советские историки отказались от идеи, что дискурс колонизации приложим к российской истории: он не соответствовал классовому подходу и идее союза социалистических республик.

Англо-американский историк Роберт Конквест в увидевшей свет в начале 1970-х гг. монографии «The Nation Killers» рассматривал депортации народов СССР как естественное продолжение русской колониальной экспансии: ликвидация автономий депортированных народов являлась, по его мнению, «предупреждением нерусским народам», чья лояльность могла быть поставлена под сомнение при наступлении внешнего врага. По его мнению, депортированные народы не были уничтожены, но обречены на постепенное забвение в местах ссылки [Conquest 1972: 7–10].

Существенное влияние на осмысление истории спецпоселения оказала публикация на Западе в 1973 г. книги А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». Александр Исаевич заложил основу для восприятия сети режимных поселений как периферии ГУЛАГа. В своем самом известном произведении он писал о «районах ссылки», которые «составляли какую-то еще отдельную (хоть и в переслойку) страну между СССР и Архипелагом – не чистилище, а скорее грязнище, из которого можно было переходить на Архипелаг, но не в метрополию» [Солженицын 2008: 332]. Видно, что Солженицын также мыслил категориями колониального дискурса.

По словам английского специалиста Дэна Хили коллективизация и раскулачивание после появления работы Элвина Гоулднера «A Study of Internal Colonization» 1977 г. в западной историографии стали рассматриваться в том числе как особый вид внутреннего колониализма [Хили 2012: 692]. По мнению самого Хили, ГУЛАГ (включающий в себя систему спецпоселений) являет собой прецедент внутренней колонии [Хили 2012: 691–698]. Аналогичным образом спецпоселения воспринимаются в работе Энн Эпплбаум [Эпплбаум 2006].

Несколько отличающуюся систему взглядов, которую можно условно назвать «колониационно-ресурсной концепцией», предложила крупнейший западный исследователь крестьянского спецпоселения Линн Виола. Канадский историк полагает, что СССР при Сталине являлся «ресурсоизвлекающим» государством, и в соответствии с этой концепцией спецпереселенцы представляли собой «восполняемый ресурс» [Виола 2010: 150, 234]. Соответственно, ссыльные крестьяне в трудпоселках 1930-х гг. и представители «подозрительных» националь-

ностей, депортированные в годы войны, являлись, прежде всего, рабочей силой [Виола 2010: 216]. В монографии показаны принципы пространственной организации спецпоселений, по мнению исследователя, типичные и для «...других институтов, предназначенных для контроля и наблюдения: стандартизация, «прозрачность» (просматриваемость) и жесткое регулирование пространства» [Виола 2010: 129]. Эта мысль заимствована из теоретического наследия М. Фуко, который указывал на то, что в условиях современных исправительно-карательных институтов возникала разновидность «паноптического» эффекта [Фуко 1999: 248–259]. Анализируя текст неопубликованной рукописи Л. Виолы, Хили утверждает, что ей удалось убедительно доказать, что спецпоселение ссыльных крестьян являлось «особой формой «полицейской колонизации» [Хили 2012: 692].

Сторонники подобной трактовки событий есть и в России. Необходимо отметить работы М. А. Вязьмина, Н. М. Игнатовой, В. И. Коротаева и др. [Вязьмин 1994; Игнатова 2009; Коротаев 2012]. По мнению В. И. Коротаева «колонизация и спецколонизация 1930-х годов Северного края (сначала посредством раскулаченных крестьян-спецпереселенцев, затем заключенных) оказались с экономической точки зрения эффективнее, но лишь на ближайшую перспективу. Она сопровождалась острым демографическим кризисом, поэтому общая ее оценка неоднозначна, тем более что созданная индустриальная база для последующего развития региона была основана преимущественно на эксплуатации разного рода сырьевых ресурсов (лес, каменный уголь, нефть, затем газ)» [Коротаев 2012: 34].

Новосибирский специалист С. А. Красильников полагает, что на систему ГУЛАГа были возложены освоенческие задачи, связанные с форсированной колонизацией отдаленных и малозаселенных районов страны. В результате, по предположению руководителя ОГПУ начала 1930-х гг. Г. Г. Ягоды, на севере и востоке страны должен был сложиться определенный симбиоз лагерей и поселений заключенных – прообраз колонизации «по-социалистически». Однако в реальности, по мнению С. А. Красильникова, определяющее значение для развития северных территорий имела спецколонизация силами ссыльного крестьянства [Красильников 2003: 63–64].

«Освоенческая» парадигма явно превалирует в исследовании Н. М. Игнатовой. Исследуя политику государства в отношении спецпереселенцев в 1930–1950-е гг. на материалах Коми АССР, Н. М. Игнатова приходит к выводу о том, что «именно экономические потребности государства играли приоритетную роль в осуществлении массовых

принудительных переселений», а «спецпереселенцы стали в своем роде «заложниками» экономических потребностей государства, приписными рабочими на лесозаготовках, шахтах рудниках и фабриках» [Игнатова 2009: 41]. Автор заключает, что «политика спецпереселения строилась, исходя из потребностей регионов» в рабсиле [Игнатова 2009: 41].

Одним из перспективных направлений предстоящих исследований является изучение языка и дискурсивных практик власти путем исследования огромного массива уже опубликованных и неопубликованных (в том числе устных) источников. Это должно позволить реконструировать логику мышления организаторов спецпереселений и спецпоселений. Например, в докладной записке председателя Уральского облисполкома Овшинцева и полпреда ОГПУ по Уралу Г. П. Матсона мы видим консолидированную позицию властей относительно «Капитальных вложений, связанных с колонизацией Севера» и, в частности, данные о деятельности рыбопромышленных организаций в этой области: «...Рыбтрест на Тобольском Севере на 3000 семейств наметил к постройке 17 поселков в 1500 изб общей стоимостью 600.000 рублей. Такая сумма расчетов взята из следующих соображений – что на 2 кулацкие семьи будет построена одна семья зырянского типа стоимостью 250 рублей без поденной платы и стоимости древесины» [Политбюро и крестьянство 2006: 649]. Здесь налицо концептуально «поселковое» мышление, при котором колонизационной единицей выступает не отдельный спецпереселенец/крестьянская семья, а целый поселок, что позволяет понять причины огромных человеческих жертв при спецпереселении, поскольку власти, осуществлявшие спецколонизацию, мыслили не в «человеческом измерении», а в «поселковом».

Насущной необходимостью является также изучение степени проникновения и восприятия официального дискурса управленческой вертикали общественной горизонталью (спецпоселенческим социумом и «правовым» населением). Характерным примером являются воспоминания бывшей спецпоселенки поселка Черный Мыс (Сургутский район Ханты-Мансийского округа) Г. С. Бронниковой. В рукописи читаем: «Даже в школе, и то, нас объединяли в отдельный класс «колонков» [ПМА: Рукопись]. Фрагмент рассказа репрессированной примечателен по нескольким причинам: во-первых, здесь описываются события 1946 г., когда с момента появления «кулаков» на спецпоселении прошло более 15 лет, но память о появлении спецколонистов была жива и продолжала воспроизводиться в форме детских издевок (есть и другие примеры аналогичных воспоминаний [Пахотин 2014]); во-вторых, рассказ свидетельствует о том, что официальный колониальный дискурс начала

1930-х гг. породил скрытие и явные дискриминационные практики в общественной вертикали (отношениях между представителями спецпоселенческого социума и «правового» населения).

Значительная часть исследователей воспринимает спецпоселения как часть «большого ГУЛАГа» (в первую очередь, западные авторы) и системы внутреннего колониализма. Колонизационный дискурс в историографии истории спецпоселений является частью общего историографического тренда (зародившегося в англоязычной историографии) на изучение и выявление практик использования советской властью персонала (специалистов), институтов, методов и методик, разработанных и апробированных Российской империей во 2-й пол. XIX – начале XX вв. [Холквист 2011; Ферретти 2013].

Источники

Полевые материалы автора: Рукопись воспоминаний Г. С. Бронниковой (ПМА: Рукопись).

Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940: В 2 кн. Кн. 2. М.: РОССПЭН, 2006. 1120 с.

Литература

Виола Л. Крестьянский ГУЛАГ: мир сталинских спецпоселений. М.: РОССПЭН, 2010. 335 с.

Вязьмин М. А. Спецколонизация Северного Края: социально-медицинский аспект // Экология человека. 1994. № S1. С. 49–50.

Игнатова Н. М. Спецпереселенцы в республике Коми в 1930–1950-е гг. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 2009. 192 с.

Коротаев В. И. Проблемы колонизации и спецколонизации Русского Севера / Северного края и опыт их разрешения во второй половине XIX – первой трети XX века // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 1. С. 26–35.

Красильников С. А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 2003. 288 с.

Пахотин С. Павел Акимов: «Сегодня о репрессиях молчать невозможно!» // «Переселенцы поневоле»: Сборник воспоминаний спецпереселенцев 1930–1940-х гг. Сургут и Сургутский район. Курган: ООО Полиграфический комбинат Зауралье, 2014. С. 8–12.

Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ, 1917-1956. [В 3 кн.], Ч. V–VII: опыт художественного исследования. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. 632 с.

Хили Д. Наследие ГУЛАГа: принудительный труд советской эпохи как внутренняя колонизация // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 684–728.

Ферретти М. Генезис сталинизма: авторитарная модернизация, социальное сопротивление и репрессии // История сталинизма: Жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий: материалы международной научной конференции / сост. А. Сорокин, А. Кобак, О. Кувалдина. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2013. С. 120–140.

Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.

Холквист П. Вычислить, изъять и истребить: Статистика и политика населения в последние годы царской империи и в Советской России // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М., 2011. С. 139–179.

Эпплбаум Э. ГУЛАГ. Паутина Большого террора. М.: Московская школа полит. исследований, 2006. 608 с.

Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. 3-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 448 с.

Conquest R. W. The Nation Killers. London: Sphere books ltd., 1972. 229 p.

УДК 331.105.44

ЧИСЛЕННОСТЬ ЧЛЕНОВ ПРОФСОЮЗОВ КАЛМЫКИИ В 1957–1985 гг.

Сартикова Е. В.¹

¹ доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории Калмыцкого научного центра Российской академии наук (г. Элиста).

E-mail: sartikova_evgeniya@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется численность профсоюзов Калмыкии в 1957–1985 гг. Большое внимание облсовпроф уделял вопросам профсоюзного членства, которые регулярно рассматривались на заседаниях президиума областного совета, пленумах, конференциях. В рассматриваемый период происходил рост численности членов профсоюзов. Возросло количество членов профсоюзов в промышленности, строительстве, на транспорте и в сельском хозяйстве, а также увеличилось число первичных профсоюзных организаций. К сожалению, прием в члены профсоюза проходил формально, автоматически, когда при устройстве на работу человек сразу считался членом профсоюзной организации учреждения, чем и достигался 100 % охват профсоюзным членством.

Ключевые слова: профсоюз, численность, профсоюзный актив, подбор кадров, отчетно-выборные собрания и конференции, обучение активистов, Калмыкия.

Профессиональные объединения России к настоящему времени накопили колоссальный исторический опыт в регулировании социальных и производственно-трудовых отношений, в поддержке профессиональных интересов трудящихся. Именно поэтому история профсоюзного движения, особенно на региональном уровне, требует глубокого изучения, обобщения и систематизации для отражения роли и вклада профессиональных объединений в реализацию важнейших экономических и социальных задач на различных этапах развития общества.

Историографию проблемы условно можно разделить на два крупных периода: первый – с 1957 по 1990 год; второй – с начала 1990-х гг. до настоящего времени. В новый период истории разработки в области профессионального движения позволили исследователям фокусировать внимание на ранее не поднимаемых проблемах. Современную научную литературу по теме исследования можно разделить на проблемные группы: фундаментальные издания, обобщившие исторический путь профес-

сионального движения в России [Гриценко 1996; Рогожин 1997; История профсоюзов 1999; Алексеев 2000; Носач 2001; Профсоюзы России 2005; Лобок, Морозов 2007], исследования профсоюзного движения в отдельных регионах России [Профсоюзы Камчатки 2001; Профсоюзы Кузбасса 2003; Из истории профсоюзов Мордовии 2004; Мурсалимов, Шитов, Пожарский 2005], проблем истории отраслевых профессиональных объединений [История профсоюза 2000; Российский профсоюз 2002; Этапы большого пути 2005]. Анализ исторической литературы показывает, что в указанные периоды были достигнуты значительные успехи в освещении многих проблем истории профсоюзного движения.

Состояние научной разработанности темы в Калмыкии свидетельствует об отсутствии в ней специальных обобщающих трудов, хотя отдельные её аспекты, естественно, затрагивались в исследованиях. Имеются небольшая брошюра О. Чонкушова [Чонкушов 1931], статьи Г. К. Леджинова [Леджинов 1977], К. Ф. Ястребова [Ястребов 1927] по этой теме. В брошюре О. Чонкушова, написанной в 1931 г., показана деятельность профсоюзов Калмыцкой автономной области: заключение коллективных договоров, участие в соцсоревновании и ударничестве, культштурме, охране труда работающих, социальном страховании. Это первая работа, непосредственно посвященная истории профсоюзов Калмыкии. Определенный материал по истории профсоюзов Калмыкии, отдельным её отраслям содержится в коллективных трудах [Очерки 1970; Очерки 1980]; в диссертациях, посвященных развитию промышленности, рабочего класса [Санжиева 1983; Таванец 1980].

Относительно новая литература включает диссертацию И. А. Кичиковой [Кичикова 1991], посвященную деятельности профсоюзов только в 60-е годы XX в. и 3 книги, которую написали сами профсоюзные работники. В работе «Профсоюзы Калмыкии: страницы истории» [Профсоюзы Калмыкии 2005] рассматривается летопись профсоюзов, начиная с Октябрьской революции 1917 года. Деятельность профсоюзов Калмыкии, в особенности их крупнейшего объединения Федерации профсоюзов работников образования и науки Калмыкии, рассматривается в общей работе [Калмыцкая 2005]. Книга посвящена истории становления и утверждения профсоюзов Калмыкии: о лидерах, о профсоюзных активистах разных лет, которые внесли неоценимый вклад в развитие профсоюзного движения. Сборник «Профсоюз и время» [Профсоюз и время 2009] включает информацию о деятельности Калмыцкого республиканского комитета профсоюза работников образования и науки за 2005–2009 гг., политику отраслевого профсоюза в условиях модернизации образования.

Определенный материал о деятельности профсоюзов Калмыкии содержится в монографии К. Н. Максимова «Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России» [Максимов 2002], в которой внимание обращено на формирование общественных организаций, в них одно из важных мест в системе политической организации республики отводилось профсоюзам.

Новый взгляд на историю профессиональных союзов Калмыкии, их деятельность в советский период предстает в статьях Е. В. Сартиковой. Автор рассматривает деятельность профсоюзов в конце 50-х – начале 60-х гг. XX в. [Сартикова 2015б], восстановление структуры профсоюзов в 1957–1967 гг. [Сартикова 2015а] и другие аспекты темы. В них автор вводит в научный оборот значительный объем документальных архивных источников, освещает не только положительные, но и отрицательные процессы в развитии регионального профсоюзного движения.

Таким образом, историографический обзор по проблеме исследования показал, что деятельность профессиональных союзов Калмыкии на протяжении огромного хронологического периода не подвергалась глубокому научному анализу. Имеющиеся работы положили начало изучению их деятельности на разных этапах истории.

Актуальность, теоретическая и прикладная значимость этой проблемы, недостаточность её разработки послужили причинами выбора темы исследования.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 января 1957 г. была восстановлена национальная государственность калмыцкого народа в форме автономной области, а 29 июля 1958 года её преобразовали в автономную республику. В этот период восстанавливались из руин разрушенные еще в войну населенные пункты, школы [Сартикова 2005: 389–396], культурно-просветительные учреждения, возобновлялась деятельность общественных организаций, в том числе и профсоюзов.

В 1958 г. была восстановлена деятельность Калмыцкого областного совета профсоюзов. 24 апреля 1958 г. в Элисте проходила I Областная межсоюзная конференция профсоюзов, в которой участвовали 126 делегатов, представлявших 30 891 члена профсоюза в 437 первичных профорганизациях области [НА РК. Ф. Р-13. Оп. 4. Д. 3. Л. 23]. В 1959 г. в республике насчитывалось 670 первичных организаций. Большую роль в улучшении их работы сыграли введение «Положения о правах фабричного, заводского, местного комитета профессионального союза» (1958 г.) и постоянно-действующих производственных совещаний.

Как свидетельствуют архивные источники, в 1963 г. в 566 первичных профсоюзных организациях объединялось 48 860 членов профсоюзов

или 93,8 % всех работающих. Впервые провели районные и городские конференции всех отраслевых профсоюзов, на которых избрали 43 районных и городских профсоюзных комитета, вся их работа строилась на общественных началах. Создано 6 профкомов производственных управлений [НА РК. Ф. Р-13. Оп. 4. Д. 16. Л. 40]. В 1964 г. в рядах профсоюзов республики насчитывалось 64 тыс. человек. Возросло количество членов профсоюзов в промышленности, строительстве, на транспорте и в сельском хозяйстве, а также увеличилось число первичных профсоюзных организаций [НА РК. Ф. Р-13. Оп. 4. Д. 22. Л. 74]. В этот период возросла роль профсоюзов в хозяйственном и культурном строительстве, обогатилось содержание их деятельности, совершенствовались формы и методы их работы, которая строилась на соблюдении уставных норм, широкой демократии, принципов коллегиальности в руководстве. Прошедшие выборы профсоюзных органов показали, что улучшилась деятельность первичных организаций, усилилось их влияние на все стороны работы предприятий и строек. Связанные непосредственно с производством, с трудящимися, они являлись основой профессиональных союзов. К 1965 г. в республике насчитывалось уже 1047 первичных профсоюзных организаций [НА РК. Ф. Р-13. Оп. 4. Д. 22. Л. 32].

Профсоюзные организации стали активнее участвовать в разработке финансовых планов предприятий, в организации труда, шире привлекать рабочих и служащих к управлению производством, умело мобилизовать их на борьбу за подъем производства, заботиться об улучшении условий труда и быта рабочих и служащих, об их культурном обслуживании. Значительно вырос профсоюзный актив республики. Если в 1959 г. в его числе насчитывалось 2 250 членов фабрично-заводских, райкомов, горкомов, местных, цеховых и фермерских комитетов, 227 профгруппоргов, 3 165 комиссий ФЗМК, общественных контролеров, страховых делегатов, то в 1963 г. избрали 3 186 человек членами местных и рабочих комитетов, 2 050 – членами ревизионных комиссий, 5 700 – членами различных комиссий ФЗМК, 694 общественных контролера торговли и общепита, 920 инспекторов по охране труда, 1 040 членов страховых комиссий и страхделегатов, а всего в республике насчитывалось 14 385 профсоюзных активистов [НА РК. Ф. Р-13. Оп. 4. Д. 16. Л. 40]. Работа профсоюзных органов всех уровней осуществлялась под контролем партийных комитетов.

По республике от общего числа работающих членов профсоюзов насчитывалось 93,4 % [НА РК. Ф. Р-13. Оп. 4. Д. 7. Л. 27], а по Каспийскому, Сарпинскому и Черноземельскому районам всего лишь 88 %. Успешная деятельность профсоюзов во многом зависела от правильного подбора,

расстановки и воспитания кадров. На руководящую работу в профсоюзы выдвигали новых работников. 2/3 избранных в новый состав профсоюзных органов составляли рабочие и инженерно-технические работники с производства (например, председателем рабочкома совхоза «Степной» избрали Данданова, ранее работавшего управляющим фермой совхоза). 24 председателя рабочих комитетов и 8 председателей райкомов союза прошли специальные курсы при Ставропольском крайсовпрофе. Кроме того, силами аппарата совпрофа провели семинары с профактивом непосредственно в районных центрах с общим охватом 850 человек. Большое значение имели и такие организационные формы обучения активистов, как специальные постоянно действующие семинары, посвященные обмену опытом работы, обучения конкретной экономики производства. Совет профсоюзов при плане обучения на 1959 г. 439 человек, на краткосрочных семинарах обучил 277 человек, что составляло 51,7 %. Не обучались на краткосрочных семинарах казначеи ФЗМК, общественные инспекторы по технике безопасности, председатели касс взаимопомощи, заведующие клубами, библиотечные работники и киномеханики [НА РК. Ф. Р-13. Оп. 4. Д. 7. Л. 31].

Областной совет профсоюзов, руководствуясь решениями XXI съезда КПСС, декабрьского Пленума ЦК КПСС (1957 г.), XII съезда профсоюзов, XIX и XX областной партийной конференции, решениями бюро ОК КПСС и первой областной профсоюзной организации республики, опираясь на возросшую политическую и трудовую активность трудящихся, направлял свои усилия на повышение роли профсоюзов в государственном, хозяйственном и культурном строительстве. После V межобластной конференции число членов профсоюзов республики возросло на 10 тыс. человек [НА РК. Ф. Р-13. Оп. 4. Д. 22. Л. 142], что позволило вновь создать три областных комитета профсоюзов. К VI областной межсоюзной конференции профсоюзов Калмыцкой АССР (1967 г.) насчитывалось уже 73 тыс. членов профсоюза, или 96,6 % работающих, 73 райкома и горкома, 735 первичных организаций.

К 1975 г. областной совет профсоюзов объединял 1 158 первичных профсоюзных организаций, в которых состояли более 116 тысяч членов профсоюза, что составляло 96,7 % к числу работающих и учащихся. Таким образом, за два года численность «первичек» возросла на 83 единицы, а членов профсоюзов – на 15 тысяч. Совет профсоюзов объединял 8 обкомов профсоюзов, 2 районных совета, 73 горкома и райкомов, 12 объединенных комитетов профсоюзов [НА РК. Ф. Р-13. Оп. 4. Д. 1074. Л. 4].

Председателем Калмыцкого областного совета профсоюзов в этот период работал Гаря Кирюхаевич Леджинов. Он родился 15 октября

1923 г. в селе Годжур Приозерного района Калмыцкой АССР. Окончил 10 классов. В 1941–1945 гг. служил в рядах Советской армии. С 1943 по 1945 гг. участвовал в боях на фронтах Великой Отечественной войны. С 1945–1957 гг. работал на руководящей работе в сельском хозяйстве, за что был награжден медалью «За освоение целинных и залежных земель». В апреле 1957 г. Гаря Кириюхаевич продолжил трудовую деятельность в партийных и профсоюзных органах республики: работал инструктором отдела пропаганды и агитации, заведующим организационным отделом партийных органов Калмыцкого обкома КПСС. С апреля 1962 г. по декабрь 1973 г. работал первым секретарем Целинного райкома КПСС. В декабре 1973 г. Гаря Кириюхаевича избрали председателем Калмыцкого областного совета профсоюзов. Он возглавлял облсовпроф до апреля 1977 г. [Профсоюзы Калмыкии 2005: 131].

Многие профсоюзные организации стали больше уделять внимания производству, воспитанию, труду и быту рабочих и служащих. К ним относились рабочкомы совхозов «Комсомолец», «Степной», им. Джалыкова, им. Калинина, «40 лет ВЛКСМ», им. Чапаева, профсоюзные комитеты ПМК «Нижевогэлектромонтаж», автобазы № 9, ТУСМ-11, карьера «Чолун-Хамур», Городовиковской швейной фабрики, Аршанского мясокомбината, Каспийского машзавода и др. Совет профсоюзов провел 8 пленумов и один актив с повесткой дня: «О задачах профкомитетов республики в связи с итогами декабрьского (1973 г.) Пленума ЦК КПСС, Обращением ЦК КПСС к советскому народу и V пленумом ВЦСПС»; «О работе Черноземельского райкома профсоюза рабочих и служащих сельского хозяйства и заготовок и объединенного комитета профсоюза рабочих автотранспорта и шоссейных дорог по руководству социалистическим соревнованием»; «О задачах профкомитетов по усилению контроля за улучшением жилищно-бытовых условий и торгового обслуживания рабочих и служащих республики»; «О задачах профсоюзных комитетов по усилению контроля за состоянием охраны труда и техники безопасности в республике»; «О ходе социалистического соревнования в честь XXV съезда КПСС в коллективах местной промышленности и коммунального хозяйства республики и в совхозах, колхозах Приютненского района»; «О задачах профсоюзных комитетов республики по улучшению исполнения профсоюзного бюджета и бюджета государственного социального страхования»; «О ходе выполнения Постановления ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС от 30.05.69 г. «О мерах по дальнейшему развитию туризма и экскурсий в стране».

На президиумах и секретариатах совета профсоюзов рассматривалась работа профсоюзных комитетов по выполнению решений вышестоя-

ящих партийных и профсоюзных органов. Некоторые вопросы, рассмотренные на президиумах и секретариатах совета профсоюзов, касались конкретной работы предприятий и организаций: «О практике использования фонда материального поощрения и фонда социально-культурных мероприятий строительства в совхозе «Комсомолец»; «О состоянии охраны труда и производственной санитарии на предприятиях мясо-молочной промышленности»; «О работе профсоюзной и хозяйственной организации совхоза «Садовый» по досрочному выполнению 5-летнего плана по продаже государству сельскохозяйственной продукции»; «О ходе выполнения постановления ВЦСПС «О дальнейшем улучшении организаторской и воспитательной работы профсоюзных групп» обкомом профсоюза рабочих строительства и промстройматериалов»; «О руководстве Приютненского РК профсоюза сельского хозяйства работой школ коммунистического труда»; «О работе местного комитета автобазы № 9»; «О работе рабочкома и администрации совхоза «Аршань-Зельменский» по созданию культурно-бытовых условий механизаторам, занятых на полевых работах»; «О состоянии критики и самокритики в профорганизациях управления «Союзкалмводстрой»; «О работе ОК профсоюза Калммежколхозстройобъединения по руководству социалистическим соревнованием» и ряд других вопросов.

В 1978 г. областной совет профсоюзов объединял уже 1 241 первичную профсоюзную организацию, в которых насчитывалось 119 402 члена профсоюза, что составляло 94,1 % к числу работающих. По сравнению с 1975 г. количество ФЗМК увеличилось на 99 единиц, а членов профсоюза – на 10 461 человека. В республике на 1 января 1978 г. из 13 400 колхозников было принято в члены профсоюза 9 140, или охват профчленством составлял 68,2 % [НА РК. Ф. Р-13. Оп. 4. Д. 1084. Л. 1]. Калмыцкий областной совет профсоюзов в этот период возглавлял Н. И. Пономарь. Он Пономарь родился 17 мая 1928 г. в селе Новогорлык Сальского района Ростовской области. В 1948 г. он окончил семилетнюю школу. Проходил воинскую службу в Группе советских войск в Германии. После демобилизации работал в Степновском райкоме комсомола, затем секретарем Целинного райкома КПСС и председателем райисполкома. С 1955 по 1957 г. работал первым секретарем Сарпинского райкома партии. В 1957 г. его направили на работу в организационный отдел Калмыцкого обкома КПСС. В 1965 г. окончил Ставропольский сельскохозяйственный институт по специальности «ученый-агроном». В 1977 г. Николай Иванович возглавил Калмыцкий областной совет профсоюзов. В этой должности работал в течение одиннадцати лет [Профсоюзы Калмыкии 2005: 132].

Совет профсоюзов к тому времени объединял 8 областных, 73 районных и городских, 12 объединенных комитетов, 12 профкомов учебных заведений. Значительно вырос уровень организационно-массовой работы в областном совете профсоюзов. Принимались меры по дальнейшему улучшению работы профсоюзных звеньев в свете Постановления ЦК КПСС «О работе ЦК профсоюза тяжелого машиностроения». В начале 1980-х гг. численность профсоюзов республики составляла 158 тыс. человек, в которых объединялись 11 областных комитетов, 12 объединенных, 79 райгоркомитетов, 1 365 первичных организаций, 662 цеховых комитета и 2 391 профгруппа. В ходе отчетов и выборов улучшился качественный состав профсоюзных органов: больше избрано членов КПСС, рабочих, молодежи, женщин. Среди профгруппиров рабочих составляли 72 %, в составе профкомов – 66 %. На общественных началах работали 1 обком, 62 райкома и 1 270 профкомов, их возглавляли профсоюзные активисты [НА РК. Ф. Р-13. Оп. 6. Д. 1. Л. 35].

Областной совет профсоюзов постоянно проводил в обучение профсоюзных кадров. В среднем ежегодно обучение проходили около 36 тыс. профсоюзных активистов, в том числе в школах профактива по 9 тыс. чел., на постоянно действующих семинарах – 8 тыс., на профкурсах – 3 тыс., других формах обучения – 15 тыс. чел. В 1984–1985 гг. в каждом районе побывали комплексные бригады облсовпрофа, оказывая помощь первичным профсоюзным организациям. Периодически областной совет профсоюзов отчитывался о проделанной работе. На профсоюзных курсах обучались работники среднего звена, профгрупп и комиссий. Развивалось наставничество, что помогало повысить уровень организаторской работы, совершенствовать формы и методы работы профсоюзных комитетов. На пленумах облсовпрофа рассматривались вопросы: «О задачах профсоюзных комитетов республики по активизации работы, направленной на дальнейшее улучшение бытовых условий на производстве и расширение бытового обслуживания трудящихся на предприятиях, в организациях, колхозах и совхозах в свете Письма ВЦСПС от 16 ноября 1984 года», «О мерах по улучшению использования клубных учреждений и спортивных сооружений и усилению организации социалистического соревнования по достойной встрече XXVII съезда КПСС»; «О задачах профсоюзных организаций республики по развертыванию социалистического соревнования в свете решений XXVII съезда партии и Постановления ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ «О Всесоюзном социалистическом соревновании за успешное выполнение заданий двенадцатой пятилетки». На заседании президиумов заслушивались доклады: «О работе обкома профсоюза работников сельского хозяй-

ства по выполнению плана основных мероприятий по реализации Продовольственной программы», «О работе администрации и объединенного комитета профсоюза треста «Калмстрой» по обеспечению правильности применения действующих условий оплаты труда», вопросы укрепления трудовой и производственной дисциплины. На президиуме для контроля за выполнением критических замечаний заслушивался отчет Малодербетовского райкома профсоюза агропрома по руководству коллективными договорами, а также о том, что руководство и профком Каспийского машзавода сделали для улучшения условий труда и быта рабочих. В отделах обсуждали, как улучшить работу общежитий и ряд других.

В 1984–1985 гг. в Калмыкии насчитывалось 162 500 членов профсоюзов, объединенных в 1 403 профсоюзные организации, 683 цеховые организации, 2698 профгрупп. 1 286 профсоюзных организаций возглавляли председатели на общественных началах, в 62 райкомах профсоюзов работали неосвобожденные председатели [НА РК. Ф. Р-13. Оп. 6. Д. 116. Л. 33]. Улучшился качественный состав выборного профсоюзного актива. На отчетно-выборных собраниях уделялось внимание перестройке работы профсоюзных органов с тем, чтобы устранить формализм в социалистическом соревновании, укрепить трудовую дисциплину, бороться за трезвый образ жизни и вести борьбу с нетрудовыми доходами. Не везде отчеты и выборы проходили демократично. Некоторые работники обкомов, облсовпрофа не оказывали практическую помощь в подготовке и проведении отчетно-выборных собраний и конференций, вследствие чего нарушался Устав профсоюзов СССР и «Инструкция о проведении выборов профсоюзных органов». ВЦСПС внимательно следил за работой профсоюзов Калмыцкой республики. Бригада ВЦСПС дважды побывала в Калмыкии для оказания практической помощи в работе. Профсоюзная организация республики свою работу направляла на улучшение жизни и быта трудящихся, защиту их интересов, обеспечение социальной справедливости.

Таким образом, в результате восстановления структуры профсоюзов увеличивалась численность членов профсоюзных организаций. К сожалению, прием в члены профсоюза проходил формально, автоматически, когда при устройстве на работу человек сразу считался членом профсоюзной организации учреждения, чем и достигался 100 % охват профсоюзным членством. Как отмечал А. В. Золотов, «профсоюзы охватили практически всех трудоспособных. Высокого уровня достигло их организационное единство. Вместе с тем они фактически были подчинены правящей партии и с годами утратили возможность активно отстаивать интересы работников» [Золотов 2011: 4].

Источники

Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК).

Литература

Алексеев Г. П. Российские профсоюзы: 1905–1995 годы: хроника. Статистика. Документы. Анализ. М.: АТиСО, 2000. 103 с.

Гриценко Н. Н. Профсоюзы России: основные этапы развития и уроки пройденного пути. М.: АТиСО, 1996. 52 с.

Золотов А. В. Развитие профсоюзного движения России. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2011. 374 с.

Из истории профсоюзов Мордовии: События. Факты. Документы. Люди. Саранск: Красн. Окт., 2004. 592 с.

История профсоюза работников лесных отраслей / Сост. В. Л. Поляков. М.: АТиСО, 2000. 360 с.

История профсоюзов России: Этапы, события, люди / Под ред. Н. Н. Гриценко, В. А. Кадейкина, Е. В. Макухина. М.: ФНПР; Акад. труда и соц. отношений, 1999. 592 с.

Калмыцкая республиканская организация профсоюза работников народного образования и науки Российской Федерации: Этапы, события, люди. Элиста: Джангар, 2005. 96 с.

Кичикова И. А. Деятельность профсоюзов в Калмыцкой АССР в 60-е годы: дис. ... к.и.н. М.: Институт истории СССР, 1991. 182 с.

Леджинов Г. К. Профсоюзы – школа коммунизма // Под ленинским знаменем. Элиста: Калмиздат, 1977. С. 267–284.

Лобок Д. В., Морозов В. Б. Профсоюзное движение: история, теория, практика. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2007. 244 с.

Максимов К. Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX вв.). М.: Наука, 2002. 524 с.

Мурсалимов Г. С., Шитов В. Т., Пожарский Б. И. Профсоюзы Прикамья: 1905 – 2005. Пермь: Профсоюзный курьер, 2005. 271 с.

Носач В. И. Профессиональные союзы России (1905–1930). СПб.: Изд-во СПбГУП, 2001. 398 с.

Очерки истории Калмыцкой АССР. Эпоха социализма. М.: Наука, 1970. 432 с.

Очерки истории калмыцкой организации КПСС. Элиста: Калмиздат, 1980. 451 с.

Профсоюз и время: информация о работе Калмыцкого рескома профсоюза за 2005–2009 гг. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2009. 164 с.

Профсоюзы Калмыкии: страницы истории / Сост. И. П. Надбитова, редкол. М. А. Эренценов и др. Элиста: Джангар, 2005. 166 с.

Профсоюзы Камчатки / Авт.-сост. А. Кубарев. М.: АТиСО, 2001. 398 с.

Профсоюзы Кузбасса между прошлым и будущим / Под общ. ред. В. Ю. Скотникова. Кемерово: ООО «РМФ «Весть», 2003. 124 с.

Профсоюзы России: современный этап. 1990–2005 годы / Рук. авт. колл. Н. Н. Гриценко. М.: АТиСО, 2005. 515 с.

Российский профсоюз работников народного образования и науки: становление, социальные проблемы и коллективные действия / Отв. ред. А. М. Кацва. М.: Рохос, 2002. 400 с.

Рогожин Е. С. Профсоюзы: история, лидеры, проблемы. 1906–1996. Саратов: Приволж. изд-во «Детская книга», 1997. 495 с.

Санжиева В. Ш. Развитие промышленности Калмыцкой АССР (1920 – 1970 гг.): автореф. дис. ... к.и.н. М.: Институт истории СССР, 1983. 22 с.

Сартикова 2015а – *Сартикова Е. В.* Восстановление структуры профсоюзов в 1957–1967 гг. (на материалах Калмыкии) // Мат-лы междунар. науч. конф. «Проблемы социокультурного информационного пространства» (Чехия, Прага, 15–22 апреля 2015 г.) // Международный журнал экспериментального образования. 2015. № 6. С. 85–88.

Сартикова 2015б – *Сартикова Е. В.* Деятельность профсоюзов Калмыкии в конце 50-х – начале 60-х гг. XX в. // Современные проблемы науки и образования. 2015. URL: <http://www.science-education.ru/125-20176> (<http://elibrary.ru/download/34219033.pdf>)

Сартикова Е. В. Реформа школы в Калмыкии после восстановления национальной автономии (1958–1964 гг.) // Калмыкия – субъект Российской Федерации: история и современность. Мат-лы Росс. науч. конф. (Элиста, 6-7 октября 2005 г.). Элиста: Изд-во КГУ, 2005. С. 389–396.

Таванец С. Д. Рабочий класс Калмыцкой АССР в условиях развитого социализма (60-е годы): автореф. дис. ... к.и.н. М.: Институт истории СССР, 1980. 23 с.

Чонкушов О. Профсоюзы Калмыкии к 10-летию Области. Элиста, 1931. 37 с.

Этапы большого пути: 100 лет российскому профсоюзу железнодорожников и транспортных строителей / Под общ. ред. Н. А. Никифорова. М.: ООО «Железнодорожное дело», 2005. 256 с.

Ястребов К. Ф. Профсоюзы в Калмоласти к десятилетию Октября // Калмыцкая область за 10 лет Октябрьской революции. Астрахань, 1927. С. 84–98.

УДК 94(47)084

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В КАЛМЫКИИ

Белоусов С. С.¹

¹ кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник
отдела истории Калмыцкого научного центра Российской академии
наук (г. Элиста).

E-mail: sbelousovelista@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется государственная политика в отношении Русской православной церкви в Калмыкии. Автором выделены этапы религиозной политики, рассмотрены ее формы и методы проведения, показаны цели и результаты.

В дореволюционный период главным направлением государственной религиозной политики в Калмыкии было миссионерское. Во 2-й пол. XIX в. в связи с появлением на калмыцких землях русско-украинских поселений формируется стационарная церковно-приходская сеть РПЦ.

После революции 1917 г. государство перешло к политике ликвидации организационных структур и духовенства РПЦ, закрыв к 1938 г. все православные приходы в Калмыкии. В период Великой Отечественной войны власти разрешили деятельность двух православных приходов в Калмыкии, которые продолжали свою деятельность и в послевоенный период.

В 1990-е гг. государство перешло к политике сотрудничества с церковью, в результате которой были восстановлена и получила дальнейшее развитие организационная структура РПЦ в Калмыкии.

Ключевые слова: государственная религиозная политика, Русская православная церковь (РПЦ), Калмыкия, христианизация, борьба с религией.

Начало изучению истории Русской православной церкви (далее – РПЦ) в Калмыкии было положено во второй половине XIX – начале XX вв. трудами представителей духовного сословия. В этот период времени были опубликованы книги по истории Астраханской епархии епископа Никанора (Каменского) [Каменский 1886] и И. Саввинского [Саввинский 1905]. Миссионерской деятельности РПЦ посвящены работы И. Летницкого [Летницкий 1903], П. Смирнова [Смирнов 1878], И. Третьякова [Третьяков 1882], иеромонаха А. Гурия [Гурий 1915]. Их исследования основываются на многочисленных источниках различного характера. В трудах упомянутых авторов в той или иной степени нашла свое отражение тема политики российского правительства в отношении

РПЦ на калмыцких землях. В досоветскую эпоху внимание большинства исследователей РПЦ Калмыкии преимущественно было сосредоточено на миссионерском аспекте (калмыцком и противосектантском) религиозной политики, гораздо меньше внимания уделялось изучению истории русско-украинских православных приходов.

В 1917 г. историко-религиоведческие исследования в Калмыкии были свернуты и возобновлены только во 2-й половине 1970-х гг. В последней трети XX столетия, также как и в досоветский период, исследователей интересовала преимущественно проблема христианизации калмыков, которая исследовалась с позиций господствующей тогда концепции колониального угнетения нерусских народов. Политику христианизации калмыков в рассматриваемый период активно исследовали Г. Ш. Дорджиева [Дорджиева 1995] и К. В. Орлова [Орлова 2006].

В последнее десятилетие XX – нач. XXI вв. историки обратились к изучению истории православных приходов Калмыкии, основную массу прихожан которых составляло восточнославянское население. В 1990-е гг. вышли работы И. В. Борисенко [Борисенко 1994; 1999], в которых рассматривается история возникновения и развития отдельных православных приходов на территории Калмыкии и политика властей по отношению к православному населению.

В 2000-е гг. вышла первая в отечественной историографии обобщающая работа по истории православных приходов Калмыкии в досоветский период С. С. Белоусова [Белоусов 2003], опубликованы его статьи по репрессивной политике властей в отношении православного духовенства в 1920–1940-е гг. [Белоусов 2004], религиозной политике государства в годы Великой Отечественной войны [Белоусов 2010] и в послевоенное время [Белоусов 2014]. В 2015 г. упомянутым автором была выпущена монография по религиозной политике российского руководства по отношению к христианскому населению Калмыкии в первой половине XX в. [Белоусов 2015].

В 2000-е гг. различные аспекты деятельности РПЦ затрагивались в статьях Е. Н. Бадмаевой [Бадмаева 2009] и Е. В. Сартиковой [Сартикова 2011].

Обзор научных трудов по истории государственной религиозной политики РПЦ в Калмыкии показывает, что они посвящены исследованию или отдельных аспектов, или периодов в религиозной политике, и что в отечественной историографии отсутствуют работы, охватывающие хронологическими рамками весь предшествующий период. Между тем, изучение всего прошлого опыта взаимоотношений государства и Русской православной церкви актуально, как в научном, так и в практическом от-

ношении, поскольку позволяет показать государственную религиозную политику в развитии и глубже ее осмыслить.

На протяжении своей многовековой истории территория Калмыкии в церковном отношении входила в состав различных епархий: в период Хазарского каганата (середина VIII–IX вв.) в Готскую митрополию Константинопольского патриархата, Золотой Орды – в Сарайскую епархию Киевской митрополии. После присоединения Астраханского ханства к России, в 1602 г. на юго-востоке страны была учреждена Астраханская епархия, в ведение которой поступило православное население обширных степей от Нижней Волги до Терского городка на Северном Кавказе.

Основной задачей РПЦ в Калмыкии было утверждение православия среди местного населения. Поскольку во второй половине XVII в. доминирующим по численности населением Астраханской губернии в результате перекочевки из Джунгарии становится калмыцкое, то руководство РПЦ обращает внимание на миссионерскую деятельность. Здесь необходимо отметить, что государственная власть в то время осторожно относилась к идее их христианизации, чтобы не спровоцировать политический кризис в отношениях с калмыцкой знатью, не хотевшей терять власть над своими подвластными. Отдельные случаи принятия калмыцкой знатью православия были вызваны обычно стремлением освободиться от центральной власти хана или наместника и приводили к откочевке крестившихся калмыков за пределы Калмыцкого ханства.

Кочевой образ жизни калмыцкого народа привел к необходимости создания в первой половине XVIII в. передвижных походно-улусных церквей. Они представляли собой специально оборудованные для богослужения кибитки, перевозившиеся в разобранном виде на арбах. После прибытия в кочевье кибитка собиралась и в ней проводились службы. Первая походно-улусная церковь была построена в 1724 г. для принявшего православие внука калмыцкого хана Аюки нойона Баксадай-Дорджи. После крещения нойон стал именоваться Петром Тайшиным и получил в подарок походную церковь от самого императора Петра I, ставшего его крестным отцом. Церковь на колесах возглавил иеромонах Никодим Ленкевич, знавший калмыцкий язык, помогали ему пять помощников. В задачу миссии входили переводческая деятельность (перевод на калмыцкий язык основ православия), христианизация калмыков, организация школ обучения и совершение религиозных обрядов. Миссионерская деятельность походно-улусных церквей имела определенный успех, о чем свидетельствовала положительная динамика числа крестившихся калмыков: в 1736 г. их было 5 285 чел., в 1754 г. – 8 695 чел. После откочевки в 1771 г. в Джунгарию большей

части калмыцкого народа походно-улусные церкви прекратили свою деятельность.

Передвижную церковь восстановили в 40-е гг. XIX в., когда завершилось формирование системы попечительской власти в Калмыкии. В кочевьях были учреждены стационарные улусные ставки, укомплектовывавшиеся русскими чиновниками, в связи с чем возникла проблема их религиозного обслуживания. 5 ноября 1846 г. император Николай I утвердил проект походно-улусной церкви, которая в 1854 г. приступила к служению под руководством священника В. Дилигенского.

Во второй половине XIX в. русские и украинские крестьяне в Калмыцкой степи основали переселенческие села. Усилиями жителей в них были построены храмы и церковно-приходские школы, в приходах сформировались система управления и устойчивые религиозные сообщества. В этот период в приходах Калмыкии служило немало священников, пользовавшихся авторитетом у местного населения благодаря своей подвижнической деятельности: Ф. Лушпаев, М. Доктусов, Ф. Дубянский, И. С. Фаворский, К. Ростошинский, Т. и И. Третьяковы, Ф. и Л. Колпиковы, В. Парабучев и др. Хорошую память о себе оставили священники-калмыки – Л. Лопатин, Николаев, П. Авдеев.

В последней трети XIX в. РПЦ активизировала усилия по христианизации калмыков, которая приняла более организованные формы. Дело христианизации было сосредоточено в руках специально созданного органа – Астраханского епархиального комитета православного миссионерского общества. Оплотом христианизации калмыков выступали миссионерские станы, где калмыки под руководством миссионеров укреплялись в православной вере, получали навыки оседлой жизни и земледельческих занятий. Ряд миссионерских станов положили начало современным селам Воробьевке, Чилгиру, Кегульте, Красномихайловке. Государство поддерживало христианизацию калмыцкого населения, так как она способствовала его сближению с русским народом и интеграции в российское социокультурное пространство. Вместе с тем в планы государственной власти не входило форсирование процесса принятия калмыками православия, поскольку это могло усилить недовольство калмыцкой знати и привести к нежелательным осложнениям. Поэтому была избрана тактика постепенного перевода калмыцкого народа в православие.

Во 2-й пол. XIX в. в Калмыкии оформилось новое направление деятельности РПЦ – по противодействию сектантам, прежде всего молоканам и баптистам, сумевших вовлечь в свои ряды часть русских и украинских крестьян. Во 2-й пол. XIX в. в населенных пунктах Калмыцкой степи появились последователи вероучений хлыстов (с. Тундутово, Оле-

ничево, п. Лагань), молокан (с. Элиста, Улан-Эрге, Троицкое). На рубеже XIX–XX вв. активную деятельность развернули евангельские христиане-баптисты. Численность отпавших от православной веры адептов новых вероучений была небольшой (несколько десятков человек), но они были достаточно активны и вовлекали в свои группы новых членов из числа православных христиан, а некоторые из сектантов пытались противодействовать миссионерской деятельности православных духовных лиц среди калмыков. Для борьбы с религиозными диссидентами в Астраханской епархии было создано Астраханское Кирилло-Мефодиевское Братство. Миссионеры стремились нейтрализовать воздействие на православных молоканской и баптистской пропаганды. Такая деятельность носила охранительный характер.

Кардинальные перемены в религиозной политике произошли после захвата власти в 1917 г. большевистской партией. Согласно ее идеологии религия должна была отмереть, уступив место коммунистическому мировоззрению. В соответствии с заложенными в программу партии антирелигиозными принципами выстраивалась конфессиональная государственная политика. Руководство большевистской партии развернуло активные действия по ликвидации религии, используя все имеющиеся в распоряжении государства средства и возможности. В 1920–1930-е гг. государство проводило политику по ликвидации организационных структур и духовенства РПЦ, чтобы лишить ее возможности влиять на население. В стране была развернута широкая атеистическая пропаганда и агитация, в отношении духовенства и церковнослужителей проводилась активная кампания по их дискредитации и ограничению в политических правах, оказывалось моральное и административное давление, применялись и прямые репрессии. В этих условиях приоритетной задачей для РПЦ стало сохранение религиозных организаций и кадров духовенства.

В конце 1920-х гг. власти приступили к массовому закрытию культовых сооружений и приходов. Изъятие церковных зданий происходило под различными предлогами. Чаще всего церковное здание забиралось для размещения народного дома (клуба) или школы, закрывалось под надуманным предлогом неудовлетворительного состояния культового сооружения. Вся процедура происходила с грубым нарушением законодательства о культурах и сопровождалась административным нажимом на верующих, арестами духовенства и церковных активистов. Общие собрания проходили в атмосфере давления на присутствующих с целью заставить их проголосовать за закрытие церкви. В 1920–1930-е гг. на территории Калмыкии власти ликвидировали 24 православных религи-

озных общества, в период с 1930 по 1938 гг. репрессировали 13 православных священников и 12 активистов [Белоусов 2015: 213]. К 1 января 1938 г. в Калмыцкой АССР были закрыты все православные приходы.

Свои структуры РПЦ частично восстановила в годы Великой Отечественной войны. Война способствовала смягчению религиозной репрессивной политики советского государства по отношению к церкви. В то же время необходимо отметить, что государственная власть не была заинтересована в восстановлении христианских организаций и рекомендовала местным властям использовать разные предлоги, чтобы не допустить их регистрации. В 1943–1957 гг. верующими с. Соленого, Троицкого, Тундутова, Обильного, Лагани, Садового, Башанты (Городовиковска), Плодовитого было подано в органы государственной власти 23 ходатайства об открытии церквей и молитвенных домов, но ни одно из них не было удовлетворено. Государственные власти разрешили регистрацию только двум Крестовоздвиженским молитвенным домам – в г. Элисте и с. Приютном, возобновивших свою деятельность в августе 1942 г. До начала 1990-х гг. эти два молитвенных дома были единственными в республике легально действующими православными храмами.

В послевоенный период власти не ставили своей целью закрыть два православных прихода Калмыкии, ограничиваясь в основном строгим контролем за соблюдением ими законодательства о религиозных культах. Последний советский Уполномоченный Совета по делам религиозных культов Калмыцкой АССР полагал, что оказывать давление на православные приходы Калмыкии нет никакой необходимости, поскольку прихожане в основном были людьми старших возрастов, и из-за отсутствия притока молодежи приходы уже в обозримом будущем прекратят свое существование. Действительно, в эти годы РПЦ пришлось пожинать плоды проводившейся в 1920–1930-е гг. политики атеизма. В 1960–1980-е гг. происходила смена поколений верующих. Рожденных до революции и воспитанных в религиозном духе сменяли поколения, чья социализация пришлась на годы советской власти и сознание которых подверглось массовой атеистической обработке. Они в большинстве своем были неверующими, поскольку РПЦ многие годы была лишена возможности оказывать на них свое влияние. В то же время в глубине памяти этих людей сохранялась какая-то связь с религиозной традицией, что побуждало их в массовом порядке на Пасху посещать могилы своих родственников, крестить детей, приходить в церковь на главные православные праздники.

В 1960–1980-е гг. два православных прихода Калмыкии сумели сохраниться, и большая заслуга в этом принадлежала священникам и цер-

ковным советам прихожан. В течение 22 лет (с 1964 г. по 1986 г.) Элистинский Крестовоздвиженский молитвенный дом возглавлял священник И. С. Шандрыгин, оставивший о себе добрую память у прихожан. Большим авторитетом у верующих в с. Приютном пользовался иеромонах В. Партолин. Он пришел настоятелем в Приютненский молитвенный дом в 1978 г. и прослужил в нем до 1982 г., однако за этот небольшой срок сумел поднять приход, находившийся в тяжелом положении. Партолин участвовал в Великой Отечественной войне и был награжден орденами Славы 3-й степ., Отечественной войны 2-й степ., Красной Звезды и многими медалями [ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 466. Л. 239]. Положительную роль православных священников в обеспечении стабильности течения религиозной жизни зарегистрированных приходов РПЦ признавали и местные власти. Уполномоченный Совета по делам религий Калмыцкой АССР Н. Н. Кекеев в 1982 г. писал в Совет по делам религий: «Одним из главных факторов сохранения устойчивой атмосферы религиозного духа в республике является, на наш взгляд, умение духовенства найти подход к верующим, правильно соразмерить религиозную деятельность с обстановкой данного момента, чувствовать новые веяния в настроении людей» [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2164. Л. 86].

Отношения между государством и РПЦ начали меняться в лучшую сторону в 1987 г. в преддверии празднования 1000-летия крещения Руси, но реальный исторический шанс для возрождения церкви получила только после падения в 1991 г. коммунистической власти. В 1990-е гг. в Калмыкии, как и по всей стране, началось восстановление церковных структур, храмов и возрождение полноценной приходской жизни. Следствием этих процессов явилось учреждение в 1995 г. в республике Элистинской и Калмыцкой епархии, первым епископом которой стал Зосима (В. М. Остапенко). Благодаря его усилиям и поддержке со стороны властей Калмыкии стало возможным учреждение на территории Калмыкии самостоятельной епархии, открытие новых приходов и строительство храмов. В настоящее время в Калмыкии действуют 20 приходов и 26 храмов, что свидетельствует о завершении в целом процесса восстановления институтов РПЦ.

Источники

Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК).
Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ).

Литература

Бадмаева Е. Н. Религиозная политика Советского государства в период нэпа: на примере Калмыцкой автономной области // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2009. Вып. 9. История. С. 107–113.

Белоусов С. С. Государственная власть и православное население Калмыкии в послевоенные годы (1946–1956 гг.) // Монголоведение. Вып. 7. Элиста: КИГИ РАН, 2014. С. 145–166.

Белоусов С. С. Государственная религиозная политика в Калмыкии в отношении христианских вероисповеданий в первой половине XX века (1900–1956 гг.). Элиста: КИГИ РАН, 2015. 236 с. [электронная].

Белоусов С. С. Политические репрессии против православного духовенства в Калмыкии в 20–30-х годах XX века // Политические репрессии в Калмыкии в 20–40-х годах XX века. Элиста: КИГИ РАН, 2004. С. 53–75.

Белоусов С. С. Православные приходы в Калмыкии в XIX–XX вв. (1806–1917 гг.). Элиста: АПП «Джангар», 2003. 160 с.

Белоусов С. С. Религиозная жизнь православного населения Калмыкии в годы Великой Отечественной войны // Вклад регионов Юга России в Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Материалы научно-практической конференции (Элиста, 20–22 апреля 2010 г.). Элиста: КалмГУ, 2010. С. 187–191.

Борисенко И. В. Православие в Калмыкии. М.: Изд-во Московской Патриархии, 1999. 72 с.

Борисенко И. В. Храмы Калмыкии. Альбом. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1994. 112 с.

Гурий А. Очерки по истории распространения христианства среди монгольских племен. Т. 1. Ч. 2. Калмыки. Казань, 1915. 700 с.

Дорджиева Г. Ш. Политика самодержавия и православная миссия среди калмыков. Элиста: АПП «Джангар», 1995. 127 с.

Каменский Н. Т. (Никанор). Краткая история Астраханской епархии. Астрахань: тип. И. Перова, 1886. 140 с.

Летницкий И. Миссионерская и духовно-просветительская деятельность Астраханского Кирилло-Мефодиевского Братства Астраханской епархии (1873–1903 гг.). Астрахань: тип. В. Л. Егорова, 1903. 186 с.

Орлова К. В. История христианизации калмыков. Середина XVII – начало XX в. М.: Восточная литература РАН, 2006. 207 с.

Саввинский И. Астраханская епархия (1602–1902 гг.). Общее историческое обозрение епархии. Астрахань: тип. В. Л. Егорова, 1905. 403 с.

Сартикова Е. В. Религиозное образование народов Поволжья в начале XX в. // Вестник КИГИ РАН. 2011. № 2. С. 42–46.

Смирнов П. О походно-улусных церквах для калмыков, кочующих в Астраханском крае // Астраханские епархиальные ведомости. 1878. № 26. С. 391–398; № 28. С. 425–430; № 29. С. 439–443; № 31. С. 467–474; № 32. С. 484–490; № 33. С. 497–502.

Третьяков И. Православная церковь среди калмыцких улусов в Астраханском крае // Астраханские епархиальные ведомости. 1882. № 20. С. 315–320; № 21. С. 331–341.

Сведения об авторах

Бадмаева Екатерина Николаевна – доктор исторических наук, доцент, заведующая отделом истории Калмыцкого научного центра Российской академии наук (г. Элиста). E-mail: en-badmaeva@yandex.ru.

Белюсов Сергей Степанович – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела истории Калмыцкого научного центра Российской академии наук (г. Элиста). E-mail: sbelousovelista@mail.ru.

Иванов Александр Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры естественно-научных и гуманитарных дисциплин Сургутского института нефти и газа (филиала) Тюменского индустриального университета в г. Сургуте; старший преподаватель кафедры истории России Сургутского государственного университета (г. Сургут). E-mail: 88d@bk.ru.

Лиджиева Ирина Владимировна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Калмыцкого научного центра РАН (г. Элиста). E-mail: irina-lg@yandex.ru.

Максимов Константин Николаевич – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела истории Калмыцкого научного центра Российской академии наук (г. Элиста). E-mail: maksimovkn@kigiran.com.

Оконова Людмила Вячеславовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Калмыцкого научного центра Российской академии наук (г. Элиста). E-mail: okonova.lv@gmail.com.

Очиров Уташ Борисович – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории Калмыцкого научного центра Российской академии наук (г. Элиста). E-mail: ochirovub@kigiran.com.

Ряжев Андрей Сергеевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник АНО ВО «Поволжский православный институт» (г. Тольятти). E-mail: riazhev@yandex.ru.

Сартикова Евгения Викторовна – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории Калмыцкого научного центра Российской академии наук (г. Элиста). E-mail: sartikova_evgeniya@mail.ru.

Согданова Заяна Геннадьевна – младший научный сотрудник отдела истории Калмыцкого научного центра Российской академии наук (г. Элиста). E-mail: garyaevaz@mail.ru.

Тепкеев Владимир Толтаевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Калмыцкого научного центра РАН (г. Элиста). E-mail: tvt75@mail.ru.

Научный журнал

**Magna adsurgit:
historia studiorum**

Великая степь:
исторические исследования

2016, №1

Компьютерная верстка *Д. В. Татнинов*

Подписано в печать 20.12.2016. Формат 70x100/16.

Тираж 100 экз. Заказ 19-16. Цена свободная.

Учредитель и издатель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Отпечатано в КалмНЦ РАН.

Республика Калмыкия, 358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, 8